

ОТЪ КОНТОРЫ ЖУРНАЛА.

Контора покорнѣйше проситъ лицъ, ПОДПИСАВШИХСЯ въ разсрочку НА ПОЛ-ГОДА и желающихъ продолжать подписку, ОЗАБОТИТЬСЯ ПРИСЫЛКОЮ 2-ГО ВЗНОСА НЕ ПОЗЖЕ 20-ГО ІЮНЯ. Всѣмъ не уплатившимъ къ этому сроку высылка журнала съ іюля мѣсяца будетъ приостановлена.

Кромѣ того при уплатѣ, какъ и при перемѣнѣ адреса, контора покорнѣйше проситъ присылать адресъ бандероли или № подписки.

СОДЕРЖАНІЕ.

	СТР.
1. ЛОГИКА. Романъ. Н. Осиповича	5
2. НЕЛЛИ. Стих. Влад. Вѣтвицкаго (Бѣлостоцкаго)	36
3. Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКІЙ, въ годы ученія и на пути въ университетъ. (Окончаніе). Евг. Ляцкаго.	37
4. Стихотвореніе * * А. Лукьянова	68
5. ЯШКА БЕЗПАЛОВЪ. Разсказъ. А. Серафимовича.	69
6. СОНЕТЫ. Стихотворенія. А. Ѳедорова.	83
7. ПОСЛѢДНІЯ ТЕЧЕНІЯ ФРАНЦУЗСКОЙ ЖИВО-ПИСИ. Я. Тугенхольда	85
8. ЗЕРКАЛО. Монгольская Пѣсня. Стих. К. Бальмонта.	104
9. УВИДѢЛИСЬ. Эскизъ. М. Ольминскаго.	105
10. ИДЕОЛОГІЯ МѢЩАНИНА НАШЕГО ВРЕМЕНИ. (По поводу книги г. Иванова-Разумника — „Исторія русской общественной мысли“). Г. Плеханова	112
11. ТОСКА. Разсказъ Владислава Реймонта. (Переводъ съ польскаго И. Смидовичъ).	139
12. ИЗЪ „ДВОРЦОВЫХЪ СКАЗОКЪ“ Фьельдинга (Пер. съ англ. Z. T.)	147
13. ГОЛОСЪ КРОВИ. (Zwischen den Rassen). (Продолженіе). Романъ Генриха Мана. Переводъ съ нѣмецкаго М. Славинской и Р. Ландау.	160
14. ЗЕМНАЯ КОРА. І. Лукашевича	1
15. СОВРЕМЕННЫЙ ПАРЛАМЕНТАРИЗМЪ И ЕГО ТЕОРЕТИКИ. (По поводу „Современнаго парламентаризма“ проф. Фальбека). Я. Магазинера.	26
16. РАЗСЛОЕНІЕ СОВРЕМЕННОЙ ДЕРЕВНИ (Крестьянскій банкъ, землеустр. комиссія и указъ 9 ноября). И. Чернышева	46

Современный МІРЪ

ІЮНЬ

1908

70724, 6

Идеология мѣщанина нашего времени.

Oh ironie, sainte ironie, viens que
je t'adore!

Прудонъ,

Г. Ивановъ-Разумникъ написалъ двухъ-томную „Исторію русской общественной мысли“, въ короткое время выдержавшую два изданія. И хотя, разумѣется, успѣхъ даннаго сочиненія никогда не можетъ служить ручательствомъ за его внутреннюю цѣнность, но онъ во всякомъ случаѣ показываетъ, что содержаніе этого сочиненія соответствуетъ извѣстнымъ требованіямъ читающей публики. Поэтому всякое сочиненіе, пользующееся успѣхомъ, заслуживаетъ вниманія со стороны того, кто, по той или другой причинѣ, интересуется вкусами читателей. Что же касается, въ частности, сочиненія г. Иванова-Разумника, то оно интересно еще и потому, что посвящено въ высшей степени важному предмету. Какъ не интересоваться русскому человѣку исторіей развитія русской общественной мысли?

Я съ жадностью прочелъ „трудъ“,—какъ любить выражаться г. Карѣвъ,—г. Иванова-Разумника. Прочелъ и... мнѣ стала понятна причина того успѣха, которымъ, несомнѣнно, пользуется теперь у насъ нашъ новый историкъ русской общественной мысли.

Всякій процессъ развитія, всякая „исторія“ представляется людямъ въ различномъ видѣ, сообразно той точкѣ зрѣнія, съ которой они на него смотрятъ. Точка зрѣнія—великое дѣло. Не даромъ же Фейербахъ говорилъ когда-то, что человѣкъ отличается отъ обезьяны только своей точкой зрѣнія. Какова же точка зрѣнія г. Иванова-Разумника?

Она характеризуется подзаглавіемъ его книги: „Индивидуализмъ и мѣщанство въ русской литературѣ и жизни XIX в.“. Г. Ивановъ-Разумникъ непримиримый врагъ мѣщанства. Мѣщанство, это—тотъ шибонетъ, съ помощью котораго онъ опредѣляетъ,—въ положительномъ или въ отрицательномъ смыслѣ,—заслуги русскихъ писателей: кто боролся съ мѣщан-

ствомъ, тотъ пользуется его симпатіями; кто мирился съ мѣщанствомъ, кто подчинялся ему или, что еще хуже, самъ былъ его проповѣдникомъ, тотъ подвергается осужденію. Сообразно съ этимъ и исторія русской общественной мысли представляется чѣмъ-то въ родѣ длиннаго поединка между мыслящими русскими людьми,—интеллигенція тожъ,—и мѣщанствомъ. Въ этомъ длинномъ поединкѣ „счастье боевое“ очень не рѣдко начинается служить мыслящимъ русскимъ людямъ. Вотъ, напримѣръ, мы узнаемъ отъ г. Иванова-Разумника, что „люди тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, западники, славянофилы, Бѣлинскій, Герценъ, дали этическому мѣщанству рѣшительную битву—и побѣжденное мѣщанство разсѣялось туманомъ при свѣтлой зарѣ шестидесятыхъ годовъ“ (т. I, стр. 225). Разумѣется, это было бы очень отрадно даже и въ томъ случаѣ, если бы было рассказано менѣе возвышеннымъ слогомъ. Но вотъ что очень печально: „разсѣиваясь туманомъ“, побѣжденное мѣщанство снова и снова собирается надъ мыслящими людьми черной тучей. Такъ, сообщивъ намъ о побѣдѣ людей тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ надъ „этическимъ мѣщанствомъ“, г. Ивановъ-Разумникъ меланхолически прибавляетъ: „Жаль только, что побѣда эта не была окончательная“. Еще бы не жаль! И тѣмъ больше жаль, что мыслящимъ людямъ,—и не только въ Россіи, но и во всемъ мірѣ,—какъ видно, вообще не суждено когда бы то ни было окончательно побѣдить мѣщанство. Возьмите хоть бы социализмъ. Многие думаютъ, что торжество социализма было бы окончательнымъ пораженіемъ мѣщанства. Но это большое заблужденіе. Г. Ивановъ-Разумникъ напоминаетъ своимъ читателямъ о той „еретической“ мысли Герцена, что „социализмъ, оставшись побѣдителемъ на полѣ битвы, самъ вырождается въ мѣщанство“ (т. I, стр. 369 курсивъ въ подлинникѣ). И къ этому напоминанію прибавляетъ: „эту мысль о потенциальномъ мѣщанствѣ социализма уразумѣло только поколѣніе русской интеллигенціи начала XX вѣка“. Я не могу сейчасъ же взяться за разсмотрѣніе того, какова собственно „еретическая мысль“ Герцена, и какъ именно поняло ее „поколѣніе начала XX вѣка“. Объ этомъ мнѣ придется весьма подробно говорить ниже. Сейчасъ я хочу только обратить вниманіе читателя на то, что если ужъ и социализмъ не справится съ мѣщанствомъ, то ясно, что оно дѣйствительно непобѣдимо, или—чтобы выразиться точнѣе—должно казаться непобѣдимымъ намъ, живущимъ, борющимся, страдающимъ и надѣющимся въ „началѣ XX вѣка“. Вѣдь мы лучше социализма пока еще ничего не придумали, а оказывается, что и социализмъ страдаетъ мѣщанствомъ, по крайней мѣрѣ,—„потенциальнымъ“. Какъ же тутъ не приуныть? Какъ не воскликнуть:

О, горе намъ, рожденнымъ въ свѣтъ!
Однако, откуда же берется непобѣдимая сила мѣщанства? И что оно за штука?

Выяснивъ себѣ понятіе мѣщанства, мы вмѣстѣ съ тѣмъ получимъ и ясное представленіе о точкѣ зрѣнія г. Иванова-Разумника. Но для того, чтобы хорошенько выяснить себѣ понятіе мѣщанства, намъ необходимо разстаться на время съ нашимъ авторомъ и обратиться къ Герцену. Всякія отступленія досадны; однако, нѣкоторые изъ нихъ бываютъ иногда не только полезны, но прямо необходимы,—и съ такими приходится мириться.

II.

Герценъ говоритъ о цивилизаціи западно-европейскихъ странъ:

„Передъ нами цивилизація, послѣдовательно развившаяся на безземельномъ пролетаріатѣ, на безусловномъ правѣ собственника надъ собственностью. То, что ей пророчилъ Сіэсъ, и случилось: среднее состояніе сдѣлалось *всѣмъ*—на условіи владѣть *чѣмъ-нибудь*. Знаемъ ли мы, какъ выйти изъ мѣщанскаго государства въ государство народное, или нѣтъ—все же мы имѣемъ право считать мѣщанское государство одностороннимъ развитіемъ, уродствомъ“¹⁾.

Въ строкахъ, непосредственно слѣдующихъ за только что приведенными, Герценъ поясняетъ, въ какомъ смыслѣ употреблено имъ слово: *уродство*. Оказывается, что это слово совсѣмъ не обозначаетъ собою чего либо неестественнаго, „противозаконнаго“ или, —какъ сказали бы мы теперь,—*незаконотрнаго*. „Отклоненіе и уродство *подзаконны* тому же *закону*, какъ и организмы... Но сверхъ общей подзаконности они еще состоятъ на особыхъ правахъ, имѣютъ свои частные законы, послѣдствія которыхъ опять-таки мы имѣемъ право выводить безъ всякихъ ортопедическихъ возможностей поправлять“. Герценъ приводит въ примѣръ жирафа. „Видя, что у жирафа передняя часть развита *односторонне*, мы могли догадаться, что это развитіе сдѣлано на счетъ задней части и что въ силу этого въ организмѣ непременно будетъ рядъ недостатковъ, соответствующихъ его одностороннему развитію, но которые для него естественны и относительно нормальны“.

Примѣняя эти общія соображенія къ цивилизаціи западной Европы, Герценъ продолжаетъ: „переднюю часть европейскаго камелеопарда составляетъ мѣщанство—объ этомъ можно было бы

¹⁾ Сочиненія А. И. Герцена, Genève—Bâle-Lyon 1879, т. X, стр. 215—216.

спорить, если-бъ дѣло не было такъ очевидно; но однажды согласившись въ этомъ, нельзя не видѣть всѣхъ послѣдствій такого господства лавки и промышленности. Ясно, что кормчій этого міра будетъ купецъ, и что онъ поставитъ на всѣхъ его проявленіяхъ свою торговую марку. Противъ него равно будетъ несостоятельна нелѣпость родовой аристократіи и несчастье родоваго пролетаріата. Правительство должно умереть съ голоду или сдѣлаться его приказчикомъ; у него на пристяжкѣ пойдутъ его товарищи по непроизводительности, опекуны несовершеннолѣтняго рода человѣческаго—адвокаты, судьи, нотариусы и пр.“¹⁾.

Такъ обстоитъ дѣло въ общественной *жизни*,—въ области „*бытія*“; и совершенно такъ же обстоитъ оно въ области *мысли* и вообще въ области „*сознанія*“. Съ обычнымъ своимъ блестящимъ талантомъ Герценъ рисуетъ печальныя духовныя послѣдствія буржуазнаго господства.

„Мѣщанство—послѣднее слово цивилизаціи, основанной на безусловномъ самодержавіи собственности, говоритъ онъ,—демократизація аристократіи, аристократизація демократіи; въ этой средѣ Альмавива равенъ Фигаро—снизу все тянется въ мѣщанство, сверху все само падаетъ въ него по невозможности удержаться. Американскіе Штаты представляютъ одно среднее состояніе, у котораго нѣтъ ничего внизу и нѣтъ ничего вверху, а мѣщанскіе права остались. Нѣмецкій крестьянинъ—*мѣщанинъ* хлѣбопашества, работникъ всѣхъ странъ—*будущій* мѣщанинъ. Италія, самая поэтическая страна въ Европѣ, не могла удержаться и тотчасъ покинула своего фанатическаго любовника Мацини, измѣнила своему мужу-геркулесу Гарибальди, лишь только гениальный мѣщанинъ Кавуръ, толстенный, въ очкахъ, предложилъ ей взять ее на содержаніе“¹⁾.

Эти остроумныя строки полезно будетъ дополнить еще вотъ этими.

„Все мельчаетъ и вянетъ на истощенной почвѣ—нѣту талантовъ, нѣту творчества, нѣту силы мысли,—нѣту силы воли; міръ этотъ пережилъ эпоху своей славы, время Шиллера и Гете прошло такъ-же, какъ время Рафаэля и Буонаротти, какъ время Вольтера и Руссо, какъ время Мирабо и Дантона; блестящая эпоха индустріи проходитъ, она пережита, какъ блестящая эпоха аристократіи; всѣ нищаютъ, не обогащая никого; кредита нѣтъ, всѣ перебиваются со дня на день, образъ жизни дѣлается все менѣе и менѣе изящнымъ, граціознымъ, всѣ жмутся, всѣ боятся, всѣ жи-

¹⁾ Тамъ же, стр. 216—217.

¹⁾ Тамъ же, стр. 203—204.

вуть, какъ лавочники, нравы мелкой буржуазіи сдѣлались общими" ¹⁾).

Итакъ, дѣло въ томъ, что,—по мнѣнію Герцена,—въ западной Европѣ все болѣе и болѣе упрочиваются мелко-буржуазныя отношенія. „Этическое мѣщанство“—неизбѣжный и вполне естественный продуктъ этихъ отношеній. Если бы устранена была причина, то устранилось бы и ея слѣдствіе. Если бы пришло къ концу господство мелкой буржуазіи въ общественной жизни, то прекратилось бы и господство мелко-буржуазныхъ нравовъ, то отошло бы въ область преданія и „этическое мѣщанство“. Но Герценъ не видѣлъ никакихъ основаній къ тому, чтобы ждать прекращенія мелко-буржуазной гегемоніи въ западной Европѣ. Правда, онъ допускалъ возможность коренного потрясенія, общественнаго „взрыва“, внезапнаго появленія „той или другой лавы“, которая покроетъ каменнымъ покровомъ, уничтожить и предасть забвенію хилыя, слабыя, глупыя поколѣнія людей, выродившихся подъ вліяніемъ мелко-буржуазнаго общественнаго порядка. И тогда начнется новая жизнь, но когда и отчего это произойдетъ? Допуская отвлеченную возможность подобныхъ „взрывовъ“ даже и въ западной Европѣ, Герценъ считалъ ихъ, однако, крайне мало вѣроятными. Мнѣ сдается, что на силы, которыя могли бы привести къ „взрыву“, къ появленію „лавъ“, Герценъ смотрѣлъ приблизительно такъ, какъ Кювье смотрѣлъ на силы, время отъ времени производящія, — по его знаменитому ученію, — „революціи земного шара“: онѣ не имѣютъ ничего общаго съ тѣми факторами, дѣйствіе которыхъ мы наблюдаемъ при обычномъ теченіи вещей ²⁾. Къ возможнымъ дѣйствіямъ совершенно неизвѣстныхъ причинъ нельзя приурочивать какія нибудь опредѣленные упованія, которыя способны были бы повести къ какимъ-нибудь опредѣленнымъ поступкамъ. При томъ, даже и эти гипотетическіе „взрывы“ и „лавы“ представлялись Герцену возможными лишь въ отдаленномъ будущемъ, когда смѣнится цѣлый рядъ поколѣній. Понятно, что такая отвлеченная и отдаленная возможность отнюдь не могла поколебать его убѣжденія въ томъ, что западная Европа есть царство мелкой буржуазіи, „кушца“, на все накладывающаго свою „торговую марку“.

¹⁾ Сочиненія, т. V, стр. 63—64.

²⁾ Ксати, Герценъ, знакомый съ естествознаніемъ своего времени, навѣрно, зналъ и ученіе Кювье, и онъ очень охотно проводилъ параллели между жизнью природы и общественной жизнью. По временамъ онъ даже злоупотреблялъ ими, подобно французскимъ матеріалистамъ XVIII-го столѣтія и нѣкоторымъ натуралистамъ XIX-го.

III.

Наведя у Герцена эту необходимую справку, мы можемъ обратиться къ г. Иванову-Разумнику.

Онъ заимствовалъ понятіе о мѣщанствѣ у знаменитаго автора „Былого и Думъ“. Но въ своемъ качествѣ критически мыслящей личности онъ не зоветъ насъ „назадъ къ Герцену“; наоборотъ онъ хочетъ вести насъ „впередъ отъ Герцена“. И съ этой похвальной цѣлью онъ подвергаетъ Герценово понятіе о мѣщанствѣ критическому пересмотру.

Онъ начинается съ характеристики этого понятія. Онъ говоритъ: мѣщанство—въ смыслѣ, приданномъ ему Герценомъ—есть... группа преемственная, внѣклассовая и внѣсословная. Въ этихъ признакахъ—главное отличіе „мѣщанства“ отъ „буржуазіи“, типично сословной и классовой группы. Буржуазія это прежде всего—третье сословіе; далѣе это общественный классъ, рѣзко опредѣляемый и характеризующийся, какъ экономическая категория, понятіемъ ренты въ томъ или иномъ ея видѣ (подъ рентой, въ условно-широкомъ смыслѣ, мы понимаемъ и доходъ предпринимателей, и доходъ землевладѣльцевъ). Понятіе мѣщанства — неизмѣримо шире, такъ какъ внѣсословность и внѣклассовость являются его характерными признаками“ (I, 14).

Тутъ я рѣшительно протестую и апеллирую къ читателю, который, надѣюсь хорошо знаетъ теперь, что мѣщанство, въ смыслѣ, приданномъ ему Герценомъ, вовсе не есть „группа внѣсословная и внѣклассовая“. Совсѣмъ напротивъ! По Герцену, мѣщанство есть „прежде всего“ мелкая буржуазія, которая, сдѣлавшись „кормчимъ“ западно-европейскаго міра, преобразовала по своему подобию всѣ остальные общественные слои и „группы“. Такое понятіе о мѣщанствѣ можетъ быть признано правильнымъ; оно можетъ быть признано ошибочнымъ. Но что оно принадлежитъ Герцену, въ этомъ совсѣмъ нельзя сомнѣваться. Зачѣмъ же говорить „то, чего не было“? Я боюсь, что если мы въ этомъ направленіи пойдемъ „впередъ отъ Герцена“, то уйдемъ далѣе, чѣмъ слѣдуетъ.

Впрочемъ, самъ же г. Ивановъ-Разумникъ даетъ весьма серьезный поводъ усомниться въ справедливости сказаннаго имъ на этотъ счетъ. Вотъ что читаемъ мы у него въ концѣ перваго тома.

„Ошибка Герцена была въ томъ, что анти-мѣщанство онъ искалъ въ классовой и сословной группѣ, между тѣмъ какъ сословіе и классъ—всегда толпа, масса сѣраго цвѣта, съ средними идеалами, стремленіями, взглядами; отдѣльные, болѣе или

менше ярко окрашенные индивидуальности изъ *всѣхъ классовъ и сословій составляютъ внѣклассовую и внѣсословную группу интеллигенціи, основнымъ свойствомъ которой и является анти-мѣщанство* (курсивъ въ подлинникѣ).

Посмотрите же, какой видъ принимаетъ теперь взглядъ Герцена подъ перомъ г. Иванова-Разумника! *Мѣщанство* было по Герцену „группой и внѣсословной“, а *анти-мѣщанство* онъ искалъ въ классовой и сословной группѣ. Съ чѣмъ же это сообразно? Это ни съ чѣмъ не сообразно. Что же это такое? Самая простая путаница понятій.

Когда г. Ивановъ-Разумникъ открываетъ „ошибку Герцена“ въ томъ, что тотъ искалъ анти-мѣщанства въ группѣ классовой и сословной, онъ имѣетъ въ виду ту его мысль, что русскій народъ не зараженъ духомъ мѣщанства и потому несравненно болѣе западныхъ народовъ способенъ осуществить социалистическіе идеалы; но именно эта мысль Герцена,—хотя она и ошибочна сама по себѣ,—именно она-то и показываетъ, что онъ не смотрѣлъ на „этическое мѣщанство“, ¹⁾ какъ на свойство „внѣклассовой и внѣсословной группы“, т. е. какъ на нѣчто независимое отъ общественныхъ отношеній, а, напротивъ, видѣлъ въ немъ „этическое“ слѣдствіе известнаго *соціального* порядка. Западные народы живутъ *при однихъ* экономическихъ условіяхъ; русскій народъ—*при совершенно иныхъ*, на западѣ господствуетъ и все болѣе упрочиваетъ свое господство *мелко-буржуазная собственность*; русскій народъ крѣпко держится за *общинное земледѣліе*. Поэтому западные народы насквозь пропитаны *духомъ мѣщанства*, а русскій народъ—едва-ли не *наиболѣе антимѣщанскій народъ въ мірѣ. Сознаніе опредѣляется бытіемъ*.

Такъ какъ, по Герцену, мѣщанскій „духъ“ есть слѣдствіе *мелко-буржуазныхъ общественныхъ отношеній*, то неудивительно, что на западѣ,—гдѣ безраздѣльно царствуютъ именно мелко-буржуазныя отношенія,—антимѣщанство не могло найти для себя подходящую *общественную почву*. Тамъ оно существовало только въ видѣ *рѣдкихъ исключеній изъ общаго правила*, въ видѣ „свѣтлыхъ точекъ“, совершенно неспособныхъ разогнать окружающій ихъ мракъ. Въ Парижѣ Герценъ видитъ эти свѣтлыя точки въ латинскомъ кварталѣ:

„Тамъ хранится Евангеліе первой революціи; читаютъ ея апостольскія дѣянія и посланія святыхъ отцовъ XVIII вѣка; тамъ

¹⁾ Чтобы читатель не запутался въ терминологіи, я попрошу его запомнить, что словами: этическое мѣщанство г. Ивановъ-Разумникъ обозначаетъ этическія свойства и вообще *духовную сущность* мѣщанства, какъ *группы*.

известны великіе вопросы...; тамъ мечтаютъ о будущей „веси человеческой“ такъ, какъ монахи первыхъ вѣковъ мечтали о „веси божіей“. Изъ переулковъ этого Лаціума, изъ четвертыхъ этажей невзрачныхъ домовъ его, постоянно идутъ ставленники и миссіонеры на борьбу и проповѣдь и гибнутъ большею частью морально, а иногда и физически, *in partibus infidelium*, т. е. по другую сторону Сены“ ¹⁾.

Герценъ горячо симпатизируетъ „свѣтлымъ точкамъ“, благороднымъ гражданамъ парижскаго „Лаціума“. Но онъ, къ сожалѣнію своему, не видитъ за ними ровно никакой общественной силы, эти благородные мечтатели представляютъ собою именно только немногочисленные отдѣльныя „точки“. Отсюда проистекаетъ ихъ слабость; отсюда проистекаетъ то, что они какъ нельзя болѣе далеки отъ побѣды надъ всеильнымъ, всеохватывающимъ мѣщанствомъ; отсюда проистекаетъ, наконецъ, нѣчто гораздо болѣе печальное: *ихъ самихъ побѣждаетъ мѣщанство*. Герценъ, бывшій подчасъ тонкимъ психологомъ, картинно изобразилъ эту слабую сторону тогдашняго французскаго антимѣщанства. По его словамъ, благородные граждане Лаціума погибаютъ, правда, *физически*,—какъ мученики за идею,—но чаще всего они погибаютъ морально и погибаютъ вслѣдствіе чего? Вслѣдствіе простого переѣзда „на другую сторону Сены“, т. е. тогда, когда, окончивъ курсъ, они сами вступаютъ въ мѣщанскую жизнь и... сами дѣлаются мѣщанами. Намъ, русскимъ, это явленіе очень хорошо известно: вѣдь оно такъ часто повторялось у насъ съ благородными мечтателями Васильевского острова и московскихъ студенческихъ кварталовъ... „Ты земля и въ землю пойдешь“—сказалъ Іегова первому человѣку послѣ его грѣхопаденія. „Ты—мѣщанинъ и въ мѣщанство вернешься, хотя бы душа твоя была полна самой жгучей ненависти къ мѣщанству“. Такъ говорила, говорить и будетъ говорить французская, нѣмецкая, итальянская, русская, болгарская, румынская (и т. д. и т. д.) общественная жизнь всѣмъ тѣмъ благороднымъ мечтателямъ, всѣмъ тѣмъ „интеллигентамъ“, которые, оставаясь *внѣ-классовой и внѣ-сословной группой*, не умѣютъ слиться съ передовымъ классомъ своего времени; не умѣютъ стать его идеологами и опереться въ своей работѣ для лучшаго будущаго на желѣзный рычагъ классовой борьбы. Такъ говорила, говорить и будетъ говорить она имъ, не справляясь о томъ, чѣмъ вызывается „первородный грѣхъ“ такихъ интеллигентовъ—собственною-ли ихъ близорукостью, или же неразвитостью современныхъ имъ общественныхъ отношеній. Такъ говорила, говорить и будетъ говорить она, и ея зловѣщее пред-

¹⁾ Сочиненія А. И. Герцена, Женевское изданіе, т. X, стр. 95.

сказаніе оправдывается и будет оправдываться: „внѣсословная и внѣклассовая“ интеллигенція въ самомъ дѣлѣ гибла, гибнетъ и будетъ гибнуть морально, какъ „только перебирается на другую сторону Сены“. Да это еще что! Бываетъ много хуже. Бываетъ такъ, что проповѣдниками мѣщанства, его наиболѣе „красивыми“ представителями, являются именно тѣ люди, которые считаютъ себя самыми злыми его врагами. Увы! это страшное несчастіе случилось у насъ со многими изъ тѣхъ, которые зовутъ теперь нашу интеллигенцію въ крестовый походъ противъ мѣщанства. Это—какъ разъ та иронія, та „святая иронія“, которой хотѣлъ поклониться Прудонъ, но объ этомъ ниже.

IV.

Г. Ивановъ-Разумникъ сообщилъ намъ, что понятіе мѣщанства „неизмѣримо шире“ понятія буржуазіи. По этому поводу я настоятельно прошу его разъяснить слѣдующія мои сомнѣнія.

Во-первыхъ, на какомъ основаніи онъ утверждаетъ, что „буржуазія это прежде всего—третье сословіе?“ Вѣдь третье сословіе обнимало собою и буржуазію, и пролетаріатъ, поскольку существовали тогда эти общественныя категоріи.

Но когда существовало третье сословіе, буржуазія была еще далека отъ полного господства въ западно-европейскомъ обществѣ. Этого господства она достигла уже послѣ того, какъ уничтоженъ былъ сословный строй (ancien régime), т. е. послѣ того, какъ устранено было всякое логическое основаніе для того, чтобы именовать буржуазію „сословной группой“.

Мнѣ кажется, что я догадываюсь, почему нашъ историкъ позабылъ въ этомъ случаѣ исторію, но я не хочу высказывать свою догадку. Я предпочитаю дожидаться отвѣта отъ г. Иванова-Разумника.

Во-вторыхъ, даже упраздняя опредѣленіе буржуазіи, какъ группы „прежде всего“ сословной, мы все таки сохраняемъ ее опредѣленіе, какъ классовой группы (почему не просто класса?). Что же у насъ теперь получается? А вотъ что.

Хотя мѣщанство, какъ группа, „неизмѣримо шире“ буржуазіи, но очевидно, что въ составъ мѣщанства входитъ также и буржуазія. Это мы непременно должны допустить, по крайней мѣрѣ, для настоящаго времени и для такой страны, какъ, на примѣръ, современная Франція, въ которой старый порядокъ уничтоженъ былъ основательнѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было ²⁾. Значитъ въ современной Франціи существуетъ буржуазный классъ и этотъ буржуазный классъ является составною частью „внѣклассовой“

²⁾ Ниже я покажу, почему я дѣлаю эту ограничительную оговорку.

(хотя за уничтоженіемъ сословій и не „внѣсословной“) группы мѣщанства. Но если это такъ,—а это, какъ видитъ читатель, не можетъ быть иначе,—то имѣемъ-ли мы право называть мѣщанскую группу—внѣклассовой? Очевидно, нѣтъ! Та общественная группа, одной изъ составныхъ частей которой является буржуазный классъ, сама должна имѣть по крайней мѣрѣ до нѣкоторой степени, классовой характеръ. До какой же именно степени? Это зависитъ отъ той роли, какую играетъ этотъ классъ въ этой группѣ. Если роль, принадлежащая въ этой группѣ буржуазіи, есть вліятельная роль, то и группа эта по необходимости приобрететъ буржуазный характеръ. Если же роль эта мало вліятельна, то и группа, включающая въ себя буржуазію, лишь въ незначительной степени пропитается классовымъ духомъ буржуазіи.

Но и въ этомъ случаѣ мы еще не получимъ права называть группу мѣщанства внѣклассовой группой. Если одною изъ составныхъ ее частей является буржуазный классъ, то другими ее составными частями могутъ явиться только какіе-нибудь другіе классы или слои. Вѣдь это же ясно, какъ день. А если ясно, то спрашивается: какіе же классы или слои? Г. Ивановъ-Разумникъ хранить на этотъ счетъ глубокое молчаніе. Но молчаніе не аргументъ.

Въ обществѣ, раздѣленномъ на классы, всякая общественная группа по необходимости имѣетъ классовый характеръ, хотя, въ зависимости отъ обстоятельствъ, этотъ ее характеръ и не всегда получаетъ яркое выраженіе. Но тотъ, кто хочетъ писать исторію общественной мысли, долженъ уметь понять его даже и тогда, когда онъ остается блѣднымъ и неясно выраженнымъ. Въ противномъ случаѣ придется только *mit Worten kramen*, по извѣстному выраженію Мефистофеля.

Я взялъ для примѣра современную Францію, какъ страну, гдѣ метла великой революціи вымела за порогъ общественнаго зданія весь соръ сословнаго строя. И я прошу еще разъ г. Иванова-Разумника отвѣтить мнѣ: имѣютъ ли какой-нибудь классовый характеръ тѣ группы, которыя, вмѣстѣ съ буржуазіей, входятъ въ этой странѣ въ собирательную группу мѣщанства? Если—да, то какой именно; а если—нѣтъ, то почему не имѣютъ. И что это значитъ?

Я буду съ нетерпѣніемъ ждать отвѣта, а въ ожиданіи его я останусь при томъ твердомъ убѣжденіи, что въ нынѣшней Франціи печать буржуазіи лежитъ на всѣхъ другихъ общественныхъ классахъ и группахъ, за исключеніемъ пролетаріата, да и то постольку, поскольку этотъ послѣдній сознательно—или хотя бы бессознательно—возстаетъ противъ буржуазной гегемоніи.

Г. Ивановъ-Разумникъ не любитъ пускаться въ *соціологическія* разсужденія; онъ предпочитаетъ оставаться въ области *этики*. Это, конечно, его дѣло. Но посмотримъ, насколько богаты содержаніемъ тѣ выводы, къ которымъ приходитъ онъ въ этой области.

„Опредѣляя возможно широко сущность этического мѣщанства,—говоритъ онъ,—мы скажемъ, что мѣщанство это—*узость, плоскость и безличность*, узость формы, плоскость содержанія и безличность духа; иначе говоря, не имѣя опредѣленнаго *содержанія*, мѣщанство характеризуется своимъ вполне опредѣленнымъ *отношеніемъ* къ какому бы то ни было содержанію: самое глубокое оно дѣлаетъ самымъ плоскимъ, самое широкое—самымъ узкимъ, рѣзко индивидуальное и яркое—безличнымъ и тусклымъ...

Мѣщанство—это трафаретность, символъ вѣры мѣщанства, и его завѣтное стремленіе—это „быть какъ всѣ“; мѣщанство, какъ группа, есть поэтому та сплоченная посредственность (*conglomerated mediarity*, по цитированному Герценомъ выраженію Милля), которая всегда и всюду составляла толпу, доминирующую въ жизни“... (I, 15—16).

Итакъ, „мѣщанство—это трафаретность“. Поэтому антимѣщанство не можетъ быть ничѣмъ инымъ какъ *антитрафаретностью*, а исторія русской общественной мысли оказывается борьбой антитрафаретности съ трафаретностью. Это поистинѣ новый (чуждый всякой „трафаретности“) и глубокий взглядъ на историческія судьбы „бѣдной русской мысли“! ¹⁾

У.

„Понятіе мѣщанства неизмѣримо шире“ понятія буржуазіи. Мы уже знаемъ, что это ясно развѣ только для людей, смотрящихъ на исторію съ точки зрѣнія борьбы анти-трафаретности съ трафаретностью, а менѣе глубокомысленные люди наталкиваются здѣсь на непреодолимые для нихъ трудности. Но допустимъ, что эти трудности превзойдены, допустимъ, что г. Ивановъ-Разумникъ уже объяснилъ намъ,—чего онъ, правда, еще не сдѣлалъ, да, пожалуй, и не сдѣлаетъ,—въ какомъ отношеніи стоитъ, напримѣръ, французская буржуазія къ другимъ общественнымъ группамъ, вмѣстѣ съ нею составляющимъ во Франціи, какъ и во всѣхъ буржуазныхъ странахъ, несравненно болѣе широкую „группу мѣщанства“. Предположивъ, что мучившія насъ трудности превзойдены, мы, какъ это само собой понятно, ис-

¹⁾ Это напоминаетъ то опредѣленіе, которое Энгельсъ съ полнымъ логическимъ правомъ вывелъ изъ Дюринговыхъ разсужденій о злѣ: Das Böse ist die Katze!

пытываемъ значительное облегченіе. Но очень скоро нами опять овладѣваетъ мучительное безпокойство.

Говоря о борьбѣ съ „литературнымъ мѣщанствомъ“ ¹⁾, нашъ авторъ упоминаетъ, между прочимъ, о такъ называемой *мѣщанской драмѣ* (I, 47). Но что такое „мѣщанская драма“, чѣмъ она была въ свое время? *Формой литературнаго выраженія борьбы буржуазіи со старымъ порядкомъ*, или,—чтобы употребить выраженіе г. Иванова-Разумника,—*формой борьбы буржуазіи съ литературной трафаретностью*. Выходитъ, стало быть, что было такое время, когда буржуазія не являлась составною частью группы мѣщанства, а стояла внѣ ея и боролась съ нею. Буржуазія *противъ* мѣщанства—таково было положеніе дѣлъ во Франціи не далѣе какъ въ половинѣ XVIII вѣка. Вотъ это-то положеніе меня и смущаетъ. И всякій долженъ будетъ признать, что это крайне парадоксальное положеніе ²⁾. Когда Герценъ кидалъ въ мѣщанство острые стрѣлы своего сарказма, онъ, очевидно, и не подозрѣвалъ возможности подобнаго историческаго парадокса. А вотъ мы съ г. Ивановымъ-Разумникомъ его открыли. Почему же это намъ такъ повезло? Да очень просто! Герценъ смотрѣлъ на „этическое мѣщанство“, какъ на плодъ извѣстныхъ общественныхъ отношеній, какъ на извѣстный фазисъ въ исторіи западной буржуазіи. „Этическое мѣщанство“ представлялось ему духовнымъ свойствомъ *буржуазіи* ³⁾ *временъ упадка*. Потому-то онъ и могъ сочувственно говорить о другихъ фазисахъ ея развитія, о тѣхъ эпохахъ, когда на историческомъ сценѣ появлялись Рафаэли и Буонаротти, Вольтеры и Руссо, Гете и Шиллеры, Дантоны и Мирабо. И по той же самой, весьма понятной, причинѣ онъ не считалъ мѣщанство свойственнымъ ни средневѣковому рыцарству, ни русскому крестьянству. А мы съ г. Ивановымъ-Разумникомъ ушли „впередъ“ отъ Герцена. Мы покинули точку зрѣнія *соціологіи* и превратили мѣщанство, это *свойство* буржуазнаго класса, въ вѣчную „этическую“ категорію. И совершивъ съ нимъ эту операцію, мы уже не удивляемся, наблюдая борьбу мѣщанской драмы съ мѣщанствомъ; майора Ковалева со

¹⁾ Г. Ивановъ-Разумникъ очень богатъ всякими опредѣленіями и различеніями.

²⁾ Оно напоминаетъ парадоксальное положеніе знаменитаго майора Ковалева, какъ извѣстно, находившагося одно время въ конфликтъ со своимъ собственнымъ носомъ. Но для полноты аналогіи нужно было бы предположить, что майорскій носъ явился на свѣтъ раньше самого майора.

³⁾ А также, разумѣется, и тѣхъ группъ, которыя подчинились ея вліянію.

своимъ собственнымъ носомъ; буржуазіи со своей собственной „духовной сущностью“. О, мы далеко опередили Герцена!

Мѣщанство, это—трафаретность; антимѣщанство, это—анти-трафаретность. Мы имѣемъ двѣ категоріи, которыя въ самомъ дѣлѣ могутъ быть названы *вѣчными*, а стало быть, также „внѣсословными“ и „внѣклассовыми“. Но эти вѣчныя, „внѣсословныя и внѣклассовыя“ категоріи тождественны съ категоріями *старого и новаго*. Защитники *старого* съ полнымъ правомъ могутъ быть названы представителями трафаретности, а *новаторы* — ея врагами. Вся исторія есть борьба новаго со старымъ; если бы всегда существовало одно старое, то не было бы и исторіи. Это неоспоримо. Но эта неоспоримая исторія еще болѣе тоща, чѣмъ самая тощая изъ коровъ, приснившихся Фараону. Она ни на одинъ шагъ не подвигаетъ насъ къ пониманію хода общественнаго развитія. Понимаетъ это развитіе не тотъ, кто открываетъ въ немъ борьбу новаго со старымъ, а тотъ, кто умѣетъ объяснить себѣ, *откуда взялось старое* (которое тоже вѣдь было когда-то новымъ); *почему оно не удовлетворяетъ въ данное время новаторовъ*; *чѣмъ обуславливается ходъ и отчего зависитъ исходъ борьбы новаторовъ съ консерваторами*. Вотъ въ чемъ дѣло! А чтобы справиться съ этой задачей необходимо перейти на почву *соціологіи*. Всякая данная философія исторіи лишь постольку и имѣла теоретическую цѣнность, поскольку она переходила на эту почву, поскольку ей удавалось опредѣлить *соціологическій эквивалентъ тѣхъ или другихъ „этическихъ“ явленій*. Къ тому времени, когда Герценъ писалъ свои блестящіе страницы о западно-европейскомъ мѣщанствѣ, въ этомъ направленіи сдѣлано было уже довольно много.

И не даромъ онъ прошелъ незамѣнимую школу классической нѣмецкой философіи: онъ понималъ, что мѣщанство не падаетъ съ неба и не существуетъ отъ вѣка, а создается *мѣщанскими условіями общественной жизни*. Потому блестящіе страницы, посвященные имъ мѣщанству, до сихъ поръ сохранили значеніе серьезнаго, — хотя далеко не всегда полнаго и безошибочнаго, — анализа западно-европейской духовной жизни. А г. Ивановъ-Разумникъ ушелъ отъ Герцена впередъ „... въ область безсодержательныхъ абстракцій, и потому теоретическое значеніе его „исторіи русской общественной мысли“ уже и теперь — пусть онъ проститъ мнѣ рѣзкое сужденіе, — совершенно ничтожно.

VI.

Г. Ивановъ-Разумникъ, вѣроятно, возразитъ мнѣ, что онъ смотритъ на ходъ развитія русской общественной мысли не съ точки зрѣнія борьбы стараго съ новымъ, а съ точки зрѣнія борьбы индивидуализма съ мѣщанствомъ. И онъ будетъ по своему правъ, но замѣтите: *правъ только по своему*, т. е. неправъ. Носительницей принципа индивидуализма является у него *интеллигенція*, а что она такое? На этотъ вопросъ онъ самъ отвѣчаетъ: „*интеллигенція есть этически антимѣщанская, соціологически внѣсословная, внѣклассовая, преемственная группа, характеризующаяся творчествомъ новыхъ формъ и идеаловъ*“ (I, 16 курсивъ подлинника).

Развѣ это не совсѣмъ то же самое, что я сказалъ?

Правда — и на это, разумеется, будетъ сильно напирать г. Ивановъ-Разумникъ, — интеллигенція характеризуется у него не только творчествомъ новыхъ формъ и идеаловъ, но также „и активнымъ проведеніемъ ихъ въ жизнь въ направленіи къ физическому и умственному, общественному и личному освобожденію личности“ (тамъ же, курсивъ опять въ подлинникѣ).

Это добавленіе, навѣрно, кажется ему *существеннымъ*; онъ жестоко ошибается: оно не только не поправляетъ дѣла, но еще больше портитъ его.

Въ лучшемъ случаѣ оно показываетъ только то, что нашъ историкъ не ограничивается констатированіемъ борьбы новаго со старымъ, но также и опредѣляетъ, въ чемъ это новое состоитъ, т. е. каковы тѣ идеалы, за которые борются новаторы. Допустимъ, что опредѣленіе, даваемое имъ, ясно и точно, хотя я и не совсѣмъ понимаю, что значитъ *личное освобожденіе личности*. Но вѣдь вопросъ-то вовсе не въ томъ, каковы идеалы новаторовъ, а въ томъ, каковъ ихъ соціологическій эквивалентъ, т. е. *откуда они взялись, почему возникли они на данной ступени общественнаго развитія*.

Это самый важный вопросъ всякой серьезной философіи исторіи общественной мысли, а именно онъ-то и пропадаетъ, и непремѣнно долженъ пропасть изъ виду у всѣхъ тѣхъ, которые захотятъ держаться точки зрѣнія г. Иванова-Разумника.

До какой степени это такъ, покажетъ весьма простой примѣръ. Русская интеллигенція въ самомъ дѣлѣ много занималась разработкой всякаго рода вопросовъ, относящихся къ „личности“, но на это была весьма опредѣленная общественная причина: нашъ „индивидуализмъ“ явился, какъ реакція противъ закрѣпощенія всего и всѣхъ въ московскомъ и петербургскомъ періо-

дахъ нашей исторіи. Такъ какъ—*по неразвитости нашихъ общественныхъ отношеній*,—представителемъ этой реакціи не могъ явиться какой нибудь общественный классъ (или сословіе), то она естественно приняла „групповой“, т. е. „*внѣсословный и внѣклассовый характеръ*“. Это хорошо понималъ еще Герценъ¹⁾, хотя онъ,—вслѣдствіе логической ошибки, которая собственно и позволила ему стать „родоначальникомъ народничества“,—видѣлъ въ этомъ не бѣду нашу, а наше преимущество передъ западными народами. Но у г. Иванова-Разумника нашъ „индивидуализмъ“,—порожденный нашей великой исторической бѣдою, нашей страшной экономической отсталостью,—получаетъ, подобно *мѣщанству*, значеніе вѣчной категоріи и потому не разсматривается при свѣтѣ социологіи, который только и можетъ обнаружить его слабую сторону, дѣлавшія его одной изъ разновидностей *утопизма* пока онъ не началъ—въ послѣднее время—превращаться въ нѣчто несравненно худшее и совсѣмъ непривлекательное.

Другой примѣръ. У нашего автора *мѣщанствомъ* является какъ тотъ *мелко-буржуазный духъ*, отъ котораго Герцена тошнило на западѣ, такъ и тотъ *духъ казармы*,—барабанной цивилизаціи, какъ выражается гдѣ-то богатый на эпитеты Герценъ,—который характеризовалъ у насъ эпоху Николая I. Это далеко не одно и то же, но у г. Иванова-Разумника мѣщанство имѣетъ „*нуменальный смыслъ*“²⁾ и, слѣдовательно, уже не обуславливается обстоятельствами времени и мѣста, *феноменами общественной жизни*, проходящей черезъ различныя фазы развитія.

Я сказалъ,—и этого, конечно, не опровергнуть никакіе „индивидуалисты“,—что въ обществѣ, раздѣленномъ на классы, стремленія новаторовъ, какъ и консерваторовъ, всегда опредѣляются отношеніями классовъ. Въ *капиталистическомъ* обществѣ новымъ является тотъ идеалъ, сущность котораго состоитъ въ устраненіи *всякаго* классового господства или, выражаясь отвлеченнѣе, въ устраненіи эксплуатаціи человѣка человекомъ, или, выражаясь еще отвлеченнѣе, въ „*общественномъ освобожденіи личности*“. Почему этотъ идеалъ разрабатывается именно въ капиталистическомъ обществѣ на извѣстныхъ ступеняхъ его развитія „это опять объясняется взаимными отношеніями классовъ“

¹⁾ Un siècle encore du despotisme actuel,—говорить онъ,—et toutes les bonnes qualités du peuple russe seront anéanties... Sans le principe actif de l'individualité on pourrait douter que le peuple russe conservât sa nationalité et les classes civilisées leurs lumières“ (Du développement des idées révolutionnaires en Russie, Paris, 1851, p. 137.

²⁾ Открытый имъ у Лермонтова и у символистовъ конца XIX вѣка (I, 158).

въ названномъ обществѣ, но разъ возникнувъ въ капиталистическихъ странахъ запада, этотъ идеалъ введенъ былъ и въ отсталую, еще не капиталистическую тогда Россію: освободительныя идеи издавна вводятся къ намъ съ запада вмѣстѣ со всѣмъ, „*чѣмъ для прихоти обильной торгуетъ Лондонъ щепетильный*“. А разъ попавъ въ *отсталую*, еще не капиталистическую Россію, онъ по необходимости,—т. е. именно потому, что Россія была отсталой страной, въ которой новѣйшія классовыя отношенія еще въ зародышѣ,—онъ по необходимости принялъ *наиболѣе* отвлеченный видъ, т. е. былъ формулированъ, какъ „общественное освобожденіе личности“. Въ этомъ своемъ отвлеченномъ видѣ онъ попалъ и въ голову г. Иванова-Разумника, который въ качествѣ „личности“, знакомой съ философской терминологіей, немедленно придалъ ему „*нуменальный смыслъ*“. Но какъ бы мы ни назвали розу, она не лишится своего запаха и какое-бы имя ни придумалъ нашъ историкъ для самого передового и самаго свѣтлаго изъ всѣхъ нынѣшнихъ общественныхъ идеаловъ, этотъ идеалъ все таки не лишится своего метрическаго свидѣтельства. Для всѣхъ сколько-нибудь понимающихъ дѣло, онъ останется *идеаломъ*, порожденнымъ извѣстными классовыми отношеніями, а кто станетъ утверждать, что онъ происходитъ отъ неизвѣстныхъ „*нуменальныхъ*“ родителей, что онъ появился на свѣтѣ божій на какомъ-то „*внѣсословномъ и внѣклассовомъ*“ пустырѣ, тотъ покажетъ одно изъ двухъ: или то, что онъ ничего не знаетъ объ этомъ дѣлѣ, или же то, что онъ имѣетъ какіе нибудь посторонніе поводы для искаженія истины.

Г. Ивановъ-Разумникъ утверждаетъ, что въ составъ интеллигенціи могутъ входить люди самыхъ различныхъ общественныхъ положеній. Это въ самомъ дѣлѣ, такъ, но что же изъ этого? Мирабо и Сіейсъ были аристократами, но это не помѣшало имъ стать идеологами третьяго сословія. Марксъ, Энгельсъ и Лассаль были *буржуазнаго* происхожденія, но это не помѣшало имъ стать идеологами *пролетаріата*. Говоря о французскихъ мелко-буржуазныхъ идеологахъ 1848 г., Марксъ очень хорошо замѣчаетъ: „не слѣдуетъ воображать, будто представители демократизма (буржуазнаго Г. П.) сами поголовно принадлежатъ къ классу мелкихъ лавочниковъ или обожаютъ ихъ. По своему образованію и по своему личному положенію они могутъ отстоять отъ лавочниковъ, какъ небо отъ земли. Ихъ дѣлаютъ представителями мелкаго мѣщанства лишь то обстоятельство, что умственно, теоретически, они не заходятъ далѣе тѣхъ предѣловъ, за которые въ жизни мѣщанство не переходитъ практически... Таково вообще то отношеніе въ которое становятся политическіе и литературные представители какого нибудь класса къ этому классу“.

VII.

Мы видимъ: вторая часть того опредѣленія, которое г. Ивановъ-Разумникъ даетъ интеллигенціи получаетъ нѣкоторый смыслъ единственно благодаря тому, что въ нее проникаетъ,—хотя и въ блѣдномъ, обезкровленномъ, отвлеченномъ видѣ,—содержаніе идеала, родившагося изъ конкретной почвы классовыхъ отношений. А это значитъ, что она приобретаетъ нѣкоторый смыслъ лишь въ той мѣрѣ, въ какой ею отвергается точка зрѣнія г. Иванова-Разумника. Потому-то я и говорю, что она не поправляетъ дѣла, а только портитъ его.

Далѣе. Если нашъ историкъ не ошибся, указывая намъ, въ чемъ заключалась „ошибка“ Герцена; если эта ошибка дѣйствительно состояла въ томъ, что „антимѣщанства“ онъ искалъ въ классовой и сословной группѣ, между тѣмъ какъ его можно искать только въ группѣ интеллигенціи, потому что „сословіе и классъ—всегда толпа, масса сѣраго цвѣта, съ серединными идеалами, стремленіями, взглядами“, то ясно, что масса всегда останется пропитанной мѣщанствомъ. А такъ какъ освобожденіе „личности“ предполагаетъ „прежде всего“ ея освобожденіе отъ мѣщанства, то ясно, какъ божій день, что тотъ идеалъ, за который боролась и борется, по словамъ г. Иванова-Разумника, русская интеллигенція, для массы недостижимъ, ясно, какъ божій день, что это идеалъ, до котораго могутъ,—по народному выраженію,—достигаться только избранные люди, цвѣтъ націи, „отдѣльныя болѣе или менѣе ярко окрашенныя индивидуальности изъ всѣхъ классовъ и сословій“. Иначе сказать, это—идеалъ, достижимый лишь для нѣкоторыхъ „внѣсословныхъ и внѣклассовыхъ“ сверхъ-человѣковъ. Еще иначе: идеалъ г. Иванова-Разумника при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается...своей собственною противоположностью. Стало быть, я собственно не имѣлъ права сказать, что въ этотъ идеалъ проникло содержаніе самаго передового западно-европейскаго идеала, взрожденнаго западно-европейской классовой борьбой. Гдѣ тамъ! Для г. Иванова-Разумника этотъ послѣдній слишкомъ „трафаретенъ“.

Теперь два слова отчасти pro domo mea.

Во второмъ томѣ своей исторіи г. Ивановъ-Разумникъ, стараясь доказать, что я плохо понялъ субъективизмъ покойнаго Михайловскаго, говоритъ, между прочимъ: „наконецъ, онъ считаетъ, что субъективизмъ Михайловскаго заключается главнымъ образомъ въ теоріи „героевъ и толпы“, въ чрезмерно-высокой оцѣнкѣ роли личности въ исторіи... Дальше этого непониманіе идти уже не можетъ, такъ какъ теорія героев и толпы, пред-

ставляя работу по психологіи массы, совершенно не входитъ въ рядъ основныхъ идей Михайловскаго, но является случайной его экскурсіей въ область общественной психологіи“ (II, стр. 369).

Въ какой мѣрѣ удалось и удалось-ли г. Иванову-Разумнику „уразумѣть“ сущность моего спора съ Михайловскимъ, объ этомъ у меня рѣчь будетъ ниже. Но уже теперь, на основаніи того, что мы отъ него слышали, я считаю возможнымъ утверждать, что въ числѣ „основныхъ идей“ г. Иванова-Разумника, „теорія героев и толпы“ занимаетъ далеко-далеко не послѣднее мѣсто. Подумайте-ка: съ одной стороны—„отдѣльныя болѣе или менѣе ярко окрашенныя индивидуальности изъ всѣхъ классовъ и сословій“ (вотъ они, „герои“), а съ другой—толпа (вотъ она, матушка-„толпа“!), „масса сѣраго цвѣта, съ серединными идеалами“ и т. д. Что же это, если не теорія героев и толпы въ самомъ „плоскомъ“, самомъ „узкомъ“, самомъ „мѣщанскомъ“ ея изданіи?

Въ обществѣ, раздѣленномъ на классы, содержаніе всякаго даннаго общественнаго идеала всегда опредѣляется классовыми отношеніями, экономическимъ строеніемъ этого общества. Внѣ-классовыхъ идеаловъ въ такомъ обществѣ не бываетъ. Бываетъ только непониманіе классового характера идеаловъ нѣкоторою частью или большинствомъ или даже всей совокупностью изъ противниковъ или изъ сторонниковъ. Но и непониманіе это, въ свою очередь, обусловливается экономическими отношеніями. Оно имѣетъ мѣсто въ такомъ обществѣ, въ которомъ еще недостаточно обозначились классовыя противорѣчія. Примѣръ: нѣмецкій „истинный социализмъ“ сороковыхъ годовъ. „Истинные“ нѣмецкіе социалисты того времени видѣли преимущество нѣмецкаго социализма передъ французскимъ въ томъ, что носительницей перваго была интеллигенція, между тѣмъ какъ во Франціи социализмъ уже сталъ дѣломъ народной массы. Но это воображаемое преимущество нѣмецкаго социализма было недолговѣчно: оно исчезло вмѣстѣ съ развитіемъ въ Германіи классовой борьбы. Уже въ шестидесятыхъ, а еще болѣе въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія нѣмецкій социализмъ сталъ дѣломъ не интеллигенціи, а непріятной г. Иванову-Разумнику „толпы, массы“. А „внѣклассовый“ идеалъ перекочевалъ далѣе на Востокъ и свилъ себѣ весьма уютное гнѣздышко въ Россіи, гдѣ однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ его глашатаевъ былъ П. Л. Лавровъ, на котораго ссылается нашъ историкъ (см. т. I, введеніе). Что лавровская „формула прогресса“ имѣла „внѣсословный“ и „внѣклассовый“ характеръ, это совершенно справедливо. Но это вовсе не достоинство; это недостатокъ. Подобно многимъ социалистамъ-утопистамъ Запада, Лавровъ не понималъ значенія классовой борьбы въ исторіи общества, раздѣленнаго на классы. Конечно,

фактъ ея существованія былъ ему извѣстенъ, какъ былъ онъ извѣстенъ и западнымъ социалистамъ-утопистамъ. Но все-таки на вопросъ: „Какъ шла исторія? Кто ее двигалъ?“ Лавровъ отвѣчалъ: „одинокія борющіяся личности“¹⁾. Въ этомъ отношеніи онъ, — опять, какъ и всѣ социалисты утописты, — стоялъ позади лучшихъ идеологовъ *буржуазіи*, которые уже въ эпоху французской реставраціи хорошо понимали великую творческую роль классовой борьбы въ исторіи. Уже въ двадцатыхъ годахъ девятнадцатаго вѣка Гизо громко и ясно заявилъ, что вся исторія Франціи была „сдѣлана войною классовъ“. Лавровъ ждалъ осуществленія своего идеала отъ интеллигенціи. На счетъ рабочаго класса, представленіе о которомъ сливается у него, впрочемъ, съ представленіемъ о массѣ, задавленной нуждою, онъ полагалъ, что и изъ его среды могутъ, конечно, выйти энергичныя личности, и что подобныя личности въ высшей степени драгоцѣнны для прогресса; но, слѣшивъ прибавить онъ: „Эти энергическіе дѣятели заключаютъ лишь *возможность* прогресса. Его осуществленіе никогда не принадлежитъ и не можетъ принадлежать имъ по очень простой причинѣ: каждый изъ нихъ, принявшійся за осуществленіе прогресса, умеръ бы съ голода или пожертвовалъ бы своимъ человѣческимъ достоинствомъ, исчезнувъ въ обоихъ случаяхъ изъ ряда прогрессивныхъ дѣятелей. Осуществленіе прогресса принадлежитъ (*sic!*) тѣмъ, которые избавились отъ самой гнетущей заботы о насущномъ хлѣбѣ“²⁾.

Мы видимъ, что, по Лаврову, „осуществленіе прогресса принадлежитъ“ тѣмъ „мыслящимъ личностямъ“, которыя ...такъ или иначе кормятся на счетъ прибавочной стоимости. Прогрессъ проходитъ „надъ головами“ огромнѣйшаго большинства тѣхъ, которые своимъ неоплаченнымъ трудомъ создаютъ эту стоимость. Это очень наивно. Оспаривать эту наивность теперь уже нѣтъ никакой надобности. Но не мѣшаетъ обратить вниманіе на то, что въ *настоящее время* подобныя мнѣнія свидѣлствуютъ уже не о наивности людей, ихъ высказывающихъ, а скорѣе о томъ, что они „себѣ на умъ“. То, что было извинительнымъ, — т. е. извиняемымъ обстоятельствами, — *паралогизмомъ*, когда складывались взгляды Лаврова, стало совсѣмъ не извинительнымъ *софизмомъ* въ устахъ людей нынѣшняго времени, когда рабочее движеніе приняло такіе большіе размѣры во всемъ цивилизованномъ мірѣ. Теперь это мнѣніе служить „духовнымъ оружіемъ“ тому разряду „мыслящихъ личностей“, которому хотѣлось бы увѣковѣчить свое право на „принадлежащую“ имъ долю прибавочной стоимости. Теперь за него стоятъ самыя „яркія“ *мѣщане нашего времени*.

¹⁾ См. Историческія Письма, изд. 1891 г., стр. 116.

²⁾ Тамъ же, стр. 81—82.

Людей этого разряда много теперь повсюду; нѣтъ въ нихъ недостатка и въ Россіи, гдѣ урожай на нихъ, пожалуй, даже больше, нежели въ какой-нибудь другой странѣ. Это — именно тотъ разрядъ людей, который такъ хорошо „уразумѣлъ“, по увѣренію г. Иванова-Разумника, мысль Герцена о „потенціальномъ мѣщанствѣ социализма“.

Только напрасно нашъ авторъ думаетъ, что люди эти принадлежатъ у насъ къ поколѣнію начала XX вѣка. Они въ порядочномъ изобиліи появились на Руси уже въ концѣ девятнадцатаго вѣка. Впрочемъ, о хронологіи я съ нимъ спорить не хочу. Я только нахожу нужнымъ показать, что „еретическая мысль“ Герцена совсѣмъ не такъ близка къ мысли людей этого разряда, какъ это можно подуматъ на основаніи словъ г. Иванова-Разумника. И для этого мнѣ опять придется сдѣлать небольшую историческую справку.

VIII.

Мы уже знаемъ, какъ формулируетъ г. Ивановъ-Разумникъ „еретическую мысль“ Герцена: „социализмъ, оставшись побѣдителемъ на полѣ битвы, самъ вырождается въ мѣщанство“. Это не вѣрно въ двухъ отношеніяхъ.

„Прежде всего“ у Герцена нѣтъ рѣчи о мѣщанствѣ. Онъ говоритъ: „Социализмъ разовьется во всѣхъ фазахъ своихъ до крайнихъ послѣдствій, до нелѣпостей. Тогда снова вырвется изъ титанической груди революціоннаго меньшинства крикъ отрицанія, и снова начнется смертная борьба, въ которой социализмъ займетъ мѣсто нынѣшняго консерватизма и будетъ побѣжденъ грядущею, неизвѣстною намъ революціей“...¹⁾.

О вырожденіи социализма въ „мѣщанство“ у Герцена не было рѣчи по той — уже хорошо извѣстной намъ — причинѣ, что для него „мѣщанство“ не имѣло „нуменальнаго смысла“, сочиненнаго г. Ивановымъ-Разумникомъ²⁾.

Во-вторыхъ, у Герцена дѣло происходитъ совсѣмъ не такъ просто: вотъ, молъ, социализмъ останется побѣдителемъ на полѣ битвы и сейчасъ же вырождается въ „консерватизмъ“. Нѣтъ, у него дѣло выходитъ гораздо болѣе сложнымъ: сначала социализмъ побѣдитъ; потомъ онъ будетъ развиваться; „разовьется во всѣхъ фазахъ своихъ до крайнихъ послѣдствій“ и, только

¹⁾ Сочиненія, т. V, стр. 131.

²⁾ Не ручаюсь, однако, за то, что честь этого сочиненія принадлежитъ именно нашему автору. Возможно, что онъ заимствовалъ ее у какой-нибудь другой „личности“. Съ меня довольно того, что Герценъ не былъ и не могъ быть такой „личностью“.

дойдя до этихъ послѣдствій самъ, по закону всего живого, склонится къ упадку; вслѣдствіе чего будетъ побѣжденъ „неизвѣстною намъ революціей“. Въ историческомъ промежуткѣ между гибелью мѣщанской цивилизаціи, развившейся на основѣ мелко-буржуазной собственности, и началомъ упадка социализма найдется много мѣста для жизни, не имѣющей ровно ничего общаго съ мѣщанствомъ. Объ этомъ промежуткѣ ровнехонько ничего не упоминаетъ г. Ивановъ-Разумникъ, а вѣдь наличность этого промежутка въ „еретической мысли“ Герцена самымъ существеннымъ образомъ измѣняетъ весь ея смыслъ.

Я не стану разбирать, правъ или не правъ былъ Герценъ, считая неминуемой въ будущемъ „неизвѣстную революцію“, должную положить конецъ социализму. Это будущее, очевидно, слишкомъ далеко отъ насъ. Скажу только, что Герценъ подкрѣпляетъ эту свою гипотезу простой ссылкой на „вѣчную игру жизни, безжалостную, какъ смерть, неотразимую, какъ рожденіе“. Но вѣчная игра еще не знаменуетъ собою вѣчнаго возврата къ старымъ формамъ жизни вообще и къ старымъ формамъ общественной жизни въ частности. Я отнюдь не отрицаю „игры жизни“, но я не думаю, чтобы человѣчество, вышедшее изъ дикости, когда-нибудь вернулось къ *людоѣдству*. Точно такъ же, — и опять-таки нисколько не отрицая „игры жизни“, — я не думаю, чтобы цивилизованное человѣчество, разъ покончивъ съ раздѣленіемъ общества на классы и съ эксплуатацией одного класса другимъ, могло опять вернуться къ такому раздѣленію и къ такой эксплуатации. А такъ какъ социализмъ означаетъ именно устраненіе классовъ и эксплуатации одного класса другимъ, то никакія соображенія объ „игрѣ жизни“ не убѣдятъ меня въ неминуемости „неизвѣстной революціи“, которой будто бы суждено явиться отрицаніемъ социализма. Для „игры жизни“ останется достаточно простора и помимо такой революціи, но, повторяю, все это касается столь далекаго будущаго, что спорить объ этомъ теперь врядъ ли есть какая-нибудь надобность. Несравненно важнѣе констатировать, что — согласно представленію Герцена — социализмъ, пока онъ шелъ бы по восходящей части кривой линіи своего историческаго движенія, характеризовался бы полнымъ исчезновеніемъ того разлада между развитыми личностями съ одной стороны и „толпой, массой“ — съ другой, которымъ отличается періодъ мѣщанства. Эпоха восходящаго социализма была бы одной изъ благодатныхъ эпохъ, такъ изображаемыхъ Герценомъ.

„Есть эпохи, когда человѣкъ свободенъ въ общемъ дѣлѣ. Дѣятельность, къ которой стремится всякая энергическая натура, совпадаетъ тогда съ стремленіемъ общества, въ которомъ

она живетъ. Въ такія времена... все бросается въ круговоротъ событій, живетъ въ немъ, страдаетъ, наслаждается, гибнетъ. Однѣ натуры своеобразно гениальныя, какъ Гете, стоятъ поодаль, и натуры пошло безцвѣтныя остаются равнодушными. Даже тѣ личности, которыя враждуютъ противъ общаго потока, такъ же увлечены и удовлетворены въ настоящей борьбѣ. Эмигранты были столько же поглощены революціей, какъ якобинцы. Въ такое время нѣтъ нужды толковать о самопожертвованіи и преданности, — все это дѣлается само собою и чрезвычайно легко. Никто не отступаетъ, потому что всѣ вѣрятъ. Жертвъ собственно нѣтъ; жертвами кажутся зрителямъ такія дѣйствія, которыя составляютъ простое исполненіе воли, естественный образъ поведенія“ ¹⁾.

Нашъ историкъ умалчиваетъ обо всемъ этомъ, и это его умолчаніе даетъ представленіе о томъ, какъ много можно полагаться на его „исторію русской общественной мысли“. Истинно, истинно говорю вамъ, читатель: и Ивановъ-Разумникъ, подобно герою извѣстной басни Крылова, слона-то и не замѣчаетъ. Да вѣдь оно и понятно. Съ его точки зрѣнія слоны-то и незамѣтны. Въ этомъ мы окончательно убѣдимся, перейдя къ Бѣлинскому, къ славяно-филамъ, къ народникамъ и т. д.

Однако — подумаетъ, пожалуй, читатель, — вѣдь писалъ же Герценъ, что западно-европейскій рабочій — *мѣщанинъ будущаго*. Дѣйствительно, онъ писалъ это. Но почему онъ считалъ западнаго пролетарія мѣщаниномъ будущаго? Въ этомъ весь вопросъ.

А считалъ онъ его будущимъ мѣщаниномъ вотъ почему.

Расцвѣтъ социализма, устраняющій разладъ между личностью и обществомъ, возможенъ бы былъ, по мнѣнію Герцена, лишь какъ слѣдствіе „взрыва“, который покрылъ бы „левой“ поколѣнія, выросшія на истощенной почвѣ мелко-буржуазнаго порядка. Но такой взрывъ былъ слишкомъ маловѣроятенъ; по крайней мѣрѣ его нельзя было предсказывать, наблюдая обычную жизнь мелко-буржуазнаго общества. Внимательное наблюденіе *этой* жизни приводило Герцена, наоборотъ, къ тому убѣжденію, что господство мелкой собственности, — *экономическое* основаніе „*этическаго*“ мѣщанства, — будетъ все болѣе и болѣе упрочиваться. Тѣмъ или инымъ путемъ, къ мелкой собственности приобщится также и рабочій, который, *поэтому*, тоже проникнется мелко-буржуазнымъ духомъ. „Всѣ силы, таящіяся теперь въ многострадальной, но мощной груди пролетарія изсякнутъ; правда, онъ не будетъ умирать съ голода, но на томъ и остановится, ограниченный своимъ клочкомъ земли (замѣтьте это, читатель! Г. П.) или своей коморкой въ работни-

¹⁾ Сочиненія т. V, стр. 144.

чьих казармахъ. Такова перспектива мирнаго, органическаго развитія¹⁾.

Что же мы слышимъ? Въ многострадальной груди западнаго пролетарія таятся могучія силы. Въ возможности западный пролетарій не мѣщанинъ, а скорѣе титанъ, способный нагромоздить гору на гору. Но онъ попалъ въ историческій тупикъ; общественныя отношенія не дадутъ выхода его могучимъ силамъ, они заглушатъ ихъ, и онъ мало по малу самъ сдѣлается мѣщаниномъ. „Такова перспектива мирнаго органическаго развитія“, а другую перспективу слишкомъ трудно себѣ представить.

Вотъ какъ обстоитъ дѣло съ „еретической мыслью“ Герцена о томъ, что западный пролетарій — мѣщанинъ будущаго. Эта мысль, какъ въ фокусѣ, отражаетъ въ себѣ и сильныя, и слабыя стороны герценовой философіи исторіи. Намъ уже извѣстно, что въ своихъ разсужденіяхъ о западномъ мѣщанствѣ Герценъ объясняетъ *сознаніе бытіемъ*; общественную мысль — общественной жизнью. Онъ не даромъ прошелъ школу Гегеля а потомъ Фейербаха и вообще онъ былъ слишкомъ человѣкомъ для того, чтобы не понимать, какъ несостоятеленъ тотъ поверхностный идеализмъ, который въ основу всѣхъ своихъ соціологическихъ объясненій кладетъ принципъ: „*мысли правятъ міромъ*“. Онъ настойчиво повторяетъ, что мысліями западно-европейскаго міра править „*купецъ*“ и „*мелкая собственность*“, т. е. *экономика*. Но когда онъ пытается точнѣе опредѣлить вѣроятный ходъ дальнѣйшаго развитія западно-европейской экономики, тогда онъ немедленно впадаетъ въ огромное заблужденіе. Онъ думаетъ, что блестящій періодъ западно-европейской промышленности уже прошелъ, что собственность все болѣе и болѣе раздробляется и что западному работнику предстоитъ все большее и большее приобщеніе къ мелкой собственности. Проникнувшись этимъ убѣжденіемъ, Герценъ естественно уже не могъ ожидать въ будущемъ никакихъ коренныхъ измѣненій въ общественномъ строѣ западной Европы.

„Куда я ни смотрю,—писалъ онъ,—вездѣ вижу сѣдые волосы, морщины, сгорбившіяся спины, завѣщанія, итоги, выносы, концы и все ишу, ишу *началъ*—они только въ теоріи и въ отвлеченіяхъ“.

Извѣстно, что разочарованіе Герцена вызвано было крушеніемъ революціи 1848 года. Такое же разочарованіе испытали и многіе изъ его западныхъ современниковъ, и замѣчательно, что это разочарованіе не коснулось только тѣхъ, которые счумѣли до конца продумать теорію, объясняющую ходъ мысли ходомъ жизни. Только сторонники матеріалистическаго объясненія исторіи,—правда весьма немногочисленные въ то время,—сохранили

¹⁾ Тамъ же, стр. 67.

спокойную увѣренность въ торжествѣ своихъ идеаловъ. Читатель не забылъ, конечно, знаменитаго восклицанія Маркса: „Революція умерла! Да здравствуетъ революція!“ Марксъ понималъ, что развитіе западно-европейскихъ экономическихъ отношеній ведетъ вовсе не къ торжеству мелкой собственности, и что историческая роль пролетаріата состоитъ вовсе не въ томъ, чтобы приобщиться къ мелко-буржуазной собственности. Герценъ, испытавшій на себѣ сильное вліяніе Прудона и даже не подозрѣвавшій, что представляло собою ученіе Маркса, не доработался до этой спокойной увѣренности¹⁾, и въ этомъ было его величайшее несчастье, въ этомъ заключался глубочайшій трагизмъ его „борьбы съ Западомъ“,—борьбы не лучше понятой теперь г. Ивановымъ-Разумникомъ, чѣмъ понималъ ее нѣкогда Страховъ. Эта-то полная потеря вѣры въ ападную Европу едва-ли не болѣе всего способствовала тому, что Герценъ, отвернувшись отъ „старога міра“, сдѣлался,—по справедливому на этотъ разъ мнѣнію нашего историка,—*родоначальникомъ русскаго народничества*.

IX.

По Герцену, социализмъ сдѣлается консервативнымъ,—и, въ этомъ смыслѣ, *уподобится* мѣщанству,—лишь въ конечной стадіи своего развитія, лишь развившись до абсурда. А наша интеллигенція конца XIX и начала XX вѣка,—проницательность которой внушаетъ г. Иванову-Разумнику большое уваженіе,—объявила превращеніе социализма въ мѣщанство дѣломъ самаго близкаго будущаго и, въ значительной степени, даже настоящаго времени. И это чрезвычайно характерно для нея. Не менѣе для нея характерно и то, что она долго не переставала, да, по-видимому, и теперь еще не совсѣмъ перестала строить глазки г. Э. Бернштейну и другимъ, подобнымъ ему „критикамъ Маркса“. Если „посмотришь съ холоднымъ вниманіемъ“, то дѣлается несомнѣннымъ, какъ дважды два четыре, что за бернштейновскую критику она хваталась только по одной причинѣ: эта пресловутая „критика“ давала ей желанный превосходнѣйшій предлогъ для того, чтобы повернуться спиной къ стремленіямъ пролетаріата, о которыхъ она вынуждена была наговорить много хорошихъ словъ въ періодъ своей борьбы съ народнической азіатчиной. Французская пословица говоритъ: *quand on veut prendre un chien*

¹⁾ Если состояніе западно-европейской мысли объясняется у Герцена складомъ западно-европейской жизни, то,—задумываясь о будущемъ Россіи, онъ сразу переходитъ на идеалистическую точку зрѣнія и воображаетъ, что интеллигенція передѣлаетъ сельскую общину согласно своему идеалу. Но объ этомъ—позомъ.

on le dit—engagé (когда хотят повѣсить собаку, то увѣряютъ, что она взбѣсилась). А когда наша интеллигенція en question,—та интеллигенція, которая будто бы такъ хорошо поняла „еретическую мысль Герцена“,—захотѣла отвергнуться отъ пролетаріата и постигла свое истинное призваніе быть *буржуазной интеллигенціей*, она приравнила пролетарскія стремленія къ *мѣщанству*¹⁾. Что же касается подобнаго приравниванія, то бернштейновская „критика“,—надо отдать ей эту справедливость,—давала для него великолѣпный матеріалъ. Въ лицѣ г. Бернштейна и прочихъ „критиковъ“ этого калибра социалистическая мысль въ самомъ дѣлѣ сдавалась на капитуляцію мѣщанству, объявивъ несбыточными утопическими бреднями неисправимыхъ и неспособныхъ къ критическому мышленію „догматиковъ“ всѣ стремленія, идущія дальше „соціальной реформы“. Кто не помнитъ, съ какимъ высокомернымъ презрѣніемъ отозвался г. Бернштейнъ о „конечной цѣли“? Въ лицѣ такихъ критиковъ социалистическая мысль въ самомъ дѣлѣ выступила проповѣдницей молчалинскаго принципа умѣренности и аккуратности. Какъ же было не привѣтствовать г. Бернштейна и братьевъ его? Какъ было не рукоплескать имъ? Кто же лучше ихъ сумѣлъ бы оклеветать стремленія сознательнаго пролетаріата. Теперь, благодаря этимъ „критикамъ“, отъ этихъ стремленій можно было отворачиваться уже не во имя мѣщанства, а какъ будто для борьбы съ нимъ. А отвернуться-то смертельно хотѣлось, только все предлога „красиваго“ не встрѣчалось. Г. Бернштейнъ доставилъ такой предлогъ и тѣмъ заслужилъ искреннѣйшую и глубочайшую признательность со стороны „критически-мѣщанствующей“ интеллигенціи. Она встрѣтила его, какъ Мессію, и на всѣ голоса закричала, что „ортодоксальный“ марксизмъ окончательно отжилъ свое время. Что бы ни говорилось въ защиту Маркса, такъ безбожно и такъ нелѣпо извращеннаго г. Бернштейномъ, она и ухомъ не вела, она органически не могла внимательно выслушать тѣхъ, которые критиковали „критиковъ Маркса“, потому что критиковать „критиковъ Маркса“ значило идти наперекоръ самымъ задушевнымъ ея стремленіямъ. И вотъ вокругъ этого вопроса накопился огромный запасъ „условной лжи“. По молчаливому, но тѣмъ не менѣе вполне дѣйствительному взаимному соглашенію, „критически-мыслящіе“ мѣщане нашего времени стали приписывать Марксу всякій вздоръ,—подъ именемъ *катастрофическаго социализма*,—который побѣдоносно опровергался и

¹⁾ Разумѣется, только въ той ихъ части, которая выходитъ за пределы освободительныхъ (преимущественно политическихъ) стремленій передового слоя нашей мелкой буржуазіи.

рѣшительно отвергался ими, какъ несоотвѣтствующій положенію дѣла въ *нынешнемъ* капиталистическомъ обществѣ. На счетъ этого положенія тѣ же люди и въ силу того же молчаливаго, но никѣмъ изъ нихъ не нарушаемаго договора, тоже изрекали цѣлые вороха „условной лжи“: объ увеличеніи доли рабочаго класса въ національномъ доходѣ, о трестахъ, какъ средствѣ предупрежденія промышленныхъ кризисовъ, объ акціонерныхъ компаніяхъ, какъ о факторѣ, умножающемъ число капиталистовъ и проч. и проч. и проч. И, опираясь на всю эту условную ложь, каждый „критическій“ идеологъ современнаго мѣщанства могъ съ легкостью и ловкостью „почти военнаго человѣка“ подойти къ тому выводу, что сама экономія *нынешняго* капиталистическаго общества осуждаетъ социализмъ на усвоеніе принциповъ г. Бернштейна, т. е. *мѣщанскаго духа*. А отъ этого вывода было уже рукой подать до „конечной цѣли“, т. е. до вполне понятнаго „разочарованія“ въ такомъ социализмѣ. Разъ добравшись до этой „конечной цѣли“, до пріятнаго убѣжденія въ томъ, что работники нашихъ дней есть мѣщанинъ самаго близкаго будущаго, если не настоящаго, оставалось только заняться культивированіемъ своей собственной, болѣе или менѣе „красивой“, болѣе или менѣе „сверхъ-человѣческой“ личности. И тутъ-то чрезвычайно кстати припоминались тѣ ярко-талантливыя и глубоко-печальныя страницы, которыя Герценъ посвятилъ характеристикѣ мѣщанства. Самъ Герценъ не вѣрятъ! Самъ Герценъ понимаетъ! Самъ Герценъ высказываетъ еретическую мысль! Самъ Герценъ предвидитъ! Это что-нибудь да значить.

И это въ самомъ дѣлѣ значить очень много. Это значить, что горестно-прочувствованныя страницы Герцена, тѣ его страницы, которыя написаны кровью его сердца и сокомъ его нервовъ, тѣ его страницы, изъ которыхъ многія были написаны подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ ужасныхъ іюньскихъ дней,—что эти страницы, полныя „вавилонской тоски“ о разбитомъ событіями идеалѣ, служатъ теперь орудіемъ для борьбы съ этимъ идеаломъ. Oh ironie, sainte ironie, vient que je t'adore!

Исторія—вообще до крайности ироническая старуха. Однако надо быть справедливымъ и къ ней. Ея иронія страшно зла; но она никогда не бываетъ совѣтъ незаслуженной. Если мы видимъ, что исторія иронизируетъ надъ тѣмъ или другимъ крупнымъ и благороднымъ историческимъ дѣятелемъ, то мы можемъ съ увѣренностью сказать, что во взглядахъ или въ дѣйствіяхъ этого крупнаго и благороднаго дѣятеля были слабыя стороны, которыя и дали въ послѣдствіи возможность воспользоваться его *взглядами* или *дѣйствіями*,—или, что тоже, *послѣдствіями* этихъ дѣйствій,

выводами, вытекающими изъ этихъ взглядовъ,—для борьбы противъ одушевлявшихъ его стремлений.

Мы уже знаемъ, что во взглядахъ Герцена дѣйствительно была своя слабая сторона. Но эта слабая сторона еще недостаточно слаба, по мнѣнію г. Иванова-Разумника. Герценова точка зрѣнія кажется нашему историку слишкомъ *конкретной*. Этотъ почтенный историкъ, подъ предлогомъ движенія „впередъ отъ Герцена“, вскарабкался, потревоживъ почтенную тѣнь автора „Историческихъ Писемъ“, на ту возвышенную точку зрѣнія, съ которой вся исторія поступательнаго движенія человѣчества представляется въ видѣ борьбы „вѣсословнаго и вѣкклассоваго“ антимѣщанства со столь же „вѣсословнымъ и вѣкклассовымъ“ мѣщанствомъ. Но—увы!—чѣмъ больше старается онъ удержаться на этой точкѣ зрѣнія, чѣмъ больше возстаетъ онъ противъ *мѣщанства*,—„эстетическаго“, „этического“ и „соціологическаго“,—тѣмъ болѣе его собственное якобы-антимѣщанство обнаруживаетъ себя, какъ *идеологию образованнаго и „критически-мыслящаго“ мѣщанина нашего времени*. О, иронія, святая иронія, дай поклониться тебѣ!

Въ этомъ *мѣщанствѣ „антимѣщанства“* г. Иванова-Разумника и заключается тайна его успѣха. Мы переживаемъ теперь такой періодъ, когда непременно будутъ имѣть успѣхъ сочиненія, такъ усердно, такъ систематично *культивирующія мѣщанское „антимѣщанство“*.

Перехожу къ частностямъ, которыя покажутъ намъ, что точка зрѣнія мѣщанскаго „антимѣщанства“,—даже когда на нее взбирается человѣкъ, не лишенный нѣкоторыхъ знаній, — остается бесплодной, какъ знаменитая смоковница. Богатая содержаніемъ исторія русской общественной мысли пріобрѣтаетъ у г. Иванова-Разумника совсѣмъ плоскій характеръ. И это потому, что,—какъ справедливо говоритъ самъ г. Ивановъ-Разумникъ,—*мѣщанство есть плоскость содержанія*.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Г. Плехановъ.

Тоска.

Разсказъ Владислава Реймонта.

(Переводъ съ польскаго И. Смиловичъ).

Солнечный день грезился уже домамъ, спавшимъ въ холодныхъ испареніяхъ воздуха, грезился оконченѣвшимъ и дрожавшимъ деревьямъ, грезился морю, сонно рокотавшему у береговъ, тревожно грезился всему, что страдало, ждало и томилось въ оцѣпенѣвшей холодной тишинѣ мартовской ночи.

Вдругъ гдѣ-то въ безконечной дали, словно возвѣщая разсвѣтъ, заревѣла корабельная сирена. Грубый, хриплый голосъ съ трудомъ продирался сквозь ледяные туманы и, протяжно рыдая, съ тоскливой жалобой неся по пустыннымъ улицамъ спавшаго города.

Втиснутый между океаномъ и горой, городъ, наконецъ, услышалъ. Улицы, наполненные клубами тумановъ, начали просыпаться. Запотѣлыя окна домовъ смотрѣли еще мутнымъ взоромъ, а внизу, въ сѣрыхъ туманахъ, зажигались уже огни. По скользкимъ тротуарамъ застучали деревянные бабшмаки, двери отворялись, со звономъ упали гдѣ-то засовы... Стѣна, покрытая пылью и плѣсенью, начала вырисовываться надъ туманами. Съ порта неслись пѣвучія выкрикиванія рыбацекъ, идущихъ съ плетеными корзинами на головахъ.

И небо уже поблѣднѣло, какъ лицо послѣ тревожнаго сна. Туманы спускались съ домовъ, словно тяжелые, промокшіе, сѣрые плащи. Кое-гдѣ окна смотрѣли уже розоватымъ отблескомъ дня. Замелькали желтыя и зеленныя черепицы, покрывавшія крыши домовъ непромокаемой чешуей, и старые, съ незапамятныхъ временъ стоящіе дома, свѣшиваясь надъ улицей высунувшимися этажами обнажали свои, отяжелѣвшіе отъ времени, корпуса.

Заиграли куранты. Словно голосъ дня зазвенѣлъ со стрѣльчатыхъ крышъ и колоколовъ собора, возвышавшагося надъ городомъ въ синихъ туманахъ. На узкой и извилистой улицѣ, спускавшейся отъ собора, показалась въ это время какая то высокая и стройная фигура въ черномъ и, словно одинъ изъ звуковъ, поплыла въ

СОДЕРЖАНІЕ.

	СТР.
1. ЛОГИКА. Романъ. Н. Осиповича	5
2. * * Стих. Евг. Тарасова	35
3. РЕАКЦИОННЫЙ ИДЕАЛИЗМЪ И НОВАЯ НАУКА. Р. Виппера	36
4. МИНУТЫ. — 1) Небесные дары. — 2) Минутка. — 3) Сутки. Стихотворенія. К. Бальмонта	48
5. ВОЛНЫ. Разсказъ. С. Гусева-Оренбургскаго	51
6. * * Стихотвореніе. Владимира Волькенштейна	71
7. ИДЕОЛОГІЯ МЪЩАНИНА НАШЕГО ВРЕМЕНИ. (По поводу книги г. Иванова-Разумника—„Исторія русской общественной мысли“) Окончаніе. Г. Плеха- нова	72
8. ПЬЯНИЦА. Стихотвореніе. Бориса Садовскаго	131
9. КВАРТИРАНТЪ. Разсказъ. М. Первухина	132
10. НА ИМАТРЪ. Стих. Л. Василевскаго	155
11. ПОСЛѢДНІЯ ТЕЧЕНІЯ ФРАНЦУЗСКОЙ ЖИВО- ПИСИ. Окончаніе. Я. Тугенхольда	156
12. ИЗЪ „ДВОРЦОВЫХЪ СКАЗОКЪ“ Фьельдинга (Пер. съ англ. З. Т.).	176
13. ГОЛОСЪ КРОВИ. (Zwischen den Rassen). Романъ (Окончаніе). Генриха Мана . Переводъ съ нѣ- мецкаго М. Славинской и Р. Ландау	188
14. НАУКА И ЖИЗНЬ Побѣда надъ разстояніемъ. В. Ага- фонова	1
15. СОСТОЯНІЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАБОЧАГО ДВИ- ЖЕНІЯ ВЪ РОССІИ. Г. Гольдберга	22
16. СВОБОДНЫЙ ШВЕЙЦАРСКІЙ НАРОДЪ И ЕГО ШКОЛА. Ю. Райхесберга	39

Современный МІРЪ

ІЮЛЬ

1908

70728,7

Идеология мѣщанина нашего времени.

(Окончаніе *).

Oh ironie, sainte ironie, viens que
je t'adore.

Proudhon.

X.

„Окидывая однимъ взглядомъ всю жизнь и дѣятельность Бѣлинскаго“ со своей точки зрѣнія, г. Ивановъ-Разумникъ видитъ передъ собой слѣдующую картину.

„Тридцатые годы начались для Бѣлинскаго... типичнымъ философскимъ антииндивидуализмомъ, на почвѣ котораго возрѣлъ своеобразный эстетическій индивидуализмъ періода шеллингианства и этический индивидуализмъ эпохи фихтеанства, вскорѣ дошедшій до крайности и приведшій... къ мимолетному періоду этического мѣщанства (1836—1837 гг.). Вмѣстѣ съ гегельянствомъ пришла реакція, выразившаяся главнымъ образомъ въ социологическомъ антииндивидуализмѣ и продолжавшаяся до начала сороковыхъ годовъ... Сороковые годы начинаются для него (т. е. для Бѣлинскаго. Г. П.) разрывомъ со всѣми „субстанціальными началами“ и переходомъ къ философскому индивидуализму, въ терминахъ котораго формулируется и переходъ Бѣлинскаго отъ романтизма къ реализму; въ это же самое время эстетическій индивидуализмъ Бѣлинскаго, въ періодъ гегельянства перешедшій было въ ультраиндивидуализмъ, вновь возвращается въ прежнее русло. Протестъ противъ гегельянства сказывается здѣсь яркимъ и сильнымъ социологическимъ индивидуализмомъ, который полнѣе всего характеризуетъ собою послѣдній періодъ дѣятельности Бѣлинскаго; этический индивидуализмъ, несмотря на случайныя колебанія, остается и въ этомъ періодѣ основнымъ принципомъ величайшаго изъ представителей русской интеллигенціи. Такова въ самыхъ общихъ чертахъ схематическая картина постепеннаго развитія мировоззрѣнія Бѣлинскаго“ (I, 288).

Ясно-ли для васъ теперь, читатель, развитіе мировоззрѣнія Бѣлинскаго? Что касается меня, то признаюсь: „схема“, начер-

*) См. „Соврем. Миръ“. Іюнь 1908.

ченная г. Ивановымъ-Разумникомъ, уясняетъ мнѣ только то, что слова очень кстати подвертываются тамъ, гдѣ недостаетъ понятій. Но это я и прежде зналъ.

Сказать, что въ исторіи умственнаго развитія Бѣлинскаго гегельянство знаменуетъ собою „главнымъ образомъ“ торжество „социологическаго антииндивидуализма“, это значитъ обнаружить удивительную способность относиться къ явленіямъ „главнымъ образомъ“,—точно сказать: исключительно,—съ ихъ внѣшней стороны. У Бѣлинскаго за „социологическимъ антииндивидуализмомъ“, свойственнымъ ему въ эпоху его увлеченія Гегелемъ, скрывается попытка разрѣшить глубочайшій вопросъ философіи исторіи вообще и философіи русской исторіи въ частности. Кто хочетъ помочь намъ понять исторію умственнаго развитія Бѣлинскаго, тотъ долженъ прежде всего объяснить намъ, въ чемъ заключался этотъ вопросъ, и каковы были тѣ средства его разрѣшенія, которыми располагалъ и могъ располагать тогда нашъ гениальный критикъ. Но г. Ивановъ-Разумникъ предпочитаетъ, напротивъ, закрыть этотъ вопросъ кулисами „схематическихъ“ построеній, оставляя на сценѣ лишь отвлеченныя понятія (всѣ свои „индивидуализмы“ и „антииндивидуализмы“), во взаимной борьбѣ которыхъ и выражается у него развитіе мировоззрѣнія Бѣлинскаго.

Характеризуя знаменитую статью „Очерки бородинскаго сраженія“, г. Ивановъ-Разумникъ говоритъ, что, идя по стопамъ Гегеля, Бѣлинскій пришелъ въ этой статьѣ къ умѣренному „антииндивидуализму“ (I, 265), и что хотя онъ въ концѣ концовъ и призналъ „неизбѣжность подавленія личности, но все-таки мы не найдемъ у него рѣзкаго антииндивидуалистическаго мотива“ (I, 260). Говоритъ такъ—значитъ стирать грани съ мыслей гениальнаго человѣка. Нужно показать, что собственно привело Бѣлинскаго къ „подавленію личности“ и что собственно означало у него это „подавленіе“. На самомъ дѣлѣ, въ статьѣ „Очерки бородинскаго сраженія“ Бѣлинскій пришелъ къ неизбѣжности подавленія тѣхъ „личностей“, которыя возстаютъ противъ окружающей ихъ дѣйствительности. Почему же онъ отнесся такъ строго къ подобнымъ личностямъ? Потому,—и только потому,—что его пересталъ удовлетворять радикализмъ, отрицающій конкретную дѣйствительность во имя того или другого отвлеченнаго принципа. Впослѣдствіи Бѣлинскій говорилъ о себѣ, что онъ не умѣлъ тогда „развить идею отрицанія“. И въ этомъ заключалась вся тайна его „примиренія съ дѣйствительностью“. Но что значило для него „развить идею отрицанія“? Для него,—какъ для гегельянца,—это значило показать, какимъ образомъ дѣйствительность сама приходитъ къ своему отрицанію пу-

темъ своего собственнаго развитія. Такое отрицаніе дѣйствительности, которое не вызывается ходомъ развитія этой же дѣйствительности, само не заключаетъ въ себѣ ничего дѣйствительнаго, т. е. *разумнаго*. Оно есть не болѣе, какъ бунтъ субъективнаго мнѣнія противъ объективнаго разума исторіи, и, — въ качествѣ такого бунта, — заслуживаетъ осужденія, порицанія и насмѣшки. Такъ смотрѣлъ тогда Бѣлинскій; таковъ былъ смыслъ того, что нашъ „историкъ“ русской общественной мысли именуетъ его умѣреннымъ антииндивидуализмомъ. *Практическіе выводы*, къ которымъ пришелъ Бѣлинскій въ статьяхъ, относящихся къ этому періоду его умственного развитія, *по истинѣ ужасны*. Это увидѣлъ вскорѣ и самъ Бѣлинскій, и всѣмъ хорошо извѣстно, какъ страдалъ онъ при воспоминаніи о нихъ, какъ сильно онъ ихъ стыдился. Но теоретическій запросъ, обнаружившійся въ этихъ статьяхъ, *свидѣтельствуетъ объ огромной умственной силѣ ихъ автора и дѣлаетъ ему величайшую честь*. Это какъ разъ тотъ запросъ, который направлялъ собою теоретическія изслѣдованія глубокомысленнѣйшихъ реформаторовъ и социологовъ XIX вѣка ¹⁾. Уже Сень-Симонъ говорилъ въ своемъ „*Mémoire sur la science de l'homme*“, — что наука о человѣкѣ до него основывалась лишь на *догадкахъ*, между тѣмъ какъ ему хотѣлось бы положить въ ея основу *наблюденіе*. По существу, это тотъ же теоретическій запросъ, который заставилъ Бѣлинскаго „примириться съ дѣйствительностью“ ²⁾. Но у Бѣлинскаго запросъ этотъ приобрѣлъ, подъ вліяніемъ философіи Гегеля, гораздо большую глубину. Дѣло въ томъ, что отвращеніе отъ „*догадокъ*“ и стремленіе обосновать науку о человѣкѣ съ помощью „*наблюденія*“ не мѣшало Сень-Симону, — точно также, какъ Фурье, Р. Оуэну и другимъ имъ подобнымъ реформаторамъ, — быть *утопистами*. Это очень полезно запомнить въ интересахъ пониманія исторіи русской общественной мысли вообще и „*исторіи русской общественной мысли*“ г. Иванова-Разумника въ частности.

XI.

Точка логическаго грѣхопаденія всѣхъ утопистовъ указана была Марксомъ еще весною 1845 года. Въ своихъ замѣткахъ о Фейербахѣ Марксъ писалъ: „Матеріалистическое ученіе о томъ, что люди представляютъ собою продуктъ обстоятельствъ и

¹⁾ Подробнѣе объ этомъ см. мою статью „Бѣлинскій и разумная дѣйствительность“ (Бельтовъ, „За двадцать лѣтъ“).

²⁾ Это особенно хорошо видно изъ нѣкоторыхъ статей учениковъ Сень-Симона, напечатанныхъ въ замѣчательномъ журналѣ „*Le producteur*“.

воспитанія, — и что, слѣдовательно, измѣнившіеся люди являются продуктомъ измѣнившихся обстоятельствъ, — забываетъ, что обстоятельства измѣняются именно людьми, и что воспитатель самъ долженъ быть воспитанъ. Оно необходимо приводитъ поэтому къ раздѣленію общества на двѣ части, изъ которыхъ одна стоитъ *надъ обществомъ*“ ¹⁾. Не трудно понять, какая именно часть стоитъ у всѣхъ утопистовъ „*надъ обществомъ*“: это та часть, которая видитъ дурныя стороны существующаго порядка и стремится создать новый общественный строй, подъ благодѣтельнымъ вліяніемъ котораго люди избавятся, наконецъ, отъ свойственныхъ имъ теперь пороковъ; короче, это — сами реформаторы. На свое собственное появленіе каждый реформаторъ-утопистъ смотрѣлъ, какъ на счастливую историческую случайность; но разъ уже имѣла мѣсто такая случайность, разъ реформаторы открыли великія истины новой общественной науки, человечеству оставалось только усвоить эти великія истины и воплотить ихъ въ жизнь. „Имъ (т. е. утопистамъ. Г. П.) казалось, — говоритъ манифестъ коммунистической партіи, — что достаточно было понять ихъ системы, чтобы немедленно признать ихъ наилучшими планами наилучшаго общественнаго устройства“. Этимъ убѣжденіемъ опредѣлялась и практическая программа ихъ дѣятельности. По справедливому замѣчанію того же манифеста, „дальнѣйшая исторія всего міра сводилась для нихъ къ пропагандѣ и практическому осуществленію ихъ реформаторскихъ плановъ“.

Чтобы поправить коренную ошибку утопистовъ, недостаточно было признать существованіе объективныхъ научныхъ истинъ. Необходимо было, кромѣ того, покончить съ отмѣченной Марксомъ абerraціей, дѣлящей общество на двѣ части, изъ которыхъ одна, — та, которая отрицаетъ данную дѣйствительность, — стоитъ *надъ обществомъ*, а, слѣдовательно, и *надъ дѣйствительностью*. А устранить эту роковую для теоріи абerraцію можно было только однимъ путемъ: путемъ такого анализа, который открылъ бы, что сами реформаторы, отрицающіе данную дѣйствительность, являются продуктомъ развитія этой же дѣйствительности. Этимъ былъ бы устраненъ изъ общественной науки *дуализмъ объекта*, — данной дѣйствительности, — и *субъекта*, — реформатора, отрицающаго эту дѣйствительность и стремящагося передѣлать ее сообразно своимъ реформаторскимъ планамъ. Стремленія субъекта представились бы тогда ни чѣмъ инымъ, какъ слѣдствіемъ и по-

¹⁾ Марксъ потому называетъ *утопическій* взглядъ *матеріалистическимъ*, что матеріалистическое ученіе о человѣкѣ, — если не о вселенной, — лежало въ основѣ всѣхъ построеній великихъ утопистовъ не только во Франціи, но и въ Англіи, напримѣръ, у Р. Оуэна. Это обстоятельство указано тѣмъ же Марксомъ въ его полемикѣ съ братьями Бауерами.

казателемъ хода развитія объекта. Это и было сдѣлано Марксомъ въ сотрудничествѣ съ Энгельсомъ. Все отличіе *научнаго* социализма Маркса—Энгельса отъ *утопическаго* социализма ихъ предшественниковъ заключается именно въ томъ, что научный социализмъ устранилъ этотъ дуализмъ, свойственный рѣшительно всѣмъ утопическимъ системамъ и красной нитью проходящій черезъ всю исторію „русскаго социализма“. По Марксу, „воспитатель“,—передовая часть класса, являющагося въ данное время носителемъ передовыхъ общественныхъ стремленій,—„воспитывается“ той самой дѣйствительностью, которую она хочетъ передѣлать. И если онъ хочетъ передѣлать ее именно въ такомъ, а не въ другомъ направленіи, то и это обстоятельство опять же объясняется объективнымъ ходомъ развитія этой самой дѣйствительности. Вотъ почему Марксъ и Энгельсъ имѣли право писать, что ихъ теоретическія положенія „ни въ какомъ случаѣ не основываются на идеяхъ и принципахъ, открытыхъ и установленныхъ тѣмъ или другимъ всемірнымъ реформаторомъ“, а служатъ лишь общимъ выраженіемъ „современныхъ отношеній... совершающагося на нашихъ глазахъ историческаго движенія“. Но когда мы говоримъ теперь, что Марксу и Энгельсу удалось покончить съ утопизмомъ и поставить социализмъ на почву науки, то мы не должны забывать, что они рѣшили какъ разъ ту задачу, которая встала передъ Бѣлинскимъ тотчасъ же, какъ только онъ перешелъ на точку зрѣнія Гегелевой философіи, и которая, приведя его къ рѣзкому отрицанію утопизма, заставила его *примириться* на время съ *дѣйствительностью*, такъ какъ онъ не сумѣлъ „развить идею отрицанія“, т. е. обнаружить свойственныя этой дѣйствительности объективныя противорѣчія.

Русскій гегельянецъ гениальнымъ чутьемъ понялъ колоссальную важность той теоретической задачи, которую рѣшали,—и рѣшили,—около того же времени два великихъ нѣмца, прошедшихъ ту же философскую школу. Но страшная неразвитость русскіхъ общественныхъ отношеній,—которыя только и могъ знать и наблюдать Бѣлинскій,—помѣшала ему найти рѣшеніе этой колоссально важной задачи. А не будучи въ состояніи найти ея рѣшенія, Бѣлинскій оказался передъ такой дилеммой: *или* оставаться въ мирѣ съ дѣйствительностью ради отрицанія утопіи, *или* помириться съ утопіей ради отрицанія дѣйствительности. Русская дѣйствительность была слишкомъ мрачна для того, чтобы Бѣлинскій могъ долго колебаться въ выборѣ. Онъ возсталъ противъ дѣйствительности и помирился съ утопіей. Это тотъ его шагъ, который въ умѣ русскаго читателя связывается обыкновенно съ воспоминаніемъ о нѣкоторыхъ непочтительныхъ выра-

женіяхъ „неистоваго Виссаріона“ по адресу нѣкоего „философскаго колпака“!

При тогдашнихъ обстоятельствахъ, этотъ шагъ Бѣлинскаго, въ свою очередь, дѣлалъ ему большую честь. Но, говоря объ этомъ шагѣ, ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ забывать, что примиреніе съ утопіей,—какъ бы неизбежно ни было оно тогда для Бѣлинскаго,—все таки знаменовало собою пониженіе его теоретической требовательности, и что это пониженіе теоретической требовательности было не заслугой Бѣлинскаго, а великой его бѣдой, причиненной все тою же несчастной „рассейской“ дѣйствительностью. Въ изложеніи же г. Иванова-Разумника эта бѣда получаетъ именно совсѣмъ не подобающій ей видъ *заслуги*.

Примиреніе Бѣлинскаго съ утопіей означало возстаніе его противъ дѣйствительности не во имя реальныхъ интересовъ трудовой части общества, вызванныхъ къ жизни ростомъ скрывавшихся въ той же дѣйствительности противорѣчій, а *во имя отвлеченнаго принципа*. Такимъ принципомъ явился у него принципъ человеческой личности. „Во мнѣ,—говорилъ онъ тогда въ одномъ изъ своихъ писемъ,—развились какая-то фанатическая любовь къ свободѣ и независимости человеческой личности“. Г. Иванову-Разумнику кажется, что Бѣлинскій при этомъ имѣлъ въ виду „реальную человеческую личность“. Но въ томъ-то и дѣло, что „личность“, на защиту которой съ такимъ жаромъ ополчился тогда Бѣлинскій, сама была именно только отвлеченнымъ принципомъ. Сообразно съ этимъ и возстаніе на ея защиту принимаетъ у Бѣлинскаго совершенно отвлеченный характеръ. Онъ требуетъ свободы и независимости личности „отъ гнусныхъ оковъ неразумной дѣйствительности, мнѣнія черни и преданія варварскихъ временъ“. Интересы личности должны быть ограждены,—по его тогдашнему мнѣнію,—переустройствомъ общества на началахъ „правды и доблести“. Во всемъ этомъ „реального“, разумѣется, очень мало, да и не могло быть въ этомъ много реального именно потому, что Бѣлинскому не удалось „развить идею отрицанія“, опираясь на противорѣчія, скрытыя въ самой дѣйствительности, и что, вслѣдствіе этого, ему пришлось заключить миръ съ утопизмомъ.

Г. Ивановъ-Разумникъ не отрицаетъ утопическихъ увлеченій „неистоваго Виссаріона“. Но, во-первыхъ, онъ и не подозреваетъ, что эти увлеченія находились въ самомъ тѣсномъ родствѣ съ тѣмъ, что онъ именуетъ „индивидуализмомъ“ Бѣлинскаго, а во-вторыхъ—замѣчанія, дѣлаемые имъ по поводу этихъ увлеченій, свидѣтельствуютъ о чрезвычайно слабомъ знакомствѣ его съ исторіей социализма.

Онъ пишетъ: „въ утопическомъ социализмѣ Бѣлинскій увле-

кался не коммунистическими его идеалами, иногданосящими вполне антииндивидуалистическую окраску" (I, 280).

Утопический социализм XIX вѣка,—а именно этимъ социализмомъ и увлекался Бѣлинскій,—въ лицѣ огромнѣйшаго большинства самыхъ видныхъ своихъ представителей,—не только не увлекался коммунистическими идеалами, но *былъ прямо враждебенъ имъ*. Поэтому было совершенно естественно, что человекъ, увлекшійся утопическимъ социализмомъ XIX вѣка, могъ при этомъ совсѣмъ не увлекаться „коммунистическими идеалами.“

Г. Ивановъ-Разумникъ продолжаетъ: „Большинство типичныхъ коммунистовъ въ основу своихъ теорій клали необходимость абсолютнаго подчиненія личности обществу; сен-симонисты, съ которыми въ лицѣ Анфантэна и др. ближе всего былъ ознакомленъ Бѣлинскій, регламентировали не только трудъ, но и всѣ проявленія индивидуальной жизни, начиная отъ свободы совѣсти и кончая костюмомъ и прической“ (I, 280).

Положимъ, что Анфантэнъ дѣйствительно обнаруживалъ большую склонность къ регламентаціи. Но „типичнымъ коммунистомъ“ онъ никогда не былъ, а между тѣмъ приведенныя мною строки даюгъ поводъ думать, что нашъ ученый историкъ русской общественной мысли принимаетъ его за такового ¹⁾.

Теперь довольно трудно представить себѣ съ ясностью, каковы именно были социалистическіе взгляды Бѣлинскаго. Но если судить о нихъ по разсказу Достоевскаго,—цитируемому г. Ивановымъ-Разумникомъ на стр. 280—281 перваго тома,—то выйдетъ, что онъ не такъ далекъ былъ отъ „типичныхъ коммунистовъ“, какъ это думаетъ нашъ авторъ. Достоевскій говоритъ, что Бѣлинскій радикально отрицалъ собственность. Правда, по словамъ того же Достоевскаго, Бѣлинскій всѣмъ существомъ своимъ вѣрилъ, что социализмъ не только не разрушаетъ свободы личности, а, напротивъ, возстановливаетъ ее въ неслыханномъ величіи. Но и это ровно ничего не доказываетъ, такъ какъ эту увѣренность Бѣлинскаго раздѣляли всѣ социалисты-утописты XIX вѣка и всѣ „типичные коммунисты“ ²⁾. Вообще ни одинъ

¹⁾ Въ обращеніи къ Палатѣ Депутатовъ отъ 1-го октября 1830 года Базаръ и Анфантэнъ категорически заявляютъ, что ихъ единомышленники „repoussent le système de la communauté des biens, car cette communauté serait une violation manifeste de la première de toutes les lois morales qu'ils ont reçus mission d'enseigner“. И въ самомъ дѣлѣ, отъ сен-симонистскаго „уничтоженія наслѣдства“ до „типичнаго коммунизма“—очень далеко.

²⁾ Сен-симонисты упрекали современное общество въ томъ, что оно „ne s'occupe pas des individus“, вслѣдствіе чего каждый думаетъ только о себѣ, и большинство впадаетъ въ бѣдность. По теоріи бабевистовъ,—

утопистъ новѣйшаго времени ни словечка не возразилъ бы, напримѣръ, противъ того заявленія Бѣлинскаго, что „одинъ изъ высочайшихъ и священнѣйшихъ принциповъ нравственности заключается въ религіозномъ уваженіи къ человѣческому достоинству во всякомъ человекѣ, безъ различія лица, прежде всего за то, что онъ—человекъ“ ¹⁾. Каждый социалистъ-утопистъ и каждый „типичный коммунистъ“ безусловно согласился бы въ этомъ случаѣ съ Бѣлинскомъ, и если нашъ авторъ говоритъ, что Бѣлинскій могъ принять только ту часть утопическаго социализма, которая не становилась поперекъ дороги его „этическому индивидуализму“, то это свидѣтельствуетъ лишь о крайней скудости его свѣдѣній по части утопическаго социализма. Мнѣ сдается, что взглядъ г. Иванова-Разумника на этотъ социализмъ составилъ не безъ значительнаго вліянія „Бѣсовъ“ Достоевскаго.

Что Бѣлинскій не долго ужился въ мирѣ съ утопизмомъ, это справедливо. Но дѣло тутъ было не въ его „этическомъ индивидуализмѣ“, а опять таки въ томъ, что онъ прошелъ школу Гегелевой философіи. Онъ сохранилъ боязнь „произвольныхъ, имѣющихъ только субъективное значеніе выводовъ“ ²⁾. А безъ этихъ выводовъ невозможно обойтись утописту. Вотъ почему, подъ конецъ своей жизни, онъ началъ очень презрительно относиться къ „социалистамъ“ (т. е. къ социалистамъ-утопистамъ). И по той же причинѣ онъ, въ то же время, пришелъ къ тому выводу, что „внутренній процессъ гражданскаго развитія Россіи начнется не раньше, какъ съ той поры, когда русское дворянство обратится въ буржуазію“. Характерно, что какъ разъ въ то же время онъ осуждалъ Луи Блана за его неумѣнье отнестись къ Вольтеру съ исторической точки зрѣнія. Это новое настроеніе Бѣлинскаго въ высочайшей степени интересно и важно для исторіи русской общественной мысли. Но г. Ивановъ-Разумникъ самымъ неудачнымъ образомъ скомкалъ факты, относящіеся къ этому періоду жизни Бѣлинскаго. Да и не могъ не скомкать. Онъ смотритъ на факты черезъ такіе очки, которые скрываютъ отъ него истинный смыслъ ихъ, но за то позволяютъ открывать въ нихъ то, чего никогда не было. Нашъ авторъ даже въ статьѣ о

кажется, что это довольно „типичные коммунисты“,—общество возникаетъ, какъ результатъ соглашенія между „личностями“, которыя „соединяя свои силы“, стремятся обезпечить себѣ наибольшую сумму счастья. Эту же цѣль—наибольшее счастье личностей—преслѣдуютъ сами бабевисты.

¹⁾ Эти слова Бѣлинскаго приведены г. Ивановымъ-Разумникомъ на стр. 281 перваго тома.

²⁾ Такъ выразился онъ въ статьѣ: „Взглядъ на русскую литературу 1846 года“.

Бородинской годовщины ухитрился открыть предвосхищеніе теоріи „борьбы за индивидуальность“ Михайловскаго. Дальше идти некуда: это по истинѣ Геркулесовы столбы, потому что на самомъ дѣлѣ названная статья была, — совершенно наоборотъ, — попыткой разъ навсегда сойти съ того пути, идя по которому русская общественная мысль пришла, между прочимъ, и къ социологическимъ построениямъ Михайловскаго. Если бы Бѣлинскому удалось рѣшить ту задачу, надъ которой онъ бился въ то время, то построения, подобныя построениямъ Михайловскаго, — т. е. утопическія по самому своему существу, — были бы возможны развѣ только гдѣ нибудь на задворкахъ нашей общественной мысли. Но эта задача рѣшена была не Бѣлинскимъ, а Марксомъ, и прежде чѣмъ идеи Маркса проникли въ сознание передовыхъ идеологовъ русскаго пролетаріата, намъ пришлось цѣлые десятки лѣтъ кочевать въ пустыняхъ утопической абстракціи.

ХІІ.

Мы уже знаемъ, что г. Ивановъ-Разумникъ считаетъ Герцена родоначальникомъ народничества. Относящіеся сюда взгляды Герцена получаютъ у него слѣдующую характеристику.

„Народничество Герцена это прежде всего — отрицательное отношеніе къ современному политико-экономическому развитію Западной Европы, а потому и требованіе примата социальныхъ реформъ надъ политическими, чѣмъ избѣжать мѣщанскаго пути развитія Запада. Затѣмъ народничество — это вѣра въ возможность особаго пути развитія Россіи, основанная въ свою очередь на убѣжденіи въ анти-мѣщанствѣ и не-буржуазности „крестьянскаго тулуза“ и на признаніи общиннаго устройства краеугольнымъ камнемъ русскаго быта; поэтому народничество — это отрицательное отношеніе къ буржуазіи, строгое раздѣленіе понятій „націи“ и „народа“ и ожесточенная борьба съ экономическимъ либерализмомъ. Въ то же время народничество — неизбежная постановка той или иной „утопіи“ въ началѣ социологическихъ концепцій, одинаково далекихъ какъ отъ социологическаго идеализма, такъ и отъ социологическаго ультра-номинализма. Вотъ главныя нити народничества Герцена, переплетающіяся у него въ сложную, но гармонично сотканную ткань, характерную въ общемъ для всего русскаго народничества (I, 374).

Что Герценъ апеллировалъ къ „утопіи“ и что онъ не могъ не апеллировать къ ней, это вѣрно, и мы сейчасъ рассмотримъ, въ какой мѣрѣ это обстоятельство отразилось на стройности его социологическихъ разсужденій. Но прежде я хочу остановиться

на томъ, что г. Ивановъ-Разумникъ называетъ строгимъ раздѣленіемъ понятій „націи“ и „народа“.

Объ этомъ раздѣленіи понятій онъ отзывался такъ.

„Герценъ не впалъ въ основную ошибку славянофильства, не смѣшалъ „народъ“ съ „націей“, а, наоборотъ, впервые сдѣлалъ попытку разграничить ихъ; вслѣдъ за Марксомъ, но вполне независимо отъ него, Герценъ указываетъ, что прогрессивное увеличеніе „національнаго“ богатства Англіи приводитъ англійскій народъ къ все большему и большему голоду („Робертъ Оуэнъ“). Слѣдовательно, Герценъ уже сознавалъ не только нетождественность, но часто и взаимную противоположность интересовъ націи и народа. Впослѣдствіи Чернышевскій и Михайловскій подробно развили и обосновали это основное положеніе народничества, встрѣченное нами еще у Радищева и у декабристовъ; у Герцена оно было только мимолетнымъ выраженіемъ убѣжденія возможности особаго пути развитія Россіи“ (I, 370).

Въ главѣ о Чернышевскомъ мы читаемъ: „Въ западно-европейскомъ социализмѣ понятія націи и народа впервые были разграничены Энгельсомъ, а вслѣдъ за нимъ и Марксомъ; въ русскомъ социализмѣ вполне самостоятельно пришелъ къ этой мысли Чернышевскій“ (не „Радищевъ“ — ли? Г. П.) (II, 9).

У г. Иванова-Разумника разграниченіе понятій націи и народа означаетъ сознаніе той истины, что ростъ національнаго богатства далеко не равносителенъ увеличенію народнаго благосостоянія. И эта истина въ западно-европейскомъ социализмѣ была впервые признана, увѣряетъ онъ насъ, Энгельсомъ. Но этому можетъ повѣрить только тотъ, кто не имѣетъ ни малѣйшаго понятія объ исторіи западно-европейскаго социализма. Уже въ 1805 году, въ Англіи, появилась книга подъ заглавіемъ „The effects of civilisation on the people in European states“, авторъ которой, Charles Hall поставилъ себѣ цѣлью доказать, что съ *ростомъ* національнаго богатства *уменьшается* народное благосостояніе. И съ тѣхъ поръ эта мысль была, можно сказать, общепризнанной истиной въ средѣ англійскихъ социалистовъ. Съ появленіемъ въ 1814 году работы Патрика Колькауна о богатствѣ, могуществѣ и вспомогательныхъ средствахъ Британской Имперіи, эта истина получила, между прочимъ, и статистическое подтвержденіе. Въ разсужденіяхъ Оуэна она играетъ роль одного изъ самыхъ важныхъ экономическихъ аргументовъ, а отъ Оуэна она переходитъ къ Герцену, впервые сдѣлавшему, по словамъ нашего столь свѣдущаго автора, попытку разграничить народъ съ націей. Я не стану распространяться о томъ, что той же мысли отведено весьма почетное мѣсто у Сисмонди въ его „Nouveaux principes d'économie politique, ou de la richesse dans ses rapports avec la po-

pulation",—(Первое изданіе вышло въ 1819 году); не стану напоминать о Фурье, который такъ хорошо разграничилъ понятіе націи отъ понятія народа, что весьма ясно представлялъ себѣ, какимъ образомъ въ „цивилизациі“ нищета порождается богатствомъ, и почему промышленные кризисы являются „*кризисами отъ полнокровія*“. Я скажу одно: человекъ, взявшійся толковать о русскомъ социализмѣ и не имѣющій ни малѣйшаго понятія объ исторіи социализма въ Западной Европѣ, непременно долженъ былъ надѣлать самыхъ грубыхъ ошибокъ. Это въ порядкѣ вещей.

Теперь возвращаемся къ „утопіи“ Герцена. Въ чемъ она состояла?

„Михайловскій какъ-то выразился, что социологія должна начать съ нѣкоторой утопіи. Съ утопіи началъ и Герценъ, вѣря, что не всѣ рѣки исторіи текутъ въ болота мѣщанства... Это была вѣра въ дѣйствительныя, незараженные мѣщанствомъ силы русскаго народа, вѣра въ „крестьянскій тулупъ“, какъ говорилъ Тургеневъ, а за нимъ и эпигоны западничества... Герценъ, дѣйствительно, настолько же вѣрилъ въ свѣтлую будущность Россіи, насколько былъ убѣжденъ въ неминуемомъ и ближайшемъ разложеніи западно-европейскаго міра... Будущее Россіи въ томъ, что она избѣгла зараженія ядомъ мѣщанства, ибо „мѣщанство—последнее слово цивилизациі, основанной на безусловномъ самодержавіи собственности“, а въ Россіи типичной является не частная, а *общинная* собственность. Герценъ вѣрилъ въ коренное анти-мѣщанство русскаго народа и вообще всего славянства; его поддерживала надежда возможности отсутствія буржуазіи въ Россіи или по крайней мѣрѣ ея существованія въ качествѣ *quantité négligeable*. Отсюда двѣ характерныя стороны его народничества: отрицательная—борьба съ либеральнымъ доктринаризмомъ, положительная—проповѣдь освобожденія крестьянъ *съ землей*, находящейся въ общинномъ пользованіи; въ первомъ случаѣ Герценъ категорически разошелся съ молодымъ западничествомъ, во второмъ—онъ настолько же приблизился къ славянофильству“. (I, 350).

Герценъ вѣрилъ въ анти-мѣщанство русскаго народа и вообще всего славянства. Это такъ; но объ этомъ толковать нѣтъ теперь ни малѣйшей надобности, потому что врядъ ли кто-нибудь станетъ теперь защищать теорію, лежавшую въ основѣ этой вѣры. Теорія эта,—сводящаяся къ убѣжденію въ томъ, что историческія судьбы народовъ опредѣляются свойствами народнаго духа, при чемъ духъ каждаго народа обладаетъ особыми свойствами,—есть одна изъ тѣхъ разновидностей идеализма, несостоятельность которыхъ давно уже замѣчена и осмѣяна даже людьми, вообще говоря, склонными къ идеалистическому объяс-

ненію исторіи. Но не мѣшаетъ присмотрѣться поближе ко взгляду Герцена на значеніе общины.

Въ письмѣ къ Мишле („Русскій народъ и социализмъ“) Герценъ говоритъ: „У русскаго крестьянина нѣтъ нравственности, кромѣ вытекающей инстинктивно, естественно изъ его коммунизма; эта нравственность глубоко-народная; немногое, что извѣстно ему изъ Евангелія, поддерживаетъ ее; явная несправедливость помѣщиковъ привязываетъ его еще болѣе къ его правамъ и къ общинному устройству“.

„Община спасла русскій народъ отъ монгольскаго варварства и отъ имперской цивилизациі, отъ выкрашенныхъ по-европейски помѣщиковъ и отъ нѣмецкой бюрократіи. Общинная организациа, хоть и сильно потрясенная, устояла противъ вмѣшательства власти; она благополучно дожила до развитія *социализма въ Европѣ*“.

„Это обстоятельство безконечно важно для Россіи“¹⁾.

Въ другомъ мѣстѣ того же письма Герценъ говоритъ, указавъ на то, что партія движенія, „прогресса“ (письмо появилось первый разъ въ 1851 году) требуетъ освобожденія крестьянъ съ землей: „Изъ всего этого вы видите, какое счастье для Россіи, что сельская община не погибла, что личная собственность не раздробила собственности общинной; какое это счастье для русскаго народа, что онъ остался внѣ всѣхъ политическихъ движеній, внѣ европейской цивилизациі, которая, безъ сомнѣнія, подкопала бы общину и которая нынѣ сама дошла въ социализмъ до самоотрицанія“. (Тамъ же, стр. 198, 199).

XIII.

Итакъ, счастье русскаго народа заключается прежде всего въ томъ, что онъ остался внѣ европейской цивилизациі и внѣ всѣхъ политическихъ движеній. Это счастье застоя, то самое счастье, которое И. Аксаковъ обозначилъ впоследствии словами: *спасительная неподвижность*. Но *неподвижность* не есть *движеніе къ идеалу*. Изъ того, что русскій народъ оставался неподвижнымъ въ теченіе цѣлыхъ столѣтій, вовсе еще не слѣдуетъ, что онъ болѣе, нежели народы Зап. Европы, способенъ двинуться къ социализму. А, вѣдь, община еще не социализмъ; это въ лучшемъ случаѣ только возможность социализма. Гдѣ же та сила, благодаря которой возможность станетъ дѣйствительностью? Въ этомъ весь вопросъ.

Въ 30-й главѣ „Былого и думъ“ Герценъ такъ отвѣчаетъ на него:

¹⁾ Соч. А. И. Герцена, т. V-я, стр. 194, 195.

„Эти основы нашего быта—не воспоминанія, это живыя стихіи, существующія не въ лѣтописяхъ, а въ настоящемъ; но онѣ только уцѣлѣли подъ труднымъ историческимъ выработываніемъ государственнаго единства и подъ государственнымъ гнетомъ, только сохранились, но не развились. Я даже сомнѣваюсь, нашлись ли бы внутреннія силы для ихъ развитія безъ петровскаго періода, безъ періода европейскаго образованія“.

„Непосредственныхъ основъ быта недостаточно. Въ Индіи до сихъ поръ и споконъ вѣка существуетъ сельская община, очень сходная съ нашей и основанная на раздѣлѣ полей; однако индѣйцы съ ней недалеко ушли“¹⁾.

Это какъ нельзя болѣе справедливо. Но если это справедливо, то я спрашиваю еще разъ, гдѣ же та сила, которая поведетъ Россію дальше, нежели ушли индѣйцы? На этотъ вопросъ Герценъ отвѣчаетъ указаніемъ на мощную мысль Запада.

„Одна мощная мысль Запада, къ которой примыкаетъ вся длинная исторія его, въ состояніи оплодотворить зародыши дремлющія въ патриархальномъ быту славянскомъ. Артель и сельская община, раздѣлъ прибытка и раздѣлъ полей, мірская сходка и соединеніе селъ въ волости, управляющіяся сами-собою,—все это краеугольные камни, на которыхъ соизидется храмина нашего будущаго свободно-общиннаго быта. Но эти краеугольные камни, все же камни... и безъ западной мысли нашъ будущій соборъ остался бы при одномъ фундаментѣ“ (Тамъ же, стр. 287—288).

Прекрасно. Однако, мысль становится историческимъ двигателемъ только тогда, когда она попадаетъ въ головы значительнаго числа людей. Есть ли у насъ какія-нибудь основанія думать, что мощная мысль Запада начинаетъ проникать въ крестьянскія головы? Нѣтъ, такихъ основаній Герценъ не видитъ²⁾. А если крестьяне недоступны вліянію мощной мысли Запада, то на кого же она вліяетъ? Она вліяетъ на „насъ“, на людей, усвоившихъ западные социалистическіе идеалы. Въ „насъ“—все дѣло; именно „мы“ и представляемъ собою средство, благодаря которому переходъ русскаго народа къ социализму изъ возможнаго станетъ дѣйствительнымъ. Въ брошюрѣ „Du développement des idées révolutionnaires en Russie“ Герценъ говоритъ о союзѣ философіи съ социализмомъ (стр. 156-я) и опредѣляетъ (стр. 143-я) задачу тѣхъ, которые представляютъ собой *интеллигенцію страны*.

¹⁾ Соч. А. И. Герцена, т. VII-й, стр. 287.

²⁾ Въ другомъ мѣстѣ онъ прямо объявляетъ крестьянство самой консервативной частью населенія. „Les paysans forment la partie la moins progressiste de toutes les nations“ (Du développement des idées révolutionnaires en Russie. Iskander. Paris 1851 P. 33).

Къ этому надо сдѣлать два добавленія. Во-первыхъ, Герценъ называетъ современную ему интеллигенцію—по преимуществу дворянской интеллигенціей¹⁾. Во-вторыхъ, для большей вѣрности Герценъ готовъ апеллировать также и къ правительству. Въ февралѣ 1857 года онъ писалъ (въ статьѣ: „Еще варіація на старую тему“):

„Мало чувствъ, больше тягостныхъ, больше придавливающихъ человѣка, какъ сознаніе, что можно теперь, сейчасъ ринуться впередъ, что все подъ руками и что не достаетъ одного пониманія и отваги со стороны ведущихъ. Машина топится, готова, жжетъ даромъ топливо, даромъ теряется сила, и все оттого, что нѣтъ смѣлой руки, которая бы повернула ключъ, не боясь взрыва“.

„Пусть же знаютъ наши кондукторы, что народы прощаютъ многое... если они только чуютъ силу и бодрость мысли. Но непониманіе, но блѣдную шаткость, но неумѣнье воспользоваться обстоятельствами, схватить ихъ въ свои руки, имѣя неограниченную власть—ни народъ, ни исторія никогда не прощаютъ, какое тамъ доброе сердце ни имѣй“²⁾.

Однако, надежда на „кондукторовъ“ вспыхивала у Герцена не на долго. Болѣе продолжительнымъ и прочнымъ было у него убѣжденіе въ томъ, что отъ „кондукторовъ“ Россія ничего хорошаго не дожидется, и „что Петръ Великій теперь въ насъ“, т. е. въ интеллигенціи³⁾.

Но историческая наука не оставляетъ теперь ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что реформы Петра были подготовлены и вызваны развитіемъ Московской Руси. Поэтому, если „мы“ хотимъ сыграть роль Петра Великаго, „мы“ должны доказать, что почва для „нашей“ социалистической дѣятельности подготовляется внутреннимъ развитіемъ общины. Въ другомъ мѣстѣ самъ Герценъ спрашиваетъ: „Гдѣ лежитъ необходимость, чтобы будущее разыгрывало нами придуманную программу?“ Но его разсужденія о возможномъ успѣхѣ „нашей“ социалистической дѣятельности совсѣмъ не указываютъ на такую необходимость. Естественно поэтому было бы ожидать, что онъ самъ видѣлъ, какъ мало убѣдительно эти его разсужденія. Но въ томъ то и дѣло, что эти разсужденія возникли въ его головѣ, какъ послѣднее утѣшеніе человѣка, разочаровавшагося въ будущемъ западной цивилизаціи и готоваго схватиться за первую попавшуюся соломинку, чтобы

¹⁾ „Le travail intellectuel, dont nous parlons, ne se faisait ni au sommet de l'état ni à sa base, mais entre les deux, c'est-à-dire en majeure partie entre la petite et la moyenne noblesse“ (Ibid. p. 84).

²⁾ Соч. А. И. Герцена, т. X-й стр. 293.

³⁾ „Pierre, le grand homme... il est en nous“ (Du développement, p. 150).

не утонуть въ безднѣ отчаянія. Утопающій никогда не бываетъ расположенъ относиться критически къ той соломинкѣ, за которую онъ хватается. Мы видѣли въ первой половинѣ этой статьи, что, рассуждая о Западной Европѣ, Герценъ болѣе или менѣе твердо стоялъ на той точкѣ зрѣнія, что ходъ развитія мыслей опредѣляется ходомъ развитія жизни, общественное сознание опредѣляется общественнымъ бытіемъ. Но именно потому, что, держась этой точки зрѣнія, онъ пришелъ къ самымъ безотраднымъ выводамъ на счетъ будущей судьбы Запада, онъ, обращаясь къ Россіи, незамѣтно для себя сталъ на совершенно противоположную точку зрѣнія: развитіе нашего общественнаго бытія должно было опредѣлиться по его тогдашнему мнѣнію сознаниемъ, — „нашей“ дѣятельностью, — дѣятельностью людей, „представляющихъ собой интеллигенцію страны, тѣ органы народа, посредствомъ которыхъ онъ стремится понять свое собственное положеніе“ ¹⁾. Бытіе крестьянской Россіи опредѣлится сознаниемъ ея преимущественно — дворянской интеллигенціи. Тутъ сказывается въ парадоксальной формѣ отличительная черта утопизма Герцена, являющаяся впрочемъ, хотя и въ другомъ видѣ, отличительной чертой утопизма вообще. Выше я уже привелъ слова Маркса, согласно которымъ утописты всегда считаютъ себя стоящими надъ „обществомъ“. „Мы“, которымъ выпала на долю роль Петра Великаго, по необходимости должны стать надъ той крестьянской Россіей, той „дикой общиной“, (какъ выражается самъ Герценъ), которую „мы“ должны привести къ выработанному развитіемъ Запада социалистическому идеалу. И замѣтите: говоря о ходѣ развитія западно-европейскаго общества, Герценъ держится того убѣжденія, что „мы не имѣемъ ортопедическихъ возможностей направлять“ этотъ ходъ согласно своимъ идеаламъ. А что касается Россіи, то намъ для успѣха нашей дѣятельности непременно нужно было бы запасть на цѣлымъ рядомъ ортопедическихъ возможностей: иначе „дикая община“ рисковала бы надолго, если не навсегда, остаться „дикой“ и продолжать служить основой для того государственнаго зданія, которое воздвигалось въ теченіе московскаго и петербургскаго періодовъ нашей исторіи. Словомъ, здѣсь Герценъ повторилъ ту ошибку, которую онъ считалъ главной ошибкой славянофиловъ. По его чрезвычайно мѣткому замѣчанію, главная ошибка славянофиловъ заключалась въ томъ, что они считали возможнымъ воскресить прошлое русскаго народа, отдѣливъ въ этомъ прошломъ хорошее отъ дурного и устранивъ дурное въ интересахъ

¹⁾ Du développement, p. 143.

хорошаго ¹⁾. Герценъ объявилъ подобное отдѣленіе и устраненіе совершенно невозможными. И онъ же долженъ былъ признать ихъ не только возможными, но прямо необходимыми для осуществленія его программы. Г. Ивановъ-Разумникъ, конечно, не замѣчаетъ этой ошибки, общей Герцену со славянофилами. Мало того, онъ видитъ въ этой ошибкѣ преимущество народничества передъ славянофильствомъ ²⁾.

Совершенно излишне доказывать, что такая ошибка никакого преимущества собой не представляетъ. Но вполнѣ вѣрно то, что она красной нитью проходила черезъ всѣ соображенія народниковъ о будущемъ развитіи нашего народа. Мы видимъ теперь, что эта нить представляетъ собой, собственно говоря, славянофильское издѣліе; но въ народническія соображенія она вплетена была не столько Герценомъ, сколько Бакунинымъ. Бакунинъ насчитывалъ въ русскомъ народномъ идеалѣ шесть главныхъ чертъ: три дурныхъ и три хорошихъ ³⁾. Дѣятельность интеллигенціи должна была уничтожить дурныя стороны и упрочить хорошія.

Это напоминаетъ приводимый г. Ивановымъ-Разумникомъ анекдотъ о человѣкѣ, который собирался добывать углеродъ изъ хлора: формула хлора — Cl; если вы будете нагревать хлоръ, то l улетучится и останется С, а С есть формула искомаго углерода. Этому химику уподоблялись рѣшительно всѣ утописты, не только у насъ въ Россіи, но и во всемъ мірѣ. Еслибъ г. Ивановъ-Разумникъ, такъ много толкующій о критической философіи, обладалъ хоть мало-мальски критическимъ умомъ, тогда эта ошибка утопистовъ, разумѣется, не ускользнула бы отъ его вниманія. Но въ томъ то и бѣда, что его критицизмъ, это — слова, слова, слова, какъ говорилъ одинъ датскій принцъ. Въмѣсто того, чтобы критиковать утопистовъ, нашъ авторъ безпомощно плетется за ними, пользуясь слабыми сторонами ихъ взглядовъ для обоснованія своего собственнаго, по истинѣ мѣщанскаго міросозерцанія. Мы уже знаемъ, въ чемъ видитъ онъ со своей стороны ошибку Герцена: „Ошибка Герцена была въ томъ, что анти-мѣщанство онъ искалъ въ классовой и сословной группѣ, между тѣмъ какъ сословіе и классъ — всегда толпа, масса сѣраго цвѣта, съ серединными идеалами, стремленіями, взглядами;

¹⁾ Du développement... p. 127—128.

²⁾ И однако самъ Хомяковъ видѣлъ въ идеальной славянофильской общинѣ и хорошія и дурныя стороны; онъ только не умѣлъ разложить ихъ анализомъ, что впервые сдѣлало, какъ мы увидимъ, народничество. (I, 321).

³⁾ „Государственность и анархія“; загл. изд. примѣч. А, стр. 10.

отдѣльныя болѣе или менѣе ярко окрашенныя индивидуальности изъ всѣхъ классовъ и сословій составляютъ внѣклассовую и внѣсословную группу интеллигенціи, основнымъ свойствомъ которой и является анти-мѣщанство ¹⁾.

Иначе сказать, ошибка Герцена, по мнѣнію нашего „ярко-окрашеннаго“ автора, состояла въ томъ, что онъ былъ социалистомъ. А отсюда слѣдуетъ, что этотъ авторъ „ярко окрашенъ“ въ буржуазный цвѣтъ.

И этотъ то человекъ, такъ ярко окрашенный въ буржуазный цвѣтъ, выступаетъ на защиту „русскихъ социалистовъ“, противопоставляя будто бы широкіе взгляды этихъ послѣднихъ будто бы узкимъ взглядомъ ортодоксальныхъ марксистовъ. Oh ironie, sainte ironie, viens, que je t'adore!

XIV.

Если ошибка Герцена заключалась въ томъ, что онъ искалъ анти-мѣщанство въ „толпѣ, массѣ сѣраго цвѣта“, то одну изъ величайшихъ заслугъ его нашъ авторъ видитъ въ отрицаніи ходячаго противоположенія альтруизма и эгоизма. Это отрицаніе, „не сопровождающееся притомъ моралью утилитаризма (какъ это было у публицистовъ шестидесятыхъ годовъ), переноситъ насъ къ этическому индивидуализму религіозно-философскаго теченія начала XX-го вѣка“ (I, 340). Такъ говоритъ г. Ивановъ-Разумникъ. И нельзя не признать, что отрицаніе противоположенія альтруизма и эгоизма теоретически совершенно правильно. Но нашъ авторъ очень ошибается, когда говоритъ на этомъ основаніи, что Герценъ „первый указалъ вѣрный путь отъ этического индивидуализма къ социологическому и перебросилъ въ этомъ мѣстѣ мостъ между славянофильствомъ и западничествомъ“ (I, 341). На самомъ дѣлѣ ни на какое первенство въ этомъ отношеніи Герценъ не могъ бы претендовать по той простой причинѣ, что, отрицая противоположеніе эгоизма и альтруизма, онъ просто повторялъ мысль, не одинъ разъ высказанную Гегелемъ, философію котораго онъ внимательно изучалъ въ первой половинѣ 40-хъ годовъ. Еслибы нашъ авторъ такъ же внимательно изучилъ эту философію, какъ Герценъ, то онъ понялъ бы, что вопросъ объ „индивидуализмѣ“ совершенно не допускаетъ никакихъ отвлеченныхъ рѣшеній и приобретаетъ опредѣленный смыслъ только тогда, когда разсматривается съ точки зрѣнія

¹⁾ Курсивъ г. Иванова-Разумника.

опредѣленныхъ историческихъ условій. Герценъ, въ качествѣ ученика Гегеля, очень хорошо замѣчаетъ по этому поводу: „Гармонія между лицомъ и обществомъ не дѣлается разъ на всегда, она становится ¹⁾ каждымъ періодомъ, почти каждой строкой и измѣняется съ обстоятельствами, какъ все живое. Общей нормы, общаго рѣшенія тутъ не можетъ быть“ ²⁾. Какой видъ принимаютъ отношенія лица къ обществу въ данное историческое время, это зависитъ въ послѣднемъ счетѣ отъ общественно-экономическаго строя этого времени. Развитіе же общественно-экономическаго строя опредѣляется развитіемъ производительныхъ силъ общества, а вовсе не тѣмъ, какъ смотритъ тотъ или другой теоретикъ на вопросъ объ индивидуализмѣ: взгляды теоретиковъ сами опредѣляются ходомъ общественно-экономическаго развитія. Если теоретики этого не сознаютъ; если они ищутъ гармоніи между лицомъ и обществомъ въ области отвлеченныхъ хотя бы и социологическихъ построеній, то этимъ они показываютъ только то, что они еще не перестали быть утопистами. Герценъ, который, поскольку онъ былъ гегельянцемъ, сознавалъ, что общее рѣшеніе вопроса объ индивидуализмѣ невозможно, самъ былъ утопистомъ и, поскольку онъ былъ имъ, онъ самъ готовъ былъ искать общаго рѣшенія этого вопроса. Такъ, въ брошюрѣ „Du développement des idées révolutionnaires en Russie“ (p. 141) онъ упрекаетъ славянофиловъ въ томъ, что они не говорятъ, какимъ образомъ рѣшается у нихъ великая антиномія между свободой отдѣльнаго лица и государствомъ. Въ качествѣ человека, стремившагося разрѣшить эту „великую антиномію“, онъ ничѣмъ не отличался отъ другихъ социалистовъ-утопистовъ своего времени. И если онъ поддразнивалъ нѣкоторыхъ изъ нихъ неожиданнымъ для нихъ вопросомъ о томъ, почему каждый отдѣльный человекъ долженъ приносить себя въ жертву обществу ³⁾, то это показываетъ не то, что онъ покидалъ абстрактную почву утопизма, а только то, что, оставаясь на ней, онъ обнаруживалъ, какъ бывший ученикъ Гегеля, гораздо большую гибкость мысли, нежели большинство утопистовъ, не имѣвшихъ, — особенно во Франціи, — ни малѣйшаго понятія о Гегелѣ. Но г. Ивановъ-Разумникъ, которому суждено видѣть силу изучаемыхъ имъ русскихъ писателей въ томъ, что составляло ихъ слабость, хвалитъ Герцена именно за эти его попытки найти отвлеченное рѣшеніе „великой антиноміи“.

¹⁾ Курсивъ Герцена.

²⁾ Соч. А. И. Герцена; т. V-ый, стр. 157.

³⁾ См. приводимый г. Разумникомъ (I, 366, 367) разговоръ Герцена съ Луи-Бланомъ.

Когда человекъ хочетъ найти общее рѣшеніе такого вопроса, который не допускаетъ никакихъ общихъ рѣшеній, онъ незамѣтно для себя становится схоластикомъ, беспомощно путающимся въ своихъ собственныхъ опредѣленіяхъ. Взять хотя-бы г. Иванова-Разумника. Онъ, который, разумѣется, и къ славянофиламъ пристаётъ прежде всего съ вопросомъ о томъ, какъ рѣшаютъ они проблему ¹⁾ объ „индивидуализмѣ“, открываетъ въ славянофильствѣ „несомнѣнныя *анархистскія концепціи*“ ²⁾. „Своеобразный анархизмъ Толстого, а главнымъ образомъ Достоевскаго и религиозныхъ романтиковъ, замѣчаетъ онъ, ведетъ свое начало по прямой линіи отъ славянофильства“ (I, 324). Но анархическая концепція есть, какъ извѣстно, антигосударственная концепція. Поэтому, услыхавъ отъ нашего автора, что славянофилы склонялись къ анархизму, читатель придетъ въ полное недоумѣніе, встрѣтивъ у него такую фразу: „лицо для государства“ ³⁾, иначе будетъ эгоизмъ, своеволие—таковъ былъ обычный аргументъ славянофильства“ (I, 340, 341) Вотъ вамъ и „анархическія концепціи“! Какъ же это такъ? Да очень просто: усиливаясь найти общее рѣшеніе вопроса объ индивидуализмѣ, г. Ивановъ-Разумникъ забрался въ такую темноту, въ которой всѣ кошки кажутся сѣрыми, и „анархическія концепціи“ представляются, какъ двѣ капли воды, похожими на концепціи государственниковъ.

Послѣ этого мы уже не удивимся, прочитавъ слѣдующія строки: „славянофилы и западники первые внесли нѣкоторую схематизацію, необходимую для теоретическаго рѣшенія проблемы индивидуализма. Они расходились другъ съ другомъ во многомъ, не сознавая, что во многихъ отношеніяхъ ихъ споръ былъ споромъ о словахъ; однако тщательное опредѣленіе терминологіи есть первый шагъ къ уясненію спора“ (I, 314).

Еслибы кто нибудь все-таки обнаружилъ нѣкоторое изумленіе по поводу этихъ словъ г. Иванова Разумника, то я поставлю ему на видъ слѣдующую параллель:

Въ своемъ спорѣ съ Самаринимъ западникъ Кавелинъ писалъ: „покуда во всѣхъ перемѣнахъ общественнаго быта въ наше время я вижу одно очень высказанное стремленіе: дать человеку, личности сколько возможно болѣе развитія“... (Приведено на стр. 315, I).

¹⁾ Эту проблему онъ называетъ своей аriadниной нитью (I, 307). И онъ въ извѣстномъ смыслѣ правъ. Жаль только, что эта нить приводитъ его лишь къ путаницѣ понятій и къ презрительному, самодовольно-мѣщанскому взгляду сверху внизъ на „толпу, массу сѣраго цвѣта“.

²⁾ Курсивъ г. Разумника.

³⁾ Курсивъ мой Г. II.

Съ своей стороны славянофилъ Хомяковъ утверждалъ: „въ двухъ видахъ является трудъ человечества,—въ развитіи общества и въ развитіи личностей“ (приведено г. Разумникомъ I, 319).

Это, вѣдь, въ самомъ дѣлѣ почти одно и то же. А къ этому надо прибавить слѣдующее справедливое замѣчаніе г. Иванова-Разумника по поводу только что приведенныхъ мною словъ Хомякова: „И это общее мнѣніе всего славянофильства въ его отношеніи не къ человеку, а къ личности: рѣзко возставая противъ крайностей социологическаго индивидуализма, славянофильство не только не шло противъ личности, какъ этического начала, а напротивъ, выставляло ее на первое мѣсто“ (I, 319).

Въ виду этой параллели можно, кажется, съ полнымъ правомъ сказать, что взгляды славянофиловъ были очень близки ко взглядамъ западниковъ. Но въ такомъ случаѣ, почему же спорили между собой славянофилы и западники? И почему они вносили въ свой споръ такъ много той могучей страсти, которая вызывается обыкновенно лишь великими историческими вопросами?

Въ томъ то и дѣло, читатель, что споръ славянофиловъ съ западниками былъ вызванъ вовсе не отвлеченной „проблемой индивидуализма“.

Въ теченіе этого спора каждой изъ сторонъ приходилось, конечно, обращаться къ этой „проблемѣ“, точно такъ какъ приходилось ей обращаться и къ цѣлому ряду другихъ „проблемъ“. Но суть спора заключалась вовсе не въ ней. Суть спора была указана Герценомъ еще въ 1851 году. „Народъ остался равнодушнымъ зрителемъ 14-го декабря,—писалъ онъ.—Всякій сознательный человекъ видѣлъ ужасный результатъ полного разрыва между Россіей національной и Россіей европеизованной. Всякая связь между ними была разорвана; надо было возстановить ее; но какъ? Въ этомъ и заключался великій вопросъ“ ¹⁾.

Вопросъ, въ самомъ дѣлѣ, заключался именно въ этомъ. Отвѣтить на него можно было, только найдя рѣшеніе задачи мучившей когда-то Бѣлинскаго: открыть въ русской дѣйствительности такіа противорѣчія, дальнѣйшее развитіе которыхъ должно было привести къ ея отрицанію.

Нашъ авторъ просмотрѣлъ, какъ этотъ великій вопросъ, такъ и единственно возможный отвѣтъ на него. Онъ принадлежитъ къ категоріи тѣхъ людей, которые слона то и не замѣчаютъ.

¹⁾ Du développement etc., p. 98.

XV.

„Чернышевскій пошелъ далѣе по пути, намѣченному Герценомъ,—говоритъ г. Ивановъ-Разумникъ; онъ придалъ народничеству научную форму, освободилъ его отъ тѣхъ субъективныхъ надстроекъ, которыя объяснялись личными переживаниями Герцена; онъ былъ главнымъ выразителемъ социалистическаго направленія русской интеллигенціи шестидесятыхъ годовъ. И прежде всего надо указать на то, что утопическимъ социалистомъ Чернышевскій не былъ никогда. Русская интеллигенція пережила и почувствовала утопическій социализмъ въ лицѣ—прежде всего Бѣлинскаго, а затѣмъ—петрашевцевъ; уже Герценъ, послѣ 1848 г., смѣло вступилъ своими теоріями на путь социализма реальнаго; Чернышевскій, конечно, не могъ вернуться назадъ (II, 8).

До сихъ поръ считалось, что развитіе общественной жизни Западной Европы привело социалистическую мысль отъ *утопій* къ *наукѣ*. Въ исторіи г. Иванова-Разумника мы встрѣчаемся еще съ „реальнымъ“ социализмомъ, на путь котораго будто бы выступилъ Герценъ послѣ 1848 года. Мы уже видѣли, что точка зрѣнія Герцена была точкой зрѣнія *утопическаго* социализма. Теперь посмотримъ, какъ характеризуетъ нашъ авторъ „реальный“ социализмъ Чернышевскаго, какимъ образомъ доказываетъ онъ, что Чернышевскій никогда не былъ утопическимъ социалистомъ? А вотъ послушайте.

„Если въ его романѣ „Что дѣлать?“ (1862—63 гг.) конечныя цѣли социализма ярко раскрашены всѣми цвѣтами фурьеризма, то не надо забывать, для какого читателя Чернышевскій писалъ свой романъ; романъ этотъ—намѣренно лубочное произведение, написанное исключительно съ пропагандистской цѣлью. „Читай, добрый публичка! прочтешь не безъ пользы. Истина—хорошая вещь!—насмѣшливо обращается къ своей аудиторіи Чернышевскій:—...ты, публичка, добра, очень добра, а потому ты неразборчива и недогадлива... Тебѣ, проницательный читатель, я скажу, что это (рѣчь идетъ о Рахметовѣ)—не дурные люди; а то, вѣдь, ты, пожалуй, не поймешь самъ-то!..“ Еслибы, пропагандируя передъ подобной аудиторіей социализмъ, Чернышевскій дошелъ бы даже, вслѣдъ за Фурье, до пресловутыхъ анти-львовъ, анти-акулъ и морей изъ лимонада, то и въ такомъ случаѣ трудно было бы обвинить его (какъ социолога, а не романиста) въ приверженности къ утопическому социализму. Въ отвѣтъ на такое обвиненіе достаточно указать хотя бы только на отзывъ Чернышевскаго о системахъ утопическаго социализма въ VI-ой главѣ „Очерковъ гоголевскаго періода русской литературы“ (Современ-

никъ, 1856 г. № 9), и на еще болѣе рѣзкій отзывъ въ статьѣ „Studien, Гакстаузена“ (тамъ же, 1857 г., № 7). Утопическій социализмъ, говоритъ Чернышевскій, пережилъ самъ себя; сражаться съ нимъ въ серединѣ XIX вѣка такъ же смѣшно, какъ, напримѣръ, начать ожесточенную борьбу съ идеями Вольтера, все это дѣла давно минувшихъ дней, дѣла временъ очаковскихъ и покоренія Крыма“.

„Итакъ, народничество Чернышевскаго (мы еще убѣдимся ниже: что его мировоззрѣніе было именно народничествомъ) носило вполне реальную окраску“ (II, 9).

Къ сожалѣнію, это „итакъ“ г. Иванова-Разумника не имѣетъ подъ собой никакой „реальной“ основы. Въ этомъ не трудно убѣдиться, перечитавъ тѣ отзывы Чернышевскаго объ утопическомъ социализмѣ, на которые ссылается г. Ивановъ-Разумникъ. Вотъ эти отзывы.

Въ VI-ой главѣ „Очерковъ гоголевскаго періода русской литературы“ Чернышевскій говоритъ:

„Въ то время (когда складывалось міросозерцаніе „Огарева и его друзей“. Г. П.) во Франціи возникали, какъ противорѣчіе бездушному и убійственному ученію экономистовъ, новыя теоріи національнаго благосостоянія. Идеи, одушевлявшія новую науку, высказывались еще въ фантастическихъ формахъ, и предубѣжденнымъ или руководившимся своекорыстными побужденіями противникамъ легко было, оставляя безъ вниманія здравыя и высокія основныя идеи новыхъ теоретиковъ и выставляя въ утрированномъ видѣ мечтательныя увлеченія, которыхъ въ началѣ не избѣгаетъ ни одна новая наука, осмѣивать системы имъ ненавистныя. Но подъ видимыми странностями и подъ фантастическими увлеченіями скрывались въ этихъ системахъ истины и глубокія, и благотѣльныя. Огромное большинство и ученыхъ людей, и европейской публики, повѣривъ пристрастнымъ и поверхностнымъ отзывамъ экономистовъ, не хотѣли понять смысла новой науки, всѣ смѣялись надъ несбыточными утопіями, и почти никто не считалъ нужнымъ основательно и безпристрастно изучать ихъ. Г. Огаревъ и его друзья занялись этими вопросами, понимая чрезвычайную ихъ важность для жизни“¹⁾.

Что говорятъ намъ эти строки объ отношеніи Чернышевскаго къ французскому утопическому социализму? Прежде всего то, что онъ считалъ его *новой наукой*, т. е. иначе сказать, не признавалъ утопическимъ. А если не признавалъ утопическимъ, то и не отрицалъ, не считалъ отжившимъ, какъ въ этомъ увѣраетъ

¹⁾ Соч. Чернышевскаго. Т. 2-ой, стр. 194. СПб. 1906.

насть г. Ивановъ-Разумникъ. Устарѣлыми, отжившими, утопическими представлялись Чернышевскому только тѣ „фантастическія формы“, въ которыхъ высказывались новыя „научныя“ идеи; только тѣ „мечтательныя увлеченія“, которыми грѣшили иногда люди, додумавшіеся до „научныхъ“ идей. Самыя же эти идеи Чернышевскій считалъ глубокими и благотѣльными истинами. Похоже ли это на то, что говорить намъ отъ имени Чернышевскаго г. Ивановъ-Разумникъ?

Въ статьѣ о книгѣ Гакстгаузена Чернышевскій пишетъ: „Гакстгаузенъ воображаетъ, будто бы въ 1847 году, когда была издана его книга, вопросъ о сенсимонизмѣ и тому подобныхъ мечтахъ все еще оставался современнымъ вопросомъ, и будто бы еще находились тогда серьезные люди, державшіеся системы Сень-Симона. Добрякъ не замѣчалъ, что времена этой системы, дѣйствительно мечтательной и неосуществимой, прошли за долго до 1847 года, и что въ этомъ году развѣ какая-нибудь невинная старая дѣвушка держалась во Франціи системы Сень-Симона“¹⁾.

Это надо дополнить еще слѣдующими строками: „Гакстгаузенъ, по сердечной простотѣ, перепутываетъ вопросъ о пролетаріатѣ съ сенсимонистскою системою; но мы предупреждаемъ читателей, что въ наше время говорить о сенсимонизмѣ то же самое, что говорить о какой-нибудь системѣ физиократовъ или меркантилистовъ; все это дѣла давно минувшихъ дней, дѣла „временъ очковскихъ и покоренія Крыма“²⁾.

Этотъ отзывъ доказываетъ съ ясностью, не допускающей никакихъ сомнѣній, что Чернышевскій считалъ систему Сень-Симона „дѣйствительно—мечтательной и неосуществимой“. Но „мечтательной и неосуществимой“ считалъ эту систему также и Фурье, какъ это тоже видно съ ясностью, не допускающей никакихъ сомнѣній, изъ нѣкоторыхъ полемическихъ его статей. Значитъ ли это, что Фурье никогда не былъ утопическимъ социалистомъ? Кажется, что совсѣмъ еще не значитъ.

Обращаемся опять къ Чернышевскому. „Эта ошибка со стороны Гакстгаузена довольно груба,—продолжаетъ онъ;—но еще страннѣе, что въ 1857 году, то есть десятью годами позднѣе Гакстгаузена, „Экономическій Указатель“ все еще воображаетъ видѣть предъ собой какихъ-то утопистовъ. Смѣемъ увѣрить его, что такія опасенія столь же приличны нашему вѣку, какъ, на примѣръ, споры противъ какого нибудь Вольтера; люди, подобные Вольтеру и Сень-Симону, давнымъ давно сошли съ истори-

¹⁾ Соч. т. III, стр. 293.

²⁾ Соч. т. III, стр. 293.

ческаго поприща, и беспокоиться о нихъ совершенно напрасно. Если память насъ не обманываетъ, знаменитый Бастіа, служащій авторитетомъ для „Экономическаго указателя“, спорилъ противъ людей, которые гораздо удачнѣе его смѣялись надъ сенсимонистскими мечтаніями и которые, каковы бы ни были ихъ недостатки, уже ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть названы мечтателями. Положительный и холодный расчетъ не имѣетъ ничего общаго съ поэтическими грезами“¹⁾.

Посмотрите же. Люди, противъ которыхъ спорилъ Бастіа, ни въ какомъ случаѣ не могли быть, по мнѣнію Чернышевскаго, названы мечтателями: они придерживались „положительнаго и холоднаго расчета“. Съ кѣмъ же спорилъ Бастіа? Онъ спорилъ между прочимъ съ протекціонистами; но, очевидно, что не протекціонистовъ имѣетъ въ виду Чернышевскій. А въ такомъ случаѣ ясно, что онъ намекаетъ на французскихъ социалистовъ-утопистовъ—и прежде всего на Прудона и Шева, противъ которыхъ направлены брошюры Бастіа: „Capital et rente“ и „Gratuité du crédit“. Прудонъ, если хотите, въ самомъ дѣлѣ не былъ мечтателемъ и совсѣмъ не чуждался „положительнаго и холоднаго расчета“, но достаточно прочесть „Нищету философіи“ Маркса, чтобы убѣдиться въ томъ, что Прудонъ обѣими ногами стоялъ на почвѣ утопическаго социализма. Значитъ, это противопоставленіе Чернышевскимъ Прудона Сень-Симону вовсе еще не ручается за то, что нашъ великій просвѣтитель 60-хъ годовъ самъ не былъ утопистомъ.

Переходимъ, наконецъ, къ роману „Что дѣлать“. Г. Ивановъ-Разумникъ признаетъ, что въ этомъ романѣ „конечныя цѣли социализма ярко раскрашены всѣми цвѣтами фурьеризма“, и на этомъ основаніи онъ согласенъ признать этотъ романъ утопическимъ произведеніемъ. Однако, онъ находитъ, какъ мы знаемъ, одно важное обстоятельство, сильно смягчающее по его мнѣнію вину Чернышевскаго: „романъ этотъ—намѣренно лубочное произведеніе, написанное исключительно съ пропагандистскою цѣлью“. Прочитавъ эти строки, я невольно вспомнилъ объ услужливомъ медвѣдѣ, сгонявшемъ мухъ со лба пустытника.

Романъ „Что дѣлать“ несомнѣнно написанъ съ пропагандистскою цѣлью, но отсюда еще вовсе не слѣдуетъ, что онъ представляетъ собой намѣренно лубочное произведеніе. Вотъ примѣръ. Исторія русской общественной мысли г. Иванова-Разумника написана тоже, конечно, съ цѣлью пропаганды идей „индивидуализма“, но кто же назоветъ эту исторію „намѣренно-лубочнымъ“ произведеніемъ? Правда, ему съ полнымъ правомъ принадлежитъ эпи-

¹⁾ Тамъ же, т. III, стр. 293.

тетъ „лубочнаго“, но развѣ въ намѣреніи г. Иванова-Разумника входило написать 2-хъ томную лубочную исторію русской общественной мысли? Я сильно сомнѣваюсь въ этомъ. Я полагаю, что лубочность явилась сама собой, ненарокомъ.

Что же касается Чернышевскаго, то, не говоря уже о томъ, что онъ не могъ задаться цѣлью написать лубочное произведеніе, я замѣчу еще вотъ что. Романъ „Что дѣлать“, разумѣется, очень слабъ въ художественномъ отношеніи. Но въ немъ такъ много ума, наблюдательности, ироніи и благороднаго энтузіазма, что назвать его лубочнымъ произведеніемъ можетъ только тотъ, кто самъ одаренъ отъ природы поистинѣ лубочнымъ вкусомъ.

Нашъ авторъ, повидимому, думаетъ, что къ числу утопистовъ принадлежатъ только тѣ социалистическіе писатели, которые занимаются изображеніемъ будущаго, социалистическаго общества. Романъ „Что дѣлать“ изобилуетъ подобными описаніями; вотъ г. Ивановъ-Разумникъ и рѣшилъ, что въ этомъ романѣ высказываются утопическіе взгляды. А такъ какъ Чернышевскій былъ зачисленъ имъ по вѣдомству „реальнаго социализма“, то онъ умозаключилъ, что знаменитый романъ является лишь подтверждающимъ правило исключеніемъ, т. е. что когда Чернышевскій писалъ „Что дѣлать“, то онъ умышленно покинулъ точку зрѣнія реальнаго социализма и перешелъ на точку зрѣнія социализма утопическаго. Нечего сказать, прекрасная „исторія русской общественной мысли“!

Эта „исторія“ такъ хороша, что самъ собою возникаетъ вопросъ: какъ могло быть „сочинено“ подобное произведеніе. Но недоумѣніе, выражающееся въ этомъ вопросѣ, быстро разсѣется, если мы припомнимъ глубокомысленныя слова того же г. Иванова-Разумника: „мѣщанство — это *узость, плоскость...* узость формы, плоскость содержанія“. Этими словами вообще объясняются всѣ недостатки разбираемой мной „исторіи“.

Чернышевскій самъ говоритъ, что онъ въ своей публицистической дѣятельности задался цѣлью распространять идеи своихъ великихъ западныхъ учителей. Въ томъ, что касается социализма, его учителями были французскіе и англійскіе утописты: онъ очень много взял у Роберта Оуэна, много у Фурье, немало у Луи Блана и т. д. Что касается философіи, то, приготовляя къ печати 3-е изданіе своихъ „Эстетическихъ отношеній искусства къ дѣйствительности“, онъ въ написанномъ имъ предисловіи къ этому, не состоявшемуся, впрочемъ, изданію, такъ характеризуетъ ходъ своего умственного развитія: ¹⁾.

¹⁾ Боязнь цензуры заставляетъ его говорить о себѣ въ третьемъ лицѣ.

„Авторъ брошюры, къ третьему изданію которой пишу я предисловіе, получилъ возможность пользоваться хорошими бібліотеками и употреблять нѣсколько денегъ на покупку книгъ въ 1846 году. До того времени онъ читалъ только такія книги, какія можно доставать въ провинціальныхъ городахъ, гдѣ нѣтъ порядочныхъ бібліотекъ. Онъ былъ знакомъ съ русскими изложеніями системы Гегеля, очень неполными. Когда явилась у него возможность ознакомиться съ Гегелемъ въ подлинникѣ, онъ сталъ читать эти трактаты. Въ подлинникѣ Гегель понравился ему гораздо меньше, нежели ожидалъ онъ по русскимъ изложеніямъ. Причина состояла въ томъ, что русскіе послѣдователи Гегеля излагали его систему въ духѣ лѣвой стороны гегелевской школы. Въ подлинникѣ Гегель оказывался болѣе похожъ на философовъ XVII вѣка и даже на схоластиковъ, чѣмъ на того Гегеля, какимъ являлся онъ въ русскихъ изложеніяхъ его системы. Чтеніе было утомительно по своей явной бесполезности для сформированія научнаго образа мыслей. Въ это время случайнымъ образомъ попалось желавшему сформировать себѣ такой образъ мыслей юношѣ одно изъ главныхъ сочиненій Фейербаха. Онъ сталъ послѣдователемъ этого мыслителя; и до того времени, когда житейскія надобности отвлекли его отъ ученыхъ занятій, онъ усердно перечитывалъ и перечитывалъ сочиненія Фейербаха“ ¹⁾.

Интересно, что нашему „историку“ и въ голову не приходитъ отмѣтить слѣдующій, въ высшей степени важный фактъ. Марксъ и Энгельсъ отъ идеализма Гегеля тоже пришли къ матеріализму Фейербаха. Такимъ образомъ, въ лицѣ Маркса и Энгельса развитіе западно-европейской общественной мысли совершалось въ томъ же самомъ направленіи, въ какомъ развивалась русская мысль въ лицѣ Бѣлинскаго и Чернышевскаго. Но затѣмъ обнаруживается разница. Бѣлинскій и Чернышевскій не идутъ далѣе Фейербаха, между тѣмъ какъ Марксъ и Энгельсъ совершаютъ въ философіи этого мыслителя цѣлый переворотъ, прилагая матеріалистическій методъ къ объясненію исторіи. И именно потому, что Марксу и Энгельсу удастся совершить этотъ переворотъ, социализмъ въ ихъ лицѣ переходитъ съ почвы утопіи на почву науки. Это легко понять. Стоитъ только припомнить указаніе Маркса на коренную ошибку утопистовъ. Матеріалисты говорили: люди представляютъ собой продуктъ обстоятельствъ и воспитанія. Чтобы сдѣлать людей хорошими, мы хотимъ измѣнить къ лучшему тѣ обстоятельства, при которыхъ люди живутъ и воспитываются. Но, возражалъ Марксъ, вы сами представляете собой продуктъ

¹⁾ Соч. Чернышевскаго, т. X, часть 2-я, стр. 191, 192.

тѣхъ же обстоятельствъ; поэтому вы не имѣете никакого логическаго права ставить себя надъ обществомъ.

Одно изъ двухъ.

Или тѣ обстоятельства, продуктомъ которыхъ явились ваши реформаторскія стремленія, представляютъ собой нѣчто исключительное.

Тогда вы не имѣете никакого основанія рассчитывать на то, что *остальное* общество, развивающееся при совершенно *другихъ* обстоятельствахъ, станетъ когда-нибудь раздѣлять эти ваши стремленія.

Или же, обстоятельства, наличность которыхъ вызвала къ жизни ваши стремленія, не представляютъ собой чего-либо исключительнаго, а вліяютъ, кромѣ васъ, и на *остальное* общество, или по крайней мѣрѣ, на значительную его часть.

Тогда у васъ есть вполне достаточный поводъ рассчитывать, что это общество или эта его часть имѣютъ или будутъ имѣть тѣ же самыя стремленія, какія имѣете вы.

Въ первомъ случаѣ ваши субъективныя стремленія *противостоятъ* объективному ходу общественнаго развитія.

Во второмъ — они *совпадаютъ* съ нимъ и потому приобрѣтаютъ всю ту силу, которая ему свойственна.

Такъ какъ побѣда, — осуществленіе вашихъ стремленій, — возможна только во второмъ случаѣ, то ясно, что когда вы хотите убѣдить себя и другихъ въ томъ, что васъ ожидаетъ именно побѣда, а не поражение, вы должны доказать, что ваши субъективныя стремленія не противорѣчатъ объективному ходу общественнаго развитія, а совпадаютъ съ нимъ и служатъ его выраженіемъ.

Формулировать задачу такимъ образомъ и значило сдѣлать социализмъ изъ утопіи наукой. Намъ уже извѣстно, что эта задача занимала Бѣлинскаго въ ту эпоху, когда онъ писалъ „Очерки Бородинскаго сраженія“; извѣстно и то, что Бѣлинскому не удалось рѣшить ее, т. е., что ему поневолѣ пришлось остаться въ области утопіи. Въ той же области пришлось остаться и Чернышевскому. И теперь, послѣ того, что мы узнали отъ самого Чернышевскаго о ходѣ его философскихъ занятій, мы можемъ сказать, по какимъ именно логическимъ причинамъ ему пришлось остаться въ ней: усвоивъ матеріалистическіе взгляды Фейербаха, Чернышевскій не съумѣлъ примѣнить эти взгляды къ объясненію исторіи.

Въ самомъ дѣлѣ, когда онъ началъ изучать Гегеля въ подлинникѣ, то онъ нашелъ это занятіе утомительнымъ и бесполезнымъ. Подлинный Гегель показался ему совершенно не похожимъ на того Гегеля, о которомъ говорили русскіе послѣдователи

великаго нѣмецкаго идеалиста. Почему же непохожимъ? Чернышевскій самъ превосходно объясняетъ это: „причина состояла въ томъ, что русскіе послѣдователи Гегеля излагали его систему въ духѣ лѣвой стороны гегелевской школы“. Въ какомъ же духѣ излагала Гегеля лѣвая сторона его школы? Она излагала его несомнѣнно въ прогрессивномъ духѣ; но въ то же самое время она въ его историческихъ взглядахъ оставляла безъ вниманія всѣ тѣ многочисленные матеріалистическіе элементы, которые вошли потомъ, какъ составная часть, въ найденное Марксомъ матеріалистическое объясненіе исторіи ¹⁾. Лѣвая сторона гегелевской школы склонялась къ поверхностному историческому идеализму. Историческій идеализмъ этого рода, не умѣющій связать субъективныя стремленія людей съ объективнымъ ходомъ общественнаго развитія, вообще составляетъ неотъемлемое свойство утопизма: утопистъ всегда держится идеалистическаго взгляда на исторію.

Познакомившись съ тѣмъ Гегелемъ, о которомъ говорила лѣвая сторона гегелевой школы, и найдя подробное изученіе подлиннаго Гегеля бесполезнымъ, Чернышевскій самъ склонился къ историческому идеализму. Это былъ большой недостатокъ, который не могъ быть устраненъ послѣдовавшимъ за тѣмъ изученіемъ Фейербаха. Философія этого послѣдняго, — что бы ни говорилъ о ней Ланге, — была матеріалистической философией. Но что касается исторіи, то Фейербахъ, несмотря на нѣкоторые имѣвшіеся у него зачатки матеріалистическаго объясненія, смотрѣлъ на нее глазами идеалиста, подобно тому, какъ смотрѣли на нее французскіе матеріалисты XVIII вѣка. Фейербахъ принесъ много пользы Чернышевскому, но онъ не избавилъ его отъ историческаго идеализма.

Намъ уже извѣстно, что заслуга Маркса и Энгельса заключалась именно въ устраненіи этой слабой стороны Фейербахова матеріализма. Но Чернышевскій не замѣтилъ этой слабой стороны; онъ самъ продолжалъ держаться идеалистическаго взгляда на исторію и, какъ видно, совсѣмъ не отдалъ себѣ отчета въ важности столько разъ указанной нами теоретической задачи, мучившей Бѣлинскаго въ началѣ сороковыхъ годовъ: „развить идею отрицанія“; показать, какимъ образомъ данная неприглядная дѣйствительность ходомъ своего развитія приводится къ своему собственному отрицанію. Въ своей борьбѣ съ этой дѣйствительностью, онъ, какъ истый „просвѣтитель“, уповалъ не на ея собственную объективную логику, а исключительно на субъективную логику людей, на силу разума и на то, что *la raison finit*

¹⁾ Объ этомъ см. мою статью „Zu Hegel's sechzigstem Todestage“, напечатанную въ „Neue Zeit“ (ноябрь, 1901 года) и перепечатанную въ русскомъ переводѣ въ книгѣ „Критика нашихъ критиковъ“.

par avoir raison. А это и значить, что онъ остался утопистомъ, несмотря на то, что онъ былъ мало склоненъ къ мечтательности и очень дорожилъ „положительнымъ и холоднымъ расчетомъ“.

Само собой разумѣется, что, говоря все это, я совсѣмъ не думаю обвинять нашего великаго „просвѣтителя“. Во-первыхъ, я, какъ и всѣ материалисты, хорошо знаю, что люди представляютъ собой продуктъ обстоятельствъ: челоѣку, развивавшемуся при тогдашнихъ русскихъ обстоятельствахъ, психологически невозможно было идти во главѣ европейской мысли, какъ бы ни были гениальны его способности. Марксъ *долженъ* былъ опередить Чернышевскаго по той достаточной причинѣ, что Западъ опередилъ Россію. Во вторыхъ, оставаясь социалистомъ-утопистомъ, Чернышевскій пребывалъ въ весьма почтенной кампаніи: сказать, что онъ былъ послѣдователемъ великихъ представителей западно-европейскаго утопическаго социализма, отнюдь не значить сказать что-нибудь обидное для него. Совсѣмъ напротивъ!

Однако, пора вернуться къ г. Иванову-Разумнику. Онъ говоритъ: „Чернышевскій опредѣлялъ капиталъ, какъ „продукты труда, которые служатъ средствами для новаго производства“. Почти одновременно съ Чернышевскимъ подобное положеніе высказалъ и К. Марксъ, заявляя, что нѣкоторая сумма цѣнностей тогда только превращается въ капиталъ, когда она „sich verwertet“, т. е. затрачивается въ предприятие, образуя прибавочную цѣнность, когда она воспроизводится съ извѣстной надбавкой. И Марксъ и Чернышевскій оба заимствовали свое опредѣленіе капитала у Рикардо, причемъ Марксъ, подъ вліяніемъ Родбертуса, нѣсколько видоизмѣнилъ, а Чернышевскій заимствовалъ почти буквально“ (II, 11).

Тутъ, что ни слово, то путаница экономическихъ понятій. Во-первыхъ, опредѣленія, даваемые капиталу Чернышевскимъ съ одной стороны и Марксомъ съ другой, не только не подобны между собой, какъ это вообразилъ нашъ авторъ, а совершенно различны. Чернышевскій смотрѣлъ на капиталъ съ отвлеченной точки зрѣнія; Марксъ смотрѣлъ на него съ точки зрѣнія конкретной. Челоѣкъ, называющій капиталомъ продукты труда, которые служатъ средствомъ для новаго производства, естественно *долженъ* признать, что капиталъ существуетъ на всѣхъ ступеняхъ экономического развитія общества: вѣдь, и въ дикихъ общинахъ первобытныхъ охотниковъ производство (охота) не обходится безъ употребленія въ дѣло нѣкоторыхъ предметовъ, созданныхъ прежнимъ трудомъ. Но именно противъ такого отвлеченнаго опредѣленія капитала и возсталъ Марксъ еще въ 40-хъ годахъ. Вотъ

что писалъ онъ по этому поводу въ брошюрѣ „Наемный трудъ и капиталъ“:

„Капиталъ состоитъ изъ сырыхъ матеріаловъ, орудій труда и всякаго рода жизненныхъ припасовъ, употребляемыхъ на производство новыхъ сырыхъ матеріаловъ, новыхъ орудій труда и новыхъ жизненныхъ припасовъ. Всѣ эти составныя части капитала создаются трудомъ, суть продукты труда,—*накопленный трудъ*. Накопленный трудъ, служащій средствомъ для новаго производства, есть капиталъ.

„Такъ говорятъ экономисты.

„Что такое негръ-рабъ? Это челоѣкъ черной расы. Одно объясненіе стоитъ другого.

„Негръ есть негръ. Лишь въ опредѣленныхъ условіяхъ становится онъ рабомъ. Хлопчатобумажная прядильная машина есть машина для пряденія хлопчатой бумаги. Лишь въ опредѣленныхъ условіяхъ становится она *капиталомъ*. Внѣ этихъ условій она столь же мало капиталъ, какъ золото само по себѣ—*деньги*, или сахаръ—*цѣна сахара*“.

Читатель можетъ видѣть отсюда, до какой степени взглядъ Маркса „подобенъ“ взгляду Чернышевскаго.

Далѣе, въ качествѣ челоѣка, считающаго себя призваннымъ отстаивать честь „русскаго социализма“, г. Ивановъ-Разумникъ поспѣшилъ, какъ мы видѣли, замѣтить, что Марксъ пришелъ къ своему взгляду на капиталъ „почти одновременно“ съ Чернышевскимъ. Мы знаемъ теперь, что это не вѣрно, какъ въ логическомъ, такъ и въ хронологическомъ смыслѣ (сочиненіе „Наемный трудъ и капиталъ“ появилось въ печати въ 1849 году). Но этого мало. Нашъ авторъ опять ошибается, когда говоритъ, что Чернышевскій заимствовалъ свое опредѣленіе капитала у Рикардо. Оно было заимствовано Чернышевскимъ у Милля, а Миллю не было надобности заимствовать его у Рикардо по той простой причинѣ, что оно издавна было общепринятымъ у всѣхъ буржуазныхъ экономистовъ.

Наконецъ, совершенно напрасно нашъ авторъ думаетъ, что взглядъ Маркса на капиталъ сложился подъ вліяніемъ Родбертуса. Не говоря уже о хронологіи (еще разъ обращаю вниманіе на то, что „Наемный трудъ и капиталъ“ появился въ печати въ 1849 году), достаточно напомнить, что Родбертусъ до конца дней своихъ не доработался до вполне яснаго взгляда на капиталъ, какъ на общественное отношеніе производства: его сбивало представленіе о капиталѣ „самомъ по себѣ“ (Kapital an sich), т. е. именно свойственное буржуазнымъ экономистамъ отвлеченное представленіе о капиталѣ.

„Такъ пишутъ исторію!“

Я не имѣю рѣшительно никакой возможности оцѣнить по ихъ высокому достоинству всѣ драгоценныя перлы, разсыпанные г. Ивановымъ-Разумниковъ въ главѣ о Чернышевскомъ: для этого нужно было бы написать цѣлую книгу. Но я все-таки долженъ отмѣтить еще нѣкоторые изъ этихъ перловъ.

Приведа ту мысль Чернышевскаго, что цѣль правительства—польза индивидуальнаго лица; что государство существуетъ для блага индивидуальной личности; что общая норма для оцѣнки всѣхъ фактовъ общественной жизни и частной дѣятельности—благо человѣка, г. Ивановъ-Разумникъ-замѣчаетъ:

„Достаточно и этого немногаго, чтобы поставить Чернышевскаго въ одинъ рядъ съ величайшими представителями индивидуализма въ исторіи русской общественной мысли; въ этомъ отношеніи Чернышевскій шелъ вслѣдъ за Бѣлинскимъ и Герценомъ и былъ предтечей Лаврова и Михайловскаго. И если мы уже въ Герценѣ видѣли зачатки того „субъективизма“, которому суждено было дать пышный цвѣтъ въ семидесятыхъ годахъ, то Чернышевскій, по своимъ воззрѣніямъ, стоитъ еще ближе къ этому „субъективному методу“, заявляя, что „человѣкъ долженъ смотрѣть на все человѣческими глазами (II, 17)“.

Вотъ оно что! Нашъ авторъ производитъ Чернышевскаго въ рангъ „предтечей Лаврова и Михайловскаго“—людей, выше которыхъ онъ былъ по крайней мѣрѣ на три головы. И за что выпала на долю Чернышевскому такая честь? За то высказанное мнѣніе, что „человѣкъ долженъ смотрѣть на все человѣческими глазами“. Но это мнѣніе, въ томъ его видѣ, какой оно имѣетъ у Чернышевскаго, было заимствовано этимъ послѣднимъ у своего учителя философіи—Фейербаха. Такимъ образомъ выходитъ, что Фейербахъ тоже былъ весьма близокъ къ „субъективному методу“ и тоже заслуживаетъ возведенія въ почетный рангъ. Я совѣтую г. Иванову-Разумнику въ слѣдующемъ изданіи своей „Исторіи русской общественной мысли“ прибавить, что предтечей Лаврова и Михайловскаго былъ между прочимъ, и Фейербахъ. А въ четвертомъ изданіи той же исторіи можно будетъ присовокупить, что французскій „г. Вольтеръ“ былъ предтечей русскаго Вольтера-Сумарокова. Тогда у русскаго читателя получится вполне ясное и точное представленіе о ходѣ развитія русской общественной и литературной мысли ¹⁾.

¹⁾ Кстати, неужели г. Ивановъ-Разумникъ воображаетъ, будто кто-нибудь изъ буржуазныхъ экономистовъ отказался бы признать, что цѣль правительства—польза индивидуальнаго лица, что государство существуетъ для блага отдѣльнаго лица и т. д.? Если да, то онъ жестоко ошибается. Каждый изъ этихъ экономистовъ обѣими руками подписался

Излагая взглядъ Чернышевскаго на общину, нашъ авторъ, по своему обыкновению, не замѣчаетъ того, что является наиболѣе достойнымъ замѣчанія въ этомъ взглядѣ. Онъ говоритъ: „Чернышевскій... считалъ возможнымъ, что раньше пролетаризаціи русскаго крестьянства западная Европа дойдетъ до социалистической стадіи развитія, и тогда русская община послужитъ центромъ кристаллизаціи социалистическаго строя въ Россіи. Если мы вспомнимъ, что около того же времени и Марксъ и Энгельсъ предсказывали торжество социализма въ Европѣ еще до наступленія XX вѣка, то точка зрѣнія Чернышевскаго намъ покажется вполне оправдываемой своей эпохой“ (II, 25).

Главная задача всякаго историка общественной мысли заключается не въ томъ, чтобы „оправдать“ того или другого писателя или общественнаго дѣятеля, а въ томъ, чтобы дать читателю правильное представленіе объ его настоящемъ взглядѣ. Но эту-ту задачу и не удается рѣшить г. Иванову-Разумнику.

Статья „Критика философскихъ предубѣжденій противъ общиннаго владѣнія“ доказываетъ, что страны, въ которыхъ сохранилось общинное владѣніе, *могутъ*, минуя фазисъ индивидуальной собственности, сразу перейти въ фазисъ собственности социалистической. И она доказываетъ это поистинѣ блестящимъ образомъ ¹⁾. Но она доказываетъ это именно вообще, въ отвлеченномъ смыслѣ, но не примѣнительно къ Россіи. Что же касается Россіи, то судьба общины въ ней, какъ видно, уже тогда представлялась Чернышевскому совершенно безнадежной. Въ этомъ легко убѣдится всякій, кто дастъ себѣ трудъ прочитать внимательно первыя три страницы знаменитой статьи. Чернышевскій говоритъ тамъ: „Мнѣ совѣстно вспоминать о безвременной самоубѣренности, съ которою поднималъ я вопросъ объ общинномъ вла-

бы подъ этими положеніями. Дѣло было не въ томъ, что буржуазные противники Чернышевскаго не признавали ихъ, —за что нашъ авторъ и долженъ былъ бы поставить ихъ „въ одинъ рядъ съ величайшими представителями индивидуализма“. Дѣло было въ томъ, что буржуазные экономисты отстаивали такой общественный порядокъ, при которомъ эти положенія превращались въ пустую фразу. Вотъ тутъ-то и билъ ихъ Чернышевскій. Но нашъ авторъ и этого „не замѣтилъ“. Въ этомъ случаѣ его, какъ кажется, сблизъ съ толку Спенсеръ со своей теоріей общества-организма.

¹⁾ Небезынтересно отмѣтить вотъ что. Народники и субъективисты всегда находили эту статью Чернышевскаго превосходной, а ея аргументацію безупречной. Но вся аргументація Чернышевскаго опиралась на ту самую триаду Гегеля, надъ которой они не переставали насмѣхаться, не имѣя впрочемъ объ ней ни малѣйшаго понятія. У нихъ всегда было двѣ мѣры, двое вѣсовъ. Вѣдь, они и Маркса готовы были полюбить, услышавъ однимъ ухомъ, что онъ не считалъ себя марксистомъ.

дѣній. Этимъ дѣломъ я сталъ безразсуденъ,—скажу прямо, сталъ глупъ въ своихъ собственныхъ глазахъ“¹⁾. Почему же? Потому ли, что противники обнаружили предъ Чернышевскимъ слабость его аргументаціи? Нѣтъ. „Напротивъ, говоритъ Чернышевскій, со стороны успѣха именно этой защиты я могу признать за своимъ дѣломъ чрезвычайную удачу: слабость аргументовъ, приводимыхъ противниками общиннаго владѣнія, такъ велика, что безъ всякихъ опроверженій съ моей стороны начинаютъ журналы, сначала рѣшительно отвергавшіе общинное владѣніе, одинъ за другимъ дѣлать все больше и больше уступокъ общинному поземельному принципу“²⁾. Въ чемъ же дѣло? А вотъ въ чемъ.

„Какъ ни важенъ представляется мнѣ вопросъ о сохраненіи общиннаго владѣнія, но онъ все-таки составляетъ только одну сторону дѣла, которому принадлежитъ. Какъ высшая гарантія благосостоянія людей, до которыхъ относится, этотъ принципъ получаетъ смыслъ только тогда, когда уже даны другія низшія гарантіи благополучія, нужныя для доставленія его дѣйствию простора“³⁾.

Вотъ этихъ-то низшихъ гарантій и не видѣлъ Чернышевскій въ тогдашней Россіи. Тѣ конкретныя условія, среди которыхъ суждено было развиваться русской общинѣ, были до такой степени неблагоприятны для нея, что невозможно было ожидать ея непосредственного перехода въ высшую фазу общественнаго владѣнія земель. Она становилась вредной для народнаго благосостоянія. А потому нелѣпо было защищать ее. И потому же стыдился Чернышевскій того, что онъ выступилъ на ея защиту.

Отсюда слѣдуетъ, что ссылаясь въ свою пользу на статью „Критика философскихъ предубѣжденій противъ общиннаго владѣнія“ народники и субъективисты не имѣли ни малѣйшаго права. Напротивъ, она должна была бы вызывать въ нихъ довольно непріятныя представленія. Они должны были бы сказать себѣ: если Чернышевскій стыдился самого себя потому, что онъ защищалъ русскую общину въ концѣ 50-хъ годовъ, то кольми паче сталъ бы онъ стыдиться насъ, требующихъ отъ полицейскаго государства „закрѣпленія общины“ въ 70-хъ, 80-хъ и даже 90-хъ годахъ. Задалъ бы онъ намъ, еслибъ жестокая судьба не удалила его съ литературной сцены.

Народники не говорили себѣ этого, такъ какъ они совсѣмъ не были расположены вдумываться въ первыя страницы статьи „Критика философскихъ предубѣжденій“. Не говоритъ этого своему

¹⁾ Соч. Чернышевскаго; т. IV; стр. 304.

²⁾ Тамъ же, стр. 306.

³⁾ Тамъ же, стр. 306.

читателю и г. Ивановъ-Разумникъ, отъ чего, разумѣется, только проигрываетъ его „Исторія русской общественной мысли“. Но тутъ я долженъ оговориться: очень возможно, что я самъ отчасти виноватъ въ промахѣ нашего автора.

Въ своей книгѣ „Наши разногласія“ я писалъ, что Чернышевскій, доказавъ отвлеченную возможность минованія капитализма, не перешелъ отъ алгебры къ арифметикѣ и не анализировалъ тѣхъ конкретныхъ условій, при которыхъ совершается экономическое развитіе Россіи. Дѣлая ему этотъ упрекъ, я ошибался, а ошибался потому, что самъ упустилъ изъ виду первыя страницы его знаменитой статьи. Нѣсколько лѣтъ спустя я замѣтилъ эту ошибку и не разъ исправлялъ ее въ своихъ послѣдующихъ сочиненіяхъ. Но я понимаю, что ошибка, сдѣланная мною въ „Нашихъ разногласіяхъ“, могла ввести въ заблужденіе г. Иванова-Разумника, который въ другомъ мѣстѣ приводитъ эту мою ошибку, принимая ее за правильную оцѣнку взглядовъ Чернышевскаго. Само собой понятно, что г. Ивановъ-Разумникъ сдѣлалъ бы лучше, если бы сослался не только на „Наши разногласія“, а также и на тѣ статьи, въ которыхъ я поправлялъ ошибку, вкрадшуюся въ эту мою книгу. Но... все-таки я могъ ввести его въ искушеніе...

XVI.

Каждому хорошо извѣстно, что всѣ дороги ведутъ въ Римъ, но не каждому и не такъ хорошо извѣстно, что все развитіе русской общественной мысли до Михайловскаго тѣмъ и замѣчательно, что оно подготовляло собой появленіе этого послѣдняго. А между тѣмъ это такъ, если вѣрить г. Иванову-Разумнику.

„Михайловскій, говоритъ онъ, соединилъ въ своемъ міровоззрѣніи всѣ положительныя стороны, и философско-исторической системы Герцена, и социальную-экономическую систему Чернышевскаго... Михайловскій вполне принялъ то положеніе, что часто „національное богатство есть нищета народа“. Что важнѣе—народное благосостояніе или національное богатство? на этотъ вопросъ у Михайловскаго также не могло быть двухъ отвѣтовъ, ибо онъ всецѣло принималъ высказанный еще Чернышевскимъ, а ранѣе его еще Герценомъ и Бѣлинскимъ критерій блага реальной личности. Во главу угла всякаго міровоззрѣнія должны быть положены интересы реальной личности, а не абстрактнаго чловека,—такова была, вслѣдъ за Герценомъ и Чернышевскимъ, основная точка зрѣнія и Михайловскаго. Въ эти старыя формулы Михайловскій внесъ отъ себя два дополненія, и дополненія эти опредѣлили собою все развитіе его міровоззрѣнія. „На-

родъ—это всѣ трудящіеся классы общества“—таково было первое дополнение; второе вытекало изъ первого и гласило, что „интересы личности и интересы труда (т. е. народа) совпадаютъ“ (II, 136).

Но не думайте, что г. Ивановъ-Разумникъ цѣликомъ принимаетъ взгляды Михайловскаго. Нѣтъ, взгляды эти представляются нашему автору „замѣчательнымъ построениемъ русской общественной мысли, вплотную подошедшимъ къ проблемѣ индивидуализма и пытавшимся дать окончательное рѣшеніе этой проблемы“ (II, 122). Но попытка осталась попыткой; она увѣнчалась лишь частнымъ успѣхомъ, и теперь, при свѣтѣ критическаго міросозерцанія г. Иванова-Разумника, намъ становится яснымъ, въ чемъ состояли ошибки Михайловскаго. А уяснивъ себѣ эти ошибки, мы начинаемъ понимать, что, если Бѣлинскій, Герценъ, Чернышевскій, Лавровъ были предтечами Михайловскаго, то Михайловскій въ свою очередь былъ предтечей г. Иванова-Разумника.

Это очень интересно и крайне поучительно. Однако, въ чемъ же, собственно, состояли, по мнѣнію нашего автора, ошибки Михайловскаго?

„Теперь для насъ ясно въ чемъ ошибка Михайловскаго, говорятъ г. Ивановъ-Разумникъ; мы видимъ, что она заключалась въ догматической предпосылкѣ возможности сознательнаго направления хода исторіи въ желательную для насъ сторону; это была неправильная оцѣнка роли высшихъ классовъ и, главнымъ образомъ, интеллигенціи въ ихъ воздѣйствіи на общественную жизнь. Въ семидесятыхъ годахъ ошибка эта прошла незамѣченной; тогда еще не было видно, что „мы“ не можемъ выбирать по нашему желанію благодѣтельные дары цивилизаціи Европы и отбрасывать дары гибельные. Вѣра въ такую возможность была дѣйствительно необоснованной, и въ этомъ ошибка всѣхъ народниковъ, начиная съ Герцена и кончая Михайловскимъ“ (II, 147).

Это поистинѣ золотыя слова! Жаль только, что они такъ поздно подвернулись подъ перо нашего автора. Еслибъ онъ своевременно вспомнилъ, „что мы не можемъ выбирать по нашему желанію благодѣтельные дары цивилизаціи Европы и отбрасывать дары гибельные“, то и предыдущая исторія русской общественной мысли представилась бы ему въ совершенно другомъ свѣтѣ. Такъ, напримѣръ, онъ увидѣлъ бы тогда, что ошибка Герцена была совершенно тождественна ошибкѣ Михайловскаго; увидѣлъ бы и то, что всѣ взгляды Бѣлинскаго, — послѣ разрыва съ „колпакомъ“ Гегеля, — а также во взгляды нашихъ „просвѣтителей“ 60-хъ годовъ входили почти всѣ составные элементы той же ошибки. Наконецъ, еслибъ онъ умѣлъ послѣдовательно держаться

правильной мысли, высказанной имъ въ только что приведенномъ мною отрывкѣ, то и роль русскаго марксизма представилась бы ему въ несравненно болѣе правильномъ видѣ. Впрочемъ, объ этомъ потомъ; теперь же намъ надо вернуться къ ошибкамъ Михайловскаго.

„Интересы народа, интересы труда, говорить, критикуя Михайловскаго, г. Ивановъ-Разумникъ, — абстрактныя, не реальныя понятія; въ своемъ опредѣленіи: „народъ—это трудящіеся классы“, народничество обращало недостаточное вниманіе на послѣднее слово. Интересы различныхъ классовъ трудящагося народа могутъ быть такъ же различны, какъ и интересы націи и народа. Въ девяностыхъ годахъ на этой почвѣ народничество потерпѣло частичное пораженіе отъ русскаго марксизма; въ семидесятыхъ же годахъ эта теорія не вызывала возраженій, тѣмъ болѣе, что она была поддержана цѣлымъ рядомъ другихъ, на первый взглядъ вполне убѣдительныхъ положеній“ (II, 137).

Это тоже очень недурно. А что скажетъ намъ г. Ивановъ-Разумникъ о знаменитой формулѣ прогресса Михайловскаго?

По его мнѣнію, Михайловскій „свою формулу прогресса даетъ независимо отъ дѣйствительнаго хода историческаго прогресса; онъ говоритъ о томъ, что должно считаться прогрессомъ, а не о томъ, чѣмъ онъ является на дѣлѣ“ (II, 154).

А это ужъ совсѣмъ хорошо. Такъ хорошо, что поневолѣ возникаетъ вопросъ: неужели же теоріи всѣхъ выдающихся, а иногда и гениальныхъ людей, служившихъ предтечами Михайловскому, только на то и родились, чтобы привести къ открытію той удивительной формулы прогресса, всю тщету которой такъ удачно разоблачаетъ нашъ авторъ? 1) Что же было замѣчательнаго въ челоѣкѣ, который во второй половинѣ XIX вѣка могъ совершить такъ много грубыхъ ошибокъ? Но дѣло обстоитъ не такъ плохо, какъ это кажется на первый взглядъ. Г. Ивановъ-Разумникъ доказываетъ намъ, что у Михайловскаго есть свои сильныя стороны.

Эти сильныя стороны заключаются въ томъ, что нашъ авторъ называетъ „главной теоретической частью“ воззрѣнія Михайловскаго, „тѣмъ философскимъ фундаментомъ, на которомъ построено все зданіе“. Этотъ фундаментъ можетъ быть обозначенъ однимъ словомъ: субъективизмъ (II, 175).

Тутъ читателю полезно будетъ запомнить, что, по мнѣнію нашего автора, понятіе „субъективизмъ“ ни въ коемъ случаѣ

1) Надо, впрочемъ, сказать, что критика этой формулы почти въ тѣхъ же самыхъ словахъ, которыя употребляются г. Ивановымъ-Разумникомъ, дана была задолго до появленія его труда. Но онъ не нашелъ нужнымъ сказать, кто былъ его „предтечей“ въ этомъ отношеніи.

не покрывается понятіемъ „субъективный методъ“. Онъ говоритъ: подъ „субъективнымъ методомъ“ часто понимаютъ нѣчто вполне узкое и не охватывающее всю сущность субъективизма; здѣсь много вредитъ само невѣрное словосочетаніе „субъективный методъ“. Конечно, никакого субъективнаго метода нѣтъ и быть не можетъ; Михайловскій сначала пытался отстоять такую терминологию... но въ послѣдствіи согласился, что „субъективный методъ“ есть не столько методъ сколько пріемъ; субъективизмъ же и не методъ, и не пріемъ, а доктрина, вполне определенное социологическое воззрѣніе, и не только социологическое, но и гносеологическое, и психологическое, и этическое; субъективизмъ есть этико-социологическій индивидуализмъ“ (II, 179, 180).

Пусть будетъ такъ. Но въ чемъ же заключается главная отличительная черта субъективизма, или, по терминологіи нашего автора, этико-социологическаго индивидуализма? „Субъективизмъ, отвѣчаетъ г. Ивановъ-Разумникъ, есть признаніе телеологизма въ социологіи“¹⁾.

Чтобъ у читателя не осталось никакого сомнѣнія насчетъ того, что надо понимать подъ телеологизмомъ въ социологіи, мы опять предоставимъ слово г. Иванову-Разумнику.

„Такимъ образомъ,—поясняетъ онъ, отчасти своими собственными словами, а отчасти словами Михайловскаго,—социологія есть наука, не только открывающая объективно-необходимые законы, но и нормирующая ихъ; не только нормирующая ихъ, но и вырабатывающая общую цѣль своего движенія. Отсюда и ярко телеологическая формула Михайловскаго, и его рѣшительное заявленіе: „социологія должна начать съ нѣкоторой утопіи“... Эта „утопія“—тотъ идеалъ, которой неизбежно сопутствуетъ каждому социологу; въ выборѣ этого идеала и заключается субъективизмъ. „Социологъ... долженъ прямо сказать, — заявляетъ Михайловскій: — желаю познавать отношенія, существующія между обществомъ и его членами, но кромѣ познанія я желаю еще осуществленія такихъ-то и такихъ-то моихъ идеаловъ“... Въ данномъ случаѣ „познаніе отношеній“ является объективной частью социологіи, а идеалы, стоящіе въ концѣ пути, вырабатываются субъективной точкой зрѣнія; другими словами, субъективизмъ даетъ возможность критическаго отбора, „утопій“ и идеаловъ, причемъ критеріемъ для выбора является у Михайловскаго двудеинный критерій блага реальной личности и народа“ (II, 179).

Телеологіи г. Ивановъ-Разумникъ придаетъ огромное значе-

¹⁾ Курсивъ г. Иванова-Разумника.

ніе. По его словамъ „неизбѣжность ея въ социологіи¹⁾—это та идея, которую Михайловскій завѣщалъ русской интеллигенціи и которая пробила себѣ дорогу даже черезъ враждебное мировоззрѣніе девяностыхъ годовъ“ (II, 181).

Теперь мы знаемъ, въ чемъ заключается наиболѣе сильная сторона мировоззрѣнія Михайловскаго, устоявшая даже предъ критикой марксистовъ. Она сводится къ „телеологизму въ социологіи“. Поэтому намъ остается поближе присмотрѣться къ „телеологизму“.

Только что сдѣланныя мною длинныя выписки даютъ намъ достаточно матеріала для сужденія о немъ.

Социологъ желаетъ познавать отношенія, существующія между обществомъ и его членами, но, кромѣ познанія, онъ желаетъ осуществленія такихъ-то и такихъ-то своихъ идеаловъ. Такъ говорилъ Михайловскій, котораго совершенно одобряетъ въ этомъ случаѣ г. Ивановъ-Разумникъ. И то, что говоритъ здѣсь Михайловскій, конечно, совершенно справедливо: между социологами, въ самомъ дѣлѣ, не мало такихъ людей, которые, кромѣ познанія того, что есть, стремятся еще къ осуществленію того, что по ихъ мнѣнію должно быть. Но кто же противъ этого спорить? И развѣ же въ этомъ заключается спорный вопросъ? Онъ заключается въ томъ, какъ относятся субъективныя стремленія даннаго социолога къ объективному ходу общественнаго развитія. Марксисты, насмѣхавшіеся надъ субъективизмомъ Михайловскаго, утверждали, что противоположеніе субъективныхъ стремленій „социологовъ“ объективному ходу общественнаго развитія просто на просто нелѣпо, потому что первыя обуславливаются вторыми. И этого довода марксистовъ не удалось опровергнуть ни самому Михайловскому, ни г. Иванову-Разумнику, ополчившемуся теперь въ защиту субъективизма.

Тутъ опять приходится напомнить,—нѣсколько измѣняя его съ внѣшней стороны,—то возраженіе, которое Марксъ еще въ 40-хъ годахъ дѣлалъ утопистамъ: или субъективныя стремленія социологовъ противорѣчатъ объективному ходу общественнаго развитія, и тогда такому социологу не суждено видѣть свои стремленія осуществленными; или же его субъективныя стремленія опираются на объективный ходъ общественнаго развитія и выражаютъ его собой, и тогда социологу нѣтъ ни малѣйшей надобности становиться на особую субъективную точку зрѣнія по той простой причинѣ, что тогда субъективное совпадаетъ съ объективнымъ.

Субъективизмъ Михайловскаго самымъ существованіемъ сво-

¹⁾ Курсивъ г. Иванова-Разумника.

имъ доказывалъ, что Михайловскій,—какъ и вся вообще наша передовая интеллигенція 70-хъ годовъ,—не умѣлъ связать субъективное съ объективнымъ, не умѣлъ открыть тѣ внутреннія противорѣчія современной ему русской дѣйствительности, дальнѣйшее развитіе которыхъ должно было привести къ торжеству социалистическаго идеала. Другими словами, нашъ субъективизмъ 70-хъ годовъ вызванъ былъ къ жизни тѣмъ простымъ обстоятельствомъ, что нашей тогдашней интеллигенціи не удалось,—какъ не удалось когда-то Бѣлинскому,—„развить идею отрицанія“, т. е. показать, что неприглядная русская дѣйствительность отрицаетъ сама себя процессомъ своего собственного внутренняго развитія. Тутъ сказывалось все то же роковое неумѣнье *мысли* разрѣшить загадку *жизни*. Но въ 70-ые годы это неумѣнье приняло уже другой,—можно сказать,—непростительный видъ. Бѣлинскій, не сумѣвшій разрѣшить загадку, понималъ однако, что она находится на лицо, и пережилъ мучительную душевную драму оттого, что ему не удалось справиться съ ней. Интеллигенція же 70-хъ годовъ,—Лавровъ, Михайловскій и ихъ единомышленники,—даже и не подозревали самаго существованія страшной загадки, „объясняя“ пережитыя Бѣлинскимъ тяжелыя страданія вреднымъ вліяніемъ философскаго „компака“ Гегеля. Въ лицѣ Лаврова и Михайловскаго уровень теоретической требовательности нашей „интеллигентной“ мысли страшно понизился сравнительно съ началомъ 40-хъ годовъ¹⁾. Субъективизмъ явился знаменемъ этого страшнаго пониженія. Вотъ почему всякій понимающій дѣло человѣкъ только разсмѣется, услышавъ отъ г. Иванова-Разумника, что Бѣлинскій былъ предтечей Михайловскаго. Гдѣ же это видано, чтобъ предтеча былъ несравненно выше того, кому онъ призванъ былъ „приготовить путь“?

Русская общественная мысль, конечно, развивалась не безъ огромнаго вліянія западно-европейской, хотя нашъ авторъ и не съ умѣлъ оцѣнить это вліяніе²⁾. Бѣлинскій, а въ особенности Чернышевскій, пришелъ въ концѣ концовъ къ Фейербаху. А Лавровъ,—который въ разговорахъ со мной не разъ и, конечно, не

¹⁾ Интересно, что съ этимъ упадкомъ уровня совпадаетъ усиленіе вліянія Канта (черезъ посредство Лаврова) на русскую теоретическую мысль.

²⁾ Мы уже знаемъ, какъ плохо знакомъ онъ съ исторіей западно-европейскаго социализма и политической экономіи. Какъ на примѣръ, показывающій величину его свѣдѣній по исторіи философіи и литературы, сошлюсь на его слова о томъ, что Пушкинъ въ періодъ своего байронизма увлекался атеизмомъ „въ качествѣ вѣрнаго ученика Вольтера (I, 139). Я надѣюсь, что теперь у насъ даже многіе „приготовишки“ знаютъ, какъ рѣшительно боролся Вольтеръ съ атеизмомъ въ теченіе всей своей жизни. Замѣчательный „историкъ“ г. Ивановъ-Разумникъ.

безъ основанія называлъ Михайловскаго самымъ талантливымъ своимъ ученикомъ,—въ своемъ пониманіи исторіи цѣликомъ держался точки зрѣнія Бруно Бауера. Его извѣстная формула: культура перерабатывается критической мыслью, представляетъ собой лишь краткую формулировку ученія Б. Бауера о борьбѣ критическаго духа съ неразумной дѣйствительностью. Я сказалъ, что Фейербахъ тоже держался идеалистическаго взгляда на исторію. Но все относительно. Во взглядѣ Фейербаха были по крайней мѣрѣ хоть нѣкоторые зародыши матеріалистическаго объясненія исторіи,—а во взглядѣ Бруно Бауера совсѣмъ не было и зародышей. Этотъ взглядъ можно назвать послѣдовательнымъ субъективнымъ идеализмомъ въ его примѣненіи къ процессу историческаго развитія. Разъ утвердившись на точкѣ зрѣнія субъективнаго идеализма, разумѣется, не трудно было прійти къ „субъективной социологіи“: вѣдь, это одно и то же только подъ разными соусами. Не удивительно поэтому, что столь хвалимый г. Ивановымъ-Разумникомъ субъективизмъ Михайловскаго приводилъ его, напримѣръ, къ такимъ разсужденіямъ: современный экономическій порядокъ въ Европѣ началъ складываться еще тогда, когда наука, завѣдующая этимъ... кругомъ явленій, не существовала, а у насъ вопросъ о капитализмѣ возникаетъ въ такое время, когда эта наука существуетъ, и потому „мы“ можемъ завести другой экономическій порядокъ. Это самый чистокровный и самый плоскій утопизмъ, тотъ самый утопизмъ, который у г. Иванова-Разумника называется, какъ мы видѣли, ошибкой Михайловскаго, заключающейся „въ догматической предпосылкѣ возможности сознательнаго направленія хода исторіи въ желательную для насъ сторону“ (см. выше). И нужно быть г. Ивановымъ-Разумникомъ для того, чтобы, правильно указавъ эту *ошибку*, превратить ее, нѣсколькими страницами ниже, въ теоретическую *заслугу*, окрестивъ эту мнимую заслугу именемъ субъективизма.

Надо замѣтить, впрочемъ, что въ трудѣ нашего автора можно найти не мало подобныхъ превращеній. Вотъ другой примѣръ. Мы уже видѣли, что, по его мнѣнію, Михайловскій не имѣлъ права говорить объ интересахъ труда вообще, такъ какъ интересы различныхъ классовъ трудящагося народа могутъ радикально расходиться между собой. И мы нашли, что это правильно. Но вотъ потрудитесь теперь прочесть нижеслѣдующій отрывокъ г. Иванова-Разумника о нашемъ самоновѣйшемъ народничествѣ, народничествѣ г. В. Чернова съ братіей:

„Возставая противъ чрезмѣрно узкаго пониманія ортодоксальнымъ марксизмомъ принципа классовой борьбы, современное народничество доказываетъ, что интересы городского пролетаріата тѣсно связаны съ интересами трудового крестьянства (В. Чер-

новъ. „Крестьянинъ и рабочій, какъ экономич. категор.“). Однимъ словомъ, хотя народничество и не принимаетъ „народъ“ за одно цѣлое, но оно попрежнему принимаетъ „интересы труда“ за единицу, понимая ихъ въ широкомъ смыслѣ. Правда, въ одно и то же время горшечникъ молить Бога о ведрѣ, а пахарь—о дождѣ¹⁾, но это слишкомъ узкое толкованіе „интересовъ труда“; при широкомъ ихъ толкованіи интересы трудового крестьянина, фабричнаго рабочаго и „мыслящаго пролетаріата“ могутъ оказаться лежащими въ одной плоскости. Народничество принимаетъ, такимъ образомъ, принципъ классовой борьбы, но пытается широко раздвинуть его предѣлы“. (II, 515).

Непосредственно за этими строками нашъ авторъ расписывается въ своей симпатіи къ этому народничеству, возродившемуся „въ преддверіи 20-го вѣка,—но тутъ я считаю себя обязаннымъ выступить на защиту покойнаго Михайловскаго. Гдѣ же справедливость, спрошу я г. Иванова-Разумника? Развѣ не утверждалъ Михайловскій, можно сказать, каждой буквой тѣхъ своихъ статей, въ которыхъ шла рѣчь о социальномъ вопросѣ, что „при широкомъ ихъ толкованіи интересы трудового крестьянина, фабричнаго рабочаго и „мыслящаго пролетаріа“ могутъ оказаться лежащими въ одной плоскости“. Съ Михайловскимъ можно согласиться; съ нимъ можно разойтись. Я, какъ извѣстно, очень сильно разошелся съ нимъ въ свое время; но я, рѣшительный его противникъ, не могу не замѣтить, что несправедливо съ „этической“ точки зрѣнія и безусловно нелѣпо съ *логической*,—вмѣнять Михайловскому въ ошибку то, что ставится въ заслугу народничеству, благополучно возродившемуся „въ преддверіи 20-го вѣка“. Поступая такъ, г. Ивановъ-Разумникъ сильно грѣшитъ противъ „правды-истины“ и противъ „правды-справедливости“.

Замѣйте при этомъ, какъ удивительно разсуждаетъ онъ, совершая свой тяжкій грѣхъ противъ „двуединой правды“. Интересы трудового крестьянина, фабричнаго рабочаго и „мыслящаго пролетаріа“ могутъ оказаться лежащими въ одной плоскости. Хорошо, допустимъ, что могутъ. Но когда? „При широкомъ ихъ толкованіи“. Дѣло, стало-быть, не въ томъ, каковы эти интересы сами по себѣ и каковъ долженъ быть ходъ ихъ дальнѣйшаго развитія, а въ томъ, какое они получаютъ толкованіе (отъ кого? не отъ г. ли В. Чернова?), узкое или широкое. Дѣло не въ жизни, а въ мысли (въ г. В. Черновѣ), не въ бытіи, а въ сознаніи. Это

¹⁾ Да развѣ же горшечникъ и пахарь непременно принадлежатъ къ двумъ различнымъ классамъ? Все то вы путаете, г. Ивановъ-Разумникъ! Г. П.

достойно самаго чистокровнаго и самаго вульгарнаго утописта. И при видѣ этого чистокровнаго и вульгарнаго утопизма, я спрашиваю себя, не слишкомъ ли строго обошелся нашъ авторъ съ формулой прогресса Михайловскаго? Вѣдь, она тоже грѣшила только утопизмомъ.

Г. Ивановъ-Разумникъ хотѣлъ критиковать Михайловскаго, но для того, чтобы критиковать того или другого автора, нужно глубже, нежели онъ, проникнуть въ смыслъ тѣхъ явленій, которыя онъ изучалъ или объяснял. А этого не было дано г. Иванову-Разумнику. Поэтому онъ могъ только перепутать то, что было и безъ того запутано въ утопическихъ построеніяхъ Михайловскаго. Само собой понятно, что, располагая лишь такими данными, нельзя написать сколько-нибудь удовлетворительную исторію русской общественной мысли.

Идемъ дальше. „Когда четверть вѣка спустя, въ срединѣ девяностыхъ годовъ, Плехановъ усиленно доказывалъ Михайловскому возможность существованія „объективныхъ“ истинъ въ социологіи и экономикѣ и находилъ, что „нраву моему не препятствуй“—ultima ratio субъективизма, то онъ сражался съ вѣтранными мельницами своего воображенія и показывалъ плохое знакомство съ теоріями жестоко критикуемаго автора... Михайловскій всегда самъ настаивалъ на существованіи „объективныхъ“ истинъ въ социологіи, что нисколько не противорѣчитъ его „субъективному“ отношенію къ нимъ; въ своей полемикѣ противъ Южакова... онъ, вполне согласно съ истиной, заявлялъ, что „снимать съ социолога узду общеобязательныхъ логическихъ формъ мышленія я никогда не думалъ, а напротивъ всегда предлагалъ надѣть ее“... Этому не противорѣчитъ возможность субъективной оцѣнки истины, добытой объективнымъ путемъ“ (II, 177).

Дѣлая мнѣ это возраженіе, г. Ивановъ-Разумникъ снова,—въ который разъ,—показываетъ, что онъ просто не понялъ, о чемъ я спорилъ съ Михайловскимъ.

Что Михайловскій признавалъ существованіе объективныхъ истинъ въ социологіи, это было мнѣ хорошо извѣстно. Но дѣло совсѣмъ не въ этомъ. Выше, въ главѣ о Бѣлинскомъ, я уже сказалъ, что существованіе такихъ истинъ признавали рѣшительно всѣ социалисты-утописты. Однако это не мѣшало имъ быть *утопистами*. А утопистами они были потому, что воображали будто отъ нихъ зависитъ перестроить общество согласно открытымъ имъ объективнымъ истинамъ. Чтобы принудить, наконецъ, г. Иванова-Разумника къ пониманію того, что я говорю, я напому ему, въ чемъ видѣлъ онъ,—правда не долго,—ошибку Михайловскаго. Она состояла, по его словамъ, „въ догматической предпосылкѣ возможности сознательнаго направленія хода исторіи въ жела-

тельную для насъ сторону, въ непониманіи того, что мы „не можемъ выбирать по нашему желанію благодѣтельные дары цивилизаціи Европы и отметить дары гибельные“. Но не трудно понять, что человекъ, воображающій, будто онъ можетъ по своему желанію выбирать благодѣтельные дары и отметить дары гибельные, и являющійся поэтому самымъ типичнымъ утопистомъ, не только можетъ, но необходимо долженъ признавать существованіе извѣстныхъ объективныхъ истинъ въ социологіи. Какихъ же истинъ? Да именно тѣхъ, во имя которыхъ онъ отмечаетъ гибельные дары и выбираетъ благодѣтельные. Ошибка такого человека заключается не въ отрицаніи подобныхъ истинъ, а въ непониманіи того, что общество,—точнѣе сказать, передовой общественный классъ даннаго времени,—одобрить его выборъ и будетъ руководиться имъ только въ томъ случаѣ, когда выборъ этотъ самъ будетъ не чѣмъ инымъ, какъ субъективнымъ выраженіемъ объективнаго хода общественнаго развитія. Другими словами, ошибка субъективизма,—какъ и всякаго утопизма вообще,—заключается въ томъ, что онъ, смотря на сознательную дѣятельность людей какъ на *причину* общественнаго развитія, не понимаетъ того, что, прежде чѣмъ стать его *причиной*, дѣятельность эта по необходимости должна явиться его слѣдствіемъ. Вотъ въ какой ошибкѣ я упрекалъ Михайловскаго, и вотъ какой упрекъ остался недоступнымъ пониманію г. Иванова-Разумника.

Когда г. Разумникъ твердитъ теперь мнѣ, что Михайловскій признавалъ существованіе объективныхъ истинъ въ социологіи, то это приводитъ мнѣ на память рассказъ о томъ спиритѣ, который съ негодованіемъ восклицалъ: вотъ говорятъ, что мы безъ критики относимся къ изучаемымъ нами спиритическимъ явленіямъ, а это совсѣмъ несправедливо; иной разъ явится духъ какого-нибудь отставнаго солдата и увѣряетъ, что онъ духъ Платона или Аристотеля. Что жъ вы думаете? мы такъ ему и вѣримъ! Нѣтъ, ты докажи, что ты Платонъ, ты докажи, что ты Аристотель. Какой же вамъ еще критики?

Въ концѣ концовъ г. Ивановъ-Разумникъ въ качествѣ человека, не слѣдующаго рабски ни за однимъ изъ своихъ предшественниковъ, вноситъ въ индивидуализмъ Михайловскаго *поправку*. Сущность этой поправки сводится къ тому, что, если Михайловскій требовалъ отъ личности широты, то онъ, г. Ивановъ-Разумникъ требуетъ отъ нея, кромѣ того, еще и глубины. И это съ полнымъ сознаніемъ важности своего великаго теоретическаго открытія. Вѣдь, вотъ какой забавникъ! „Создавъ Господь, тай ни засмѣялся“.

Теперь потолкуемъ о политикѣ.

Г. Ивановъ-Разумникъ повѣствуетъ, что „народовольцы вообще,

а Михайловскій въ частности, еще въ серединѣ семидесятыхъ годовъ твердо установили положеніе о необходимости синтеза „соціализма“ и „политики“. Впослѣдствіи русскіе марксисты девяностыхъ годовъ отождествили социальное съ политическимъ своимъ заявленіемъ, что „всякая классовая борьба есть борьба политическая“; это было выраженіемъ въ новой формѣ стараго народо-во-льческаго положенія—„къ социальному черезъ политическое!“—положенія, на которомъ нѣкогда строилъ свою теорію и замѣчательнѣйшій изъ декабристовъ, Пестель“. (II, 111.).

Мысль о томъ, что всякая классовая борьба есть борьба политическая, принадлежитъ, какъ извѣстно, Марксу. Никакого отождествленія „соціального съ политическимъ“ эта мысль собой не означала ни у самого Маркса, ни у тѣхъ людей, которые стали распространять его мысли въ русской литературѣ. Правда, въ 90-ыхъ годахъ, нѣкоторая часть нашихъ марксистовъ,—такъ называемые экономисты,—дѣйствительно отождествляли „соціальное“ (вѣрнѣе: экономическое) съ „политическимъ“, и это была большая ошибка. Но эта ошибка тогда же встрѣтила энергичный отпоръ со стороны другой части русскихъ марксистовъ, къ которой принадлежалъ, между прочимъ, и пишущій эти строки. Поэтому несправедливо и недостойно историка русской общественной мысли валить эту ошибку на всѣхъ вообще русскихъ марксистовъ 90-ыхъ годовъ. Но это мимоходомъ, главное же въ томъ, чтобы понять характеръ того „синтеза социализма и политики“, къ которому пришелъ Михайловскій. Въ высшей степени цѣнный матеріалъ для сужденія объ этомъ „синтезѣ“ даетъ статья Н. Я. Николадзе „Освобожденіе Н. Г. Чернышевскаго“, напечатанная въ октябрьской книжкѣ „Былого“ за 1906 годъ. Н. Я. Николадзе рассказываетъ въ ней, что, когда,—во время извѣстныхъ теперь переговоровъ, предшествовавшихъ этому освобожденію,—онъ заговорилъ съ Михайловскимъ о нѣкоторыхъ политическихъ требованіяхъ, то получилъ въ отвѣтъ, что „теперь настроеніе партіи менѣе приподнятое, и она увѣрилась, что политическія реформы поведутъ къ упроченію во власти не народолюбцевъ, а только буржуазіи, что составитъ не прогрессъ, а регрессъ“. Нечего сказать, превосходный „синтезъ социализма и политики“. Нужно только прибавить, что этотъ превосходный „синтезъ“ былъ по своему существу не временнымъ только, а постояннымъ настроеніемъ партіи „Н. В.“ Такъ, еще передовая статья № 2 газеты „Народная Воля“ силилась доказать, что народъ ничего не выигралъ бы, а очень много потерялъ бы отъ такого измѣненія устраненія стараго порядка, при которомъ политическая власть попала бы не въ его руки, а въ руки буржуазіи.

Бакунинъ, а съ нимъ и народники семидесятыхъ годовъ,

слѣдую Прудону, отрицали всякую политику. Народовольцы пришли къ тому убѣжденію, что безъ „политики“ обойтись невозможно. Но такъ какъ они не въ состояніи были теоретически справиться съ Бакунинымъ и народничествомъ, то они признали политику лишь, какъ неизбежное зло, и лишь въ той мѣрѣ, въ какой политическій переворотъ совпалъ бы съ социальнымъ. Отсюда логически выросла ихъ теорія „захвата власти“. Когда исчезла у нихъ вѣра въ возможность такого захвата, они опять стали опасаться политическихъ реформъ. Этимъ объясняется, какъ то, что Михайловскій сказалъ Николадзе о переимѣнн строеніи партіи, такъ и то, что онъ въ разговорѣ съ нимъ же высказался противъ конституціи. Что Михайловскій и прежде склоненъ былъ къ Бакунинскому „синтезу“ насчетъ политики, показываютъ слѣдующія, обращенныя къ Достоевскому, слова его по поводу романа „Бѣсы“:

„Вы смѣтаетесь надъ нелѣпымъ Шигалевымъ и несчастнымъ Виргинскимъ за ихъ мысли о предпочтительности социальныхъ реформъ предъ политическими. Это характерная для насъ мысль, и знаете-ли, что она значитъ? Для „общечеловѣка“, для citoyen'a для человѣка, вкусившаго плодовъ общечеловѣческаго древа познанія добра и зла, не можетъ быть ничего соблазнительнѣе свободы политической, свободы совѣсти, слова устнаго и печатнаго, свободы обмѣна мыслей (политическихъ сходовъ) и проч. И мы желаемъ этого, конечно. Но если всѣ связанныя съ этой свободой права должны только протянуть для насъ роль яркаго и ароматнаго цвѣта, — мы не хотимъ этихъ правъ и этой свободы! Да будутъ они прокляты, если они не только не дадутъ намъ возможности разсчитаться съ долгами, но еще увеличатъ ихъ!“¹⁾

Этотъ „синтезъ“ такъ хорошъ, что теперь рѣшительно не стоитъ вдаваться въ его критику. Достаточно сказать одно: Михайловскій, уже значительно позже, — въ „Литературныхъ замѣткахъ“ 80-хъ годовъ, — съ гордостью вспоминалъ этотъ свой „синтезъ“ и снова формулировалъ его такъ: „свобода великая и соблазнительная вещь, но мы не хотимъ свободы, если она, какъ было въ Европѣ, только увеличить нашъ вѣковой долгъ народу... Я твердо знаю, что (сказавъ это Г. П.) выразилъ одну изъ интимнѣйшихъ и задушевнѣйшихъ идей нашего времени“.

Въ интересахъ справедливости надо замѣтить, что и западно-европейскіе социалисты-утописты не умѣли найти синтезъ между „социальнымъ“ и „политическимъ“. Такой синтезъ былъ найденъ только Марксомъ, благодаря тому, что онъ покинулъ точку зрѣнія утопій.

¹⁾ Соч. Михайловскаго. Т. II, стр. 306 СПб. 1888. Изд. 2-е.

XVII.

Теперь мы очень хорошо знаемъ г. Иванова-Разумника. Въ виду этого читатель не удивится, если я скажу ему, что у меня очень мало охоты защищать марксизмъ отъ той „критики“, съ которой подступаетъ къ нему нашъ историкъ. Но не могу я и совсѣмъ обойти эту „критику“. Поэтому давайте слушать, читатель, подавивъ невольный вздохъ нетерпѣнья и скуки.

Г. Ивановъ-Разумникъ говоритъ: „ортодоксальный марксизмъ въ началѣ девяностыхъ годовъ съ юношеской нетерпимостью проповѣдывалъ экспропріацію мелкаго земельного собственника, радовался этому „исторически-необходимому“ процессу и воспѣвалъ деревенскаго кабатчика и кулака, какъ „высшій типъ человѣческой личности“ (Плехановъ, Струве)“... (II, 511).

Нашъ безпристрастный „историкъ“ повторяетъ здѣсь тотъ нелѣпый упрекъ, съ которымъ выступилъ противъ насъ покойный С. Н. Кривенко. Въ свое время этотъ упрекъ вызвалъ съ моей стороны не мало насмѣшекъ по адресу нашего почтеннаго противника. Теперь я отнесусь къ нему совершенно спокойно, рассматривая его просто, какъ человѣческій документъ, характеризующій „историческіе“ приемы г. Иванова-Разумника. Нѣтъ никакой нужды говорить, что ни мнѣ, ни г. Струве не приходило въ голову „воспѣвать“ кабатчиковъ и проповѣдывать экспропріацію мелкаго земельного собственника. Но мнѣ, и, помнится, г. Струве, приходилось, говоря о произведеніяхъ нашихъ беллетристовъ-народниковъ, обращать свое вниманіе на то обстоятельство, много разъ отмѣченное въ этихъ произведеніяхъ самими яркими красками, что кулакъ является подчасъ наиболѣе выдающейся личностью деревни. Нашъ „индивидуалистъ“ считаетъ, повидимому, эту мысль большимъ преступленіемъ. Но если онъ и правъ, — чего я не думаю, — то судить за это преступленіе надо не меня и не г. Струве, а именно нашихъ беллетристовъ-народниковъ.

Пойдемъ дальше. Г. Ивановъ-Разумникъ замѣчаетъ, что у него нѣтъ возможности заниматься подробнымъ изложеніемъ ученія ортодоксальнаго русскаго марксизма, но онъ забылъ прибавить, что для возмѣщенія этого недостатка онъ занялся весьма старательнымъ искаженіемъ не только русскаго, но и западно-европейскаго марксизма. Такъ, еще въ I томѣ своей „исторіи“ (стр. 297-ая) онъ приписываетъ русскимъ марксистамъ теорію „экономической выгоды, какъ *primi motoris* историческаго процесса“. Еще въ своей книгѣ „Къ вопросу о развитіи монастическаго взгляда на исторію“ я, возражая г. Карѣву, подробно

показалъ, какъ много вульгарности нужно для того, чтобъ смѣшивать понятіе выгоды съ понятіемъ экономическихъ отношеній, развитіемъ которыхъ обуславливается, согласно ученію историческаго матеріализма, развитіе человѣческихъ понятій и чувствъ. Въ той же книгѣ я показалъ также, что къ числу тѣхъ чувствъ, развитіе которыхъ обуславливается развитіемъ экономическихъ отношеній, принадлежатъ не только, такъ называемыя, эгоистическія чувства людей, но также ихъ наиболѣе самоотверженныя чувства. И, если г. Ивановъ-Разумникъ приписываетъ намъ теперь, — 13 лѣтъ спустя послѣ появленія моей книги, — ученіе о „выгодѣ“, какъ первомъ двигателѣ историческаго процесса, то это показываетъ только, какъ мало подготовился онъ къ своей роли историка русской общественной мысли.

Г. Ивановъ-Разумникъ утверждаетъ, будто русскіе социал-демократы 80-ыхъ и 90-ыхъ годовъ доказывали „(вслѣдъ за Бѣлинскимъ), что политическая свобода въ Россіи будетъ достигнута только вмѣстѣ съ народженіемъ сильной и сплоченной буржуазіи“ (II, 121). По своему обыкновению, онъ и тутъ излагаетъ дѣло не такъ, какъ оно было.

Мысль Бѣлинскаго о томъ, что Россію спасетъ только буржуазія, казалась русскимъ ученикамъ Маркса въ высшей степени замѣчательною, какъ мысль, доказывающая, что неистовый Виссаріонъ снова, — и уже значительно лучше подготовившись къ этому, нежели въ началѣ 40-ыхъ годовъ, — склонился къ разрыву съ утопическимъ социализмомъ. Но какъ люди, знакомые съ теоріей Маркса, они ужъ не могли довольствоваться такимъ неопредѣленнымъ заявленіемъ насчетъ буржуазіи. Они анализировали русскія экономическія отношенія и утверждали, что только развитіе этихъ отношеній приведетъ къ измѣненію стараго порядка. Это ихъ пророчество блестяще подтвердилось исторіей, — не той, которую написалъ г. Ивановъ-Разумникъ, а той, которая имѣла мѣсто въ дѣйствительности. Предсказывая опредѣленный ходъ развитія нашихъ экономическихъ отношеній, они, разумѣется, понимали и не скрывали ни отъ себя, ни отъ другихъ, что это развитіе выдвинетъ на нашу историческую сцену два новыхъ класса: буржуазію и пролетаріатъ. Но они рѣшительно никогда не говорили, — какъ это говорить за нихъ нашъ „историкъ“ на стр. 128-ой II-ого тома, — что рѣшающей силой на исторической аренѣ станетъ буржуазія. Напротивъ, они утверждали, что такой силой будетъ пролетаріатъ. Еслибы г. Ивановъ-Разумникъ былъ лучше подготовленъ къ своей роли историка русской общественной мысли, то онъ зналъ бы, что это ихъ убѣжденіе выражалось ими не только въ сочиненіяхъ, написанныхъ ими для русской публики, но и въ тѣхъ ихъ заявленіяхъ,

съ которыми они обращались къ своимъ западно-европейскимъ единомышленникамъ. Такъ оно было выражено въ іюлѣ 1889 г., въ Парижѣ, можно сказать, предъ лицомъ всего цивилизованнаго міра, по одному довольно торжественному поводу. Но какое до всего этого дѣло нашему „историку“? Онъ выработалъ себѣ свой особый „субъективный методъ“, который позволяетъ ему со спокойной совѣстью изображать не ту „правду“, которая была, а ту, которая, по его мнѣнію, должна была быть.

Вотъ еще одинъ интересный образчикъ примѣненія имъ своего „субъективнаго метода“.

„Въ еще болѣе щекотливое положеніе, говоритъ онъ, поставили сами себя марксисты въ вопросѣ объ отношеніи своемъ къ росту буржуазіи и къ экспроприаціи мелкаго производителя. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что, при стремленіи къ строгой послѣдовательности, марксизмъ долженъ былъ избавиться отъ двойственности своего отношенія къ экспроприрующимъ и экспроприруемымъ. А между тѣмъ даже Бельтовъ - Плехановъ боится взглянуть въ глаза вопросу: на чью сторону стать марксизму — на сторону экспроприатора — кулака, или экспроприруемаго крестьянина? Бельтовъ полагаетъ, что можно и невинность соблюсти, и капиталъ приобрести: съ одной стороны, надо стараться мѣшать обезземеленію крестьянъ; но это, съ другой стороны, нисколько не задержать фатальнаго процесса разложенія общины и дифференціаціи классовъ, „напротивъ, даже ускорить его“ („Монист. взглядъ на исторію“, 1895 г.; стр. 261). Иными словами, надо удовлетворять свое добросердечіе и стараться препятствовать тяжелому процессу экспроприаціи, зная заранѣе, что это не только не остановить, но даже ускорить процессъ разложенія. Это очень утѣшительно, хотя и недостаточно логично“. (II, 360).

Я вижу, что г. Ивановъ-Разумникъ понялъ меня до послѣдней степени плохо. Но я не виноватъ въ этомъ, пусть судитъ читатель.

Я говорилъ: „единственное дѣйствительное стремленіе общины — это *стремленіе къ разложенію*, и чѣмъ лучше было бы положеніе крестьянства, тѣмъ скорѣе разложилась бы община. Кромѣ того, разложеніе можетъ произойти при условіяхъ, *болѣе или менѣе выгодныхъ для народа*. „Ученики“ должны „стараться“ о томъ, чтобы оно совершалось при условіяхъ, *наиболѣе для него выгодныхъ*“ 1).

Я смѣю думать, что это, во-первыхъ, достаточно логично, а во-вторыхъ, достаточно популярно для того, чтобъ меня понялъ

1) „Къ вопросу и т. д. Изд. 2 СПб. 1905; стр. 226. Цитирую это изданіе, не имѣя подъ рукой I-го изданія. Но интересующее насъ мѣсто во всѣхъ послѣдующихъ изданіяхъ перепечатывалось безъ перемѣнъ.

даже г. Ивановъ-Разумникъ. Но я вижу, что рядомъ съ этими строками у меня есть строки, можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ недоступныя пониманію нашего „историка“. Я сейчасъ приведу и объясню ихъ ему, будучи готовъ придти на помощь своему ближнему.

Возражая на ту геніальную мысль С. Н. Кривенко, что мы должны бы стать кабатчиками, еслибъ хотѣли быть логичны,—мы уже знаемъ, что эта геніальная мысль произвела чрезвычайно сильное впечатлѣніе на геніальнаго г. Иванова-Разумника,—я утверждалъ, что мы въ деревнѣ, напротивъ, всегда станемъ на сторону деревенскихъ бѣдняковъ. Прекрасно понимая, что это мое заявленіе должно сильно удивить моего противника, я изобразилъ его возможныя возраженія и мои необходимые отвѣты на нихъ въ видѣ слѣдующаго діалога.

„Но если онъ захочетъ стать на ихъ сторону (т. е. на сторону бѣдняковъ), онъ долженъ будетъ стараться мѣшать ихъ обезземеленію? — Ну, положимъ, долженъ стараться.—А это замедлитъ развитіе капитализма.—Нисколько не замедлитъ. Напротивъ, даже ускоритъ его. Гг. субъективистамъ все кажется, что община „сама собой“ стремится придти въ какую-то «высшую форму». Они заблуждаются“¹⁾.

И они въ самомъ дѣлѣ заблуждались. Г. Личковъ еще въ началѣ 80-ыхъ годовъ показалъ, что община наиболѣе близка къ разложенію тамъ, гдѣ крестьяне дорожатъ землей, т. е. тамъ, гдѣ она приноситъ имъ больше дохода. И эта мысль г. Личкова подтверждалась рѣшительно всѣмъ, что узнавали наши изслѣдователи о положеніи русскаго крестьянскаго хозяйства. Я отмѣтилъ это явленіе еще въ книгѣ „Наши разногласія“, вышедшей въ 1884 году, и уже въ то время для меня было совершенно ясно, что раззореніе крестьянства, задерживая или даже совершенно останавливая развитіе производительныхъ силъ, тѣмъ самымъ задерживаетъ развитіе капитализма въ Россіи. Въ виду этого, легко представить себѣ, какими глазами долженъ былъ я смотрѣть на тѣхъ проицательныхъ людей, которые совѣтовали мнѣ въ интересахъ логики сдѣлаться кабатчикомъ или кулакомъ. Легко понять также, что обезземеленіе крестьянства отнюдь не могло казаться мнѣ факторомъ, способствующимъ развитію производительныхъ силъ, а слѣдовательно, при данныхъ условіяхъ и капитализма. Вотъ почему я былъ совершенно послѣдователенъ, когда въ своей брошюрѣ „О борьбѣ съ голодомъ“ указывалъ на то, что необходимо увеличить площадь крестьянскаго землевладѣнія. Такимъ образомъ, я нисколько не противорѣчилъ

¹⁾ Тамъ же, стр. 225, 226.

себѣ, говоря С. Н. Кривенко, что мы должны бороться противъ безземелья. Но для меня было совершенно ясно и то, что бороться противъ него можно различными способами. Тотъ способъ, который рекомендовали Михайловскій и Кривенко,—„законодательное закрѣпленіе общины“, представлялся мнѣ нелѣпымъ вмѣшательствомъ въ народную жизнь, не только задерживающимъ развитіе производительныхъ силъ, но ухудшающимъ матеріальное положеніе крестьянства и увеличивающимъ власть кулака въ деревнѣ. Я всей душой былъ противъ такого закрѣпленія, что и выразилъ въ своей книгѣ „О монизмѣ“. И именно потому, что бороться съ обезземеленіемъ можно различными способами, я не безусловно соглашался въ своемъ діалогѣ съ моимъ противникомъ на счетъ необходимости такой борьбы, а говорилъ: положимъ, что мы должны стараться мѣшать обезземеленію. Слово „положимъ“ означало то предположеніе, что мы будемъ мѣшать обезземеленію не тѣми средствами, которыя будутъ задерживать развитіе производительныхъ силъ, а тѣми, которыя будутъ способствовать ему. Вотъ только и всего. Это легко понять. Но какъ видно не всякому.

Еще въ „Нашихъ разногласіяхъ“ я предсказывалъ, что въ развитіи нашей общины наступитъ такой моментъ, когда разложеніе общины, выгодное для наиболѣе богатаго слоя крестьянства, станетъ выгоднымъ также для деревенской бѣдности. Факты показываютъ, что такой моментъ уже наступилъ во многихъ мѣстностяхъ Россіи. А изъ этого слѣдуетъ, что въ вопросѣ о судьбѣ общины моя субъективная логика вовсе не шла въ разрѣзъ съ объективной логикой жизни.

Нашъ „историкъ“ продолжаетъ комментировать ученіе ортодоксальныхъ марксистовъ. „Чѣмъ хуже, тѣмъ лучше, говоритъ онъ. Чѣмъ сильнѣе растетъ капитализмъ, тѣмъ скорѣе рухнетъ капиталистическій строй; чѣмъ хуже становится жить экпроприруемому, тѣмъ лучше для развитія саморазлагающагося капитализма. Однимъ словомъ, чѣмъ хуже реальнымъ личностямъ, тѣмъ лучше для блага общества въ цѣломъ: вотъ въ условномъ видѣ основное положеніе ортодоксальнаго марксизма“ (II, 363).

Послѣ только что сказаннаго мною на этотъ счетъ, я могу ограничиться однимъ замѣчаніемъ: излагать такимъ образомъ ортодоксальный марксизмъ можно лишь въ томъ условномъ видѣ, который у Нордау называется „условной ложью“. Такой „условной лжи“ не мало распространяли въ свое время народники и субъективисты на нашъ счетъ. Теперь ее вздумалъ разогрѣвать нашъ „историкъ“. Что жъ! пусть кушаютъ ее на здоровье тѣ, которымъ правятся такія блюда.

Г. Ивановъ-Разумникъ упрекаетъ насъ въ пренебрежитель-

номъ отношеніи къ „этической личности“ и „въ любви къ дальнему“. Онъ гремитъ: „Для марксизма „классъ“ игралъ роль того „абстрактнаго чловѣка“, къ которому проявлялась та „любовь къ дальнему“, о которой шла рѣчь выше... Неудивительно послѣ этого, что на первый планъ выступало въ марксизмѣ *благо опредѣленнаго класса*, и этому благу были подчинены какъ интересы общества, такъ и интересы отдѣльных личностей. На этой почвѣ классовой борьбы марксизмъ вполне логично создалъ себѣ козла отпущенія въ образѣ окончательно „разлагающагося“ русскаго крестьянства и требовалъ экспроприации мелкихъ производителей во имя процвѣтанія фабрично-заводской промышленности, что однако было только средствомъ, а не цѣлью; но все-таки въ этомъ сказывался вполне послѣдовательный анти-индивидуализмъ“ (II, 373).

Безполезно оспаривать это, но полезно обратить на это вниманіе для характеристики г. Иванова-Разумника. А эта характеристика была бы неполна, если-бъ мы упустили изъ виду слѣдующую черту. „Намъ не хотѣлось бы однако,—оговаривается г. Ивановъ-Разумникъ,—чтобы насъ приняли за абсолютныхъ противниковъ социологической доктрины марксизма; напоминаемъ поэтому еще разъ, что все сказанное выше относится къ тому крайнему ортодоксальному марксизму, въ которомъ были повинны далеко не всѣ наиболѣе выдающіеся люди девяностыхъ годовъ. Болѣе того—мы вполне признаемъ громадныя заслуги марксизма, его благотворное, оживляющее вліяніе на критическую мысль русской интеллигенціи“ (II, 375).

Эта оговорка заставила меня вспомнить слова Гегеля: „разумъ столько же хитеръ, сколько и могучъ“ и сказать себѣ: неразуміе тоже обнаруживаетъ подчасъ не малую хитрость. *Оговорки* г. Иванова-Разумника, повидимому, предназначена роль *отговорки*: если кто-нибудь вздумаетъ, ссылаясь на сочиненія русскихъ марксистовъ, упрекать нашего „историка“ въ искаженіи истины, то онъ возразитъ: да, вѣдь, я и самъ говорилъ, что далеко не всѣ наиболѣе выдающіеся люди и т. д. Очень тонко! Но эта тонкость меня не смущаетъ¹⁾. Не справляясь о томъ, къ какимъ марксистамъ причисляетъ меня нашъ „историкъ“: къ выдающимся, или къ зауряднымъ, я утверждаю, что онъ въ своей якобы исторіи систематически искажаетъ мои мысли. И не только мои, но и мысли Струве (первой манеры), который конечно ни-

¹⁾ Она смущаетъ меня тѣмъ менѣе, что, какъ и слѣдовало ожидать, далѣе г. Ивановъ-Разумникъ опять смѣло утверждаетъ, что „всѣ ортодоксальные марксисты признавали, что чѣмъ хуже, тѣмъ лучше“. (II, 385, 386) Отсюда ясно видно, что оговорка въ самомъ дѣлѣ есть не болѣе, какъ отговорка.

когда не воспѣвалъ кобатчиковъ. И не только мысли Струве, но и мысли Маркса и Энгельса, которые ужъ, конечно, принадлежать къ числу „наиболѣе выдающихся“ западно-европейскихъ марксистовъ. Вотъ примѣръ.

„Zusammenbruchstheorie и Verelendungstheorie ортодоксальнаго марксизма, теорія обнищанія массъ и теорія катастрофы капитализма, были наиболѣе анти-индивидуалистическими положеніями этой доктрины, основанными на принципѣ „чѣмъ хуже, тѣмъ лучше“. Пусть крестьянская масса нищаетъ, пусть капиталъ сосредоточивается въ однихъ рукахъ, пусть кризисы выбрасываютъ за бортъ сотни тысячъ рабочаго люда—все къ лучшему въ семъ лучшемъ изъ міровъ: тѣмъ скорѣе капиталистическій строй подойдетъ къ зениту своей эволюціи, тѣмъ скорѣе отъ зенита онъ начнетъ опускаться въ далекій туманъ будущаго (впрочемъ это „далекое будущее“ было для Маркса и Энгельса только полу-столѣтіемъ), тѣмъ скорѣе создадутся новыя, лучшія формы жизни“ (II, 376).

Указаніе на Маркса и Энгельса свидѣтельствуетъ о томъ, что, по мнѣнію нашего автора, не одни рядовые марксисты держались принципа „чѣмъ хуже, тѣмъ лучше“. На самомъ дѣлѣ Марксъ и Энгельсъ никогда не держались ни этого принципа, ни „теоріи обнищанія массъ“, ни „теоріи катастрофы“ въ томъ видѣ, какой придали имъ этимъ двумъ теоріямъ противниками марксизма. На самомъ дѣлѣ, обвинять въ приверженности къ указанному принципу и къ названнымъ теоріямъ (повторяю въ томъ видѣ, какой имъ придали противники марксизма) можно развѣ только Бакунина,—непримиримаго врага марксизма. Но на этотъ счетъ у критиковъ Маркса твердо установилась та „условная ложь“, что Марксъ вполне повиненъ въ этомъ принципѣ и въ этихъ теоріяхъ, такъ что, повторяя эту „условную ложь“, нашъ авторъ не вноситъ никакой „отсебятины“, а лишь повторяетъ то, что говорили другіе, старается быть, „какъ всѣ“. Но чрезвычайно характерно для него то обстоятельство, что, повторяя доводы критиковъ Маркса, онъ не умѣетъ отнестись къ нимъ съ критикой, не догадывается спросить себя: не означаютъ ли собой, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые изъ этихъ доводовъ разрыва съ социализмомъ и возврата къ точкѣ зрѣнія теоретиковъ буржуазіи. Напротивъ, онъ съ восторгомъ повторяетъ эти доводы и, слыша ихъ, напримѣръ, отъ г. Струве, охотно прощаетъ этому послѣднему его прежніе грѣхи,—правда мнимые,—по части „воспѣванія кобатчиковъ“.

Нашъ сторонникъ „русскаго социализма“ съ восторгомъ встрѣчаетъ самые буржуазныя доводы критиковъ,—и особенно г. Струве

второй манеры,—противъ марксизма и, подводя итогъ этимъ доводамъ, говорить:

„Великій расколъ русской интеллигенціи девяностыхъ годовъ привелъ... къ разложенію ортодоксальнаго марксизма и гибели ортодоксальнаго народничества; народничество это погибло подъ ударами марксизма, а марксизмъ разложился отъ внутреннихъ противорѣчій! Ортодоксальный марксизмъ опирался на „перевернутого вверхъ ногами Гегеля“; всю шаткость этой оригинальной точки опоры ясно показало критическое теченіе въ марксизмѣ: достаточно было легкаго толчка, чтобы перевернутый вверхъ ногами Гегель тяжело рухнулъ внизъ, увлекая въ своемъ паденіи и ортодоксальный марксизмъ, тщетно пытающійся ухватиться за эмпирио-критицизмъ Авенариуса“ (II, 447).

Страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ, говоритъ русскій народъ. Доводы критиковъ Маркса въ сущности ровно ничего не пошатнули въ теоріи автора „Капитала“, а только показали, какъ плохо понимали эту теорію „г. г. критики“. Но любопытны „критическіе“ приемы самого г. Иванова-Разумника. Ортодоксальный марксизмъ опирается у него на перевернутого вверхъ ногами Гегеля. Приписавъ марксизму столь „шаткую“ опору, онъ съ удовольствіемъ констатируетъ потомъ, что марксизмъ рухнулъ внизъ отъ легкаго толчка. Откуда же взялся перевернутый вверхъ ногами Гегель? Марксъ говорилъ, что діалектика Гегеля даетъ въ общихъ чертахъ вѣрное изображеніе процесса развитія дѣйствительности, но, благодаря своему идеалистическому характеру, переворачиваетъ его вверхъ ногами. Поэтому необходимо перевернуть это изображеніе, поставить его на ноги, т. е. сдѣлать діалектику материалистической. Такова была мысль Маркса. Кто не соглашается съ ней, разумѣется, имѣетъ полное право критиковать ее. Но нашъ авторъ предпочелъ ограничиться извращеніемъ этой мысли: онъ перевернулъ ее вверхъ ногами и написалъ, что марксизмъ опирался на перевернутого вверхъ ногами Гегеля. Я уже сказалъ, неразуміе обнаруживаетъ поцчасъ тоже порядочную хитрость.

Слушаемъ дальше. „Въ 1895 году появляется, какъ мы знаемъ, напумѣвшая книга Бельтова-Плеханова „Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію“, — рассказываетъ нашъ авторъ; она представляетъ изъ себя не болѣе и не менѣе какъ подробную перефразировку идей Энгельса изъ его знаменитаго „Анти-Дюринга“, дополненную историческими изслѣдованіями о генезисѣ „научнаго социализма“. Вопросъ о цѣнности этихъ изслѣдованій мы въ данномъ случаѣ можемъ оставить въ сторонѣ, такъ какъ здѣсь насъ интересуетъ главнымъ образомъ філіація философскихъ идей, а въ этой области Плехановъ только рабски

слѣдовалъ за Энгельсомъ — въ немъ для русскихъ марксистовъ былъ законъ и пророки... Въ настоящее время не можетъ быть двухъ мнѣній о философской цѣнности „системы“ Энгельса; какъ извѣстно, онъ опирался на Гегеля и такъ толковалъ и исправлялъ великаго нѣмецкаго философа, что послѣдній не разъ, надо думать, переворачивался въ гробу... Въ философской нѣмецкой литературѣ „система“ Энгельса давно уже опѣнена по заслугамъ, представляя изъ себя философское ничто, такъ что опровергать ее подробно, писать „Анти-Энгельсъ“ было бы лишь непроизводительной тратой времени“ (II, 450).

На слѣдующей страницѣ, въ примѣчаніи, г. Ивановъ-Разумникъ снисходительно заявляетъ: „изъ уваженія къ заслугамъ Плеханова мы предпочитаемъ умолчать о рядѣ статей въ защиту вульгарнаго матеріализма, собранныхъ впоследствии въ его книгѣ „Критика нашихъ критиковъ“: до того всѣ онѣ не выдерживаютъ критики“...

По этому поводу я вижу себя вынужденнымъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній моему милостивому критику.

Во-первыхъ, мнѣ чрезвычайно жаль, что онъ, очевидно имѣя полную возможность опровергнуть по существу материалистическую основу марксизма, ограничился тѣмъ, что „перевернулъ Гегеля вверхъ ногами“. Это придало его аргументаціи совсѣмъ легкомысленный видъ. И если это произошло вслѣдствіе моихъ заслугъ, то я готовъ пожалѣть даже о заслугахъ.

Во-вторыхъ, если я, возражая нашимъ „критикамъ“, проповѣдывалъ *материализмъ*, то неосновательно было говорить, что ортодоксальный марксизмъ сумѣлъ выставить на свою защиту только тщетную попытку „ухватиться за эмпирио-критицизмъ Авенариуса“.

Въ третьихъ, если мои философскіе взгляды представляютъ собой лишь перефразировку философскихъ взглядовъ Энгельса, то почему онъ именуетъ ихъ вульгарнымъ матеріализмомъ? Развѣ ему не извѣстно, что существуетъ большая разница между тѣмъ, что называютъ вульгарнымъ матеріализмомъ съ одной стороны и діалектическимъ матеріализмомъ Энгельса съ другой?

Въ четвертыхъ, если г. Ивановъ-Разумникъ думаетъ, что Энгельсъ плохо „толковалъ и исправлялъ“ великаго нѣмецкаго философа, то это надо было доказать, а не ограничиваться простымъ декретированіемъ этого мнѣнія. Вѣдь, мы же не въ состояніи провѣрить, точно ли Гегель „переверачивается“ въ гробу и, если да, то потому ли, что его плохо „толковалъ и исправлялъ Энгельсъ“. Или, можетъ быть, нашъ авторъ предпочелъ остаться голословнымъ изъ уваженія къ заслугамъ Энгельса.

Въ пятыхъ, вполне справедливо то, что въ философской нѣ-

мецкой литературѣ къ материализму Энгельса-Маркса относятся теперь совершенно отрицательно. Но это нисколько не мѣшаетъ мнѣ считать этотъ материализмъ единственно правильной философией. И за это нашъ авторъ долженъ былъ бы не порицать, а скорѣй хвалить меня. Если, какъ утверждаетъ г. Ивановъ-Разумникъ, вслѣдъ за Герценомъ, „мѣщанство это трафаретность“; если „символь вѣры мѣщанства и его завѣтнѣйшія стремленія—быть, какъ всѣ“ (I, 15), то чтожъ плохого въ томъ, что я въ философіи не хочу быть, какъ всѣ, не склоняюсь къ трафаретности. И не показываетъ ли это, что и мы, ортодоксы, не лишены того, что нашъ авторъ считаетъ хорошими сторонами „индивидуализма“.

Въ шестыхъ, я предоставляю свѣдущимъ въ философіи людямъ рѣшить, какъ отношусь я къ Марксу и Энгельсу: какъ рабъ, слѣдующій за своими господами, но неспособный усвоить всю полноту ихъ мысли, или же какъ ученикъ, сознательно отстаивающій тѣ принципы, къ которымъ пришли его учителя. Предоставляю тѣмъ же свѣдущимъ людямъ рѣшить и вопросъ о томъ, въ какой мѣрѣ мои философскія статьи являются простой перефразировкой первой части Энгельсова „Анти-дюринга“. Но я категорически утверждаю, что къ числу свѣдущихъ людей не можетъ быть отнесенъ нашъ авторъ, очевидно не понимающій ни меня, ни Энгельса, ни Маркса.

Въ седьмыхъ. Будь у г. Иванова-Разумника хоть нѣкоторая склонность къ критическому мышленію,—онъ не ограничился бы указаніемъ на отрицательное отношеніе нынѣшнихъ нѣмецкихъ „философовъ“ къ материализму, а спросилъ бы себя, чѣмъ вызывается такое отношеніе. И тогда при извѣстномъ вниманіи къ вопросу, онъ, можетъ быть, самъ понялъ бы, что указанное отношеніе нѣмецкихъ философовъ къ материализму вызывается причинами, не имѣющими ровно ничего общаго съ „чистой“ философской истиной. Нынѣшняя идеалистическая философія не только въ Германіи, но и во всемъ цивилизованномъ мірѣ представляетъ собой философію буржуазіи („мѣщанство!“) временъ упадка. У меня, какъ у человѣка, не стоящаго на „мѣщанской“ точкѣ зрѣнія, нѣтъ ни малѣйшей склонности къ этому философскому декадентству, и я горжусь тѣмъ, что мои философскіе взгляды не нравятся декадентамъ философіи.

Я знаю, г. Ивановъ-Разумникъ рѣшительно возстаетъ противъ того взгляда, что совершающаяся въ современномъ обществѣ классовая борьба можетъ имѣть положительное или отрицательное вліяніе на развитіе философскихъ понятій. Но и въ этомъ своемъ отрицаніи онъ остается голословнымъ,—по обыкновенію, ограничиваясь крикливымъ декретированіемъ своего мнѣнія.

Онъ и не подозрѣваетъ того, что, декретируя независимость философскаго мышленія отъ общественнаго бытія, онъ противорѣчитъ тѣмъ частицамъ истиннаго взгляда на этотъ предметъ, которыя, повидимому, уже проникли въ его міросозерцаніе. Такъ, напримѣръ, онъ признаетъ, что великіе люди не съ неба падаютъ, а создаются окружающей ихъ общественной жизнью. А для философовъ,—особенно для философовъ-идеалистовъ нашего времени,—онъ, какъ видно, дѣлаетъ исключеніе: эти почтенные мужи, какъ видно, падаютъ съ неба. „По нынѣшнимъ временамъ“, этому повѣряютъ многіе (даже изъ тѣхъ, которые облыжно именуютъ себя марксистами); я не изъ ихъ числа. Я признаю совершенно правильными слова Гегеля: философія есть выраженіе своего времени въ мысляхъ (*seine Zeit in Gedanken erfasst*). А когда я анализирую данное время, то я не могу абстрагироваться отъ свойственныхъ этому времени экономическихъ отношеній и классовой борьбы. И я полагаю, что, еслибъ я вздумалъ абстрагироваться отъ нихъ, то это придало бы моимъ разсужденіямъ столь характерныя для мѣщанства „узость формы“ и „плоскость содержанія“.

Пора кончать. Г. Ивановъ-Разумникъ объявляетъ русскій народъ „можетъ быть“ наименѣе мѣщанскимъ „народомъ“ въ мірѣ. Онъ дѣлаетъ это потому, что русская интеллигенція представляется ему наиболѣе проникнутой духомъ „индивидуализма“. Но что такое „индивидуализмъ“ русской интеллигенціи?

У Тургенева одинъ „лишній человѣкъ“ говоритъ: „у насъ, русскихъ, нѣтъ другой жизненной задачи, какъ опять-таки разработка нашей личности, и вотъ мы, едва возмужалыя дѣти, уже принимаемся разрабатывать ее, эту нашу несчастную личность“.

Тутъ очень много вѣрнаго. Русскіе интеллигенты въ самомъ дѣлѣ очень много занимались разработкой своей личности и вообще вопросами „индивидуализма“. Потому, что имъ были закрыты пути къ общественной и политической дѣятельности. По пословицѣ „нѣтъ худа безъ добра“, эта усиленная разработка личности привела къ тому, что русская интеллигенція въ своихъ взглядахъ на нѣкоторые вопросы личныхъ отношеній опередила современную интеллигенцію Западной Европы ¹⁾.

1) Говорятъ, что знаменитая на всемірномъ рынкѣ русская кожа (*cuir russe*) обязана своимъ общепризнаннымъ превосходствомъ тому, что въ Россіи скотъ гораздо хуже питается и вообще живетъ при худшихъ гигиеническихъ условіяхъ, нежели въ другихъ странахъ. Если это вѣрно, то причина превосходства русской кожи отчасти напоминаетъ (я не говорю о полномъ сходствѣ) ту, благодаря которой мы, русскіе интеллигенты, превосходимъ интеллигентовъ запада по части вопросовъ личныхъ отношеній: насъ плохо кормила наша мачеха-исторія.

Однако наличность добра во всякомъ худѣ еще не дѣлаетъ худо — добромъ. То обстоятельство, что русскому интеллигенту были закрыты пути къ общественной и политической дѣятельности, причинялось неразвитостью нашихъ общественныхъ отношеній. А эта неразвитость дѣлала нашихъ интеллигентовъ, такъ много занимавшихся вопросами личности, утопистами. Не удивительно, поэтому, что нашъ русскій утопизмъ всегда былъ проникнутъ духомъ „индивидуализма“, а ко времени Михайловскаго насквозь пропитался этимъ духомъ. Говоря это, я вовсе не думаю упрекать русскую интеллигенцію, а просто указываю на объективныя условія ея развитія и повторяю, что въ числѣ этихъ условій самое важное мѣсто занимала неразвитость общественныхъ отношеній. Этой неразвитостью объясняются какъ слабыя, такъ и сильныя стороны нашего „индивидуализма“; много занимаемая вопросами личности, русскій передовой интеллигентъ не переставалъ отъ души сочувствовать массѣ: сочувствіемъ къ ней и вызывалось его увлеченіе утопическимъ социализмомъ. Но времена мѣняются, а наша неразвитость общественныхъ отношеній не оставалась сама себѣ равной. Пульсъ экономической жизни нашей страны мало-по-малу забился сильнѣе, старые экономическіе устои нашей общественной жизни рухнули, у насъ появились на исторической аренѣ новые общественные классы, и между этими классами началась та борьба, вліяніемъ которой характеризуется вся умственная и общественная жизнь Западной Европы новѣйшаго времени. Если въ области политики эти новые, борющіеся между собой классы имѣли нѣкоторые общіе интересы, состоявшіе и состоящіе въ измѣненіи стараго порядка, то наличность этихъ общихъ интересовъ, не всегда впрочемъ правильно понимаемыхъ обѣими сторонами, нисколько не устраняла необходимости размежеванія въ области идеологій. Такое размежеваніе началось у насъ передовыми идеологами буржуазіи въ 90-ыхъ годахъ подъ именемъ „Критики Маркса“¹⁾. И съ тѣхъ поръ, какъ началось это размежеваніе, „индивидуализмъ“ нашей интеллигенціи сталъ принимать новую, до тѣхъ поръ вполне чуждую ему окраску: онъ становился буржуазнымъ. Прежде такъ искренно сочувствовавшій страданіямъ массы, онъ почувствовалъ теперь, что ея интересы далеко не тождественны съ его интересами. И онъ сталъ презрительно поглядывать на нее сверху

¹⁾ Многие изъ этихъ идеологовъ сами считали себя втеченіи нѣкотораго времени марксистами, но почему это было такъ, — это вопросъ другой, насъ здѣсь не касающійся. Важно то, что начать размежеваніе имъ было необходимо между прочимъ потому, что въ теченіе нѣкотораго времени они фигурировали въ качествѣ марксистовъ. Подобная „ненормальность“ могла быть только временной.

внизъ, обвиняя ее въ томъ, что составляло его собственный первородный грѣхъ, — въ мѣщанствѣ. Такимъ образомъ и выработалась постепенно та точка зрѣнія, на которой стоитъ г. Ивановъ-Разумникъ. Этому послѣднему кажется, что его „индивидуализмъ“ очень близокъ къ „индивидуализму“ Михайловскаго, что это въ сущности тотъ же самый индивидуализмъ, но только прошедшій чрезъ горнило критики и получившій правильное философское обоснованіе. Мы уже видѣли, что у г. Иванова-Разумника выходитъ, будто бы онъ только внесъ существенную поправку въ „индивидуализмъ“ Михайловскаго: Михайловскій требовалъ отъ „личности“ „широты“, а г. Ивановъ-Разумникъ предъявлялъ къ ней, кромѣ того, требованіе „глубины“. Но мы знаемъ также, что это — слова, слова, слова. На самомъ дѣлѣ „индивидуализмъ“ въ лицѣ г. Иванова-Разумника получилъ совершенно другое *внутреннее содержаніе*. И это новое содержаніе лучше всего характеризуется уже хорошо знакомыми намъ словами г. Иванова-Разумника:

„Ошибка Герцена была въ томъ, что анти-мѣщанство онъ искалъ въ классовой и сословной группѣ, между тѣмъ, какъ сословіе и классъ — всегда толпа, масса сѣраго цвѣта, съ серединными идеалами, стремленіями, взглядами; *отдѣльныя болѣе или менѣе ярко окрашенныя индивидуальности изъ всѣхъ классовъ и сословій* составляютъ внѣклассовую и внѣсословную группу интеллигенціи, основнымъ свойствомъ которой и является анти-мѣщанство¹⁾ (I, 376).

Этихъ словъ не похвалилъ бы Михайловскій. Онъ былъ утопистъ; онъ не понималъ, что освобожденіе массы можетъ быть только дѣломъ самой массы; онъ не понималъ ничѣмъ незамѣнимаго значенія ея исторической самостоятельности, но онъ не презиралъ массы. И потому напрасно цѣпляется за его фалды нашъ „ярко-окрашенный“ въ мѣщанскій, — или можетъ быть сверхмѣщанскій, — цвѣтъ г. Ивановъ-Разумникъ.

Но, съ другой стороны, надо и то сказать: въ настоящее время идеологи буржуазіи нерѣдко эксплуатируютъ для защиты своей позиціи слабыя мѣста утопическаго социализма. Это уже знакомая намъ иронія исторіи идей, та иронія, которой хотѣлъ поклониться Прудонъ.

Г. Плехановъ.

¹⁾ Курсивъ г. Иванова-Разумника.
июль. отд. I.